

ОТ ИЗДАТЕЛЯ [1.htm](#) *михаил локтионов*

письма

ИГРА В ДЕНЬГИ [2.htm](#) *алексей полетаев*

ТЭГИ НА БАШНЯХ [3.htm](#) *михаил золотухин*

У НИВО МЕДВЕДИТСЯ СМЕЯЦА [4.htm](#) *инна олегова*

СИМУЛЯЦИЯ РАССВЕТА [5.htm](#) *оксана абрамович*

**ПСИХОЛОГИЯ
НАРЦИССИЗМА** [6.htm](#) *елена соколова*

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ [7.htm](#) *виктор тихомиров*

СТИЛЬ - ПОД НОЛЬ [8.htm](#) *анатолий берштейн*

НА ОКРАИНАХ НЕНАВИСТИ [9.htm](#) *григорий асмолов*

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ [10.htm](#) *юрий мамин*

ЦАРЕВНА В ЛЯГУШКЕ [11.htm](#) *наталья евсикова*

**В МУДРОМ ОДИНОЧЕСТВЕ
БОДРСТВУЙ** [12.htm](#) *януш корчак*

ХОЧУ В ШКОЛУ [13.htm](#) *vladimir ланцберг*

**ПОЧЕМУ ОНИ
РАЗГОВАРИВАЮТ МАТОМ** [15.htm](#) *сергей степанов*

ВСЕГО ЛИШЬ СЛОВА [16.htm](#) *светлана кривцова*

**КОГДА НИЗ СТАНОВИТСЯ
ВЕРХОМ** [17.htm](#) *маргарита жамкочьян*

ОРЕЛ ИЛИ РЕШКА [18.htm](#) *инна кошелева*

**РОЛИ, КОТОРЫЕ МЫ
ПОДБРАСЫВАЕМ ДЕТЯМ** [19.htm](#) *маргарита жамкочьян*

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ [20.htm](#) *юрий саульский*

**НЕРАЗГАДААННЫЙ СМЫСЛ
СНОВ** [21.htm](#) *вадим ротенберг*

ИГРА В ПУСТЯКИ [22.htm](#) *галина заходер*

КНИГИ [23.htm](#) *тургенев / кара-мурза*

МАМА ИЗ МЭНВИЛЛА [24.htm](#) *марджеро роулингс*

ОТ ИЗДАТЕЛЯ | *михаил локтионов*

- издатель нашего журнала - выпускник факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ, кандидат философских наук, директор Центра международного сотрудничества "МОСТ", отец семилетнего сына.

С такого рода текстами к читателям обращаются редко. Как-то не принято советоваться с ними. Для издателя если не нахальство - второе счастье, так уверенность в своей правоте. Но у "Педологии" совсем не типичный читатель. 75% наших подписчиков живут в небольших городах Сибири, Дальнего Востока и Юга России. Большая часть из них - жители райцентров, две трети - подписчики постоянные. Такой доле постоянных читателей могут позавидовать коллеги по издательской индустрии. Дальше. Половина читающих "Педологию" - это мужчины (вопреки обычной статистике, свидетельствующей, что большинство читающих журналы - даже если это журналы для мужчин - женщины). Любопытно, что наш журнал читают подростки. Что недвусмысленно намекает: "Педология" стала изданием семейным. На нас подписываются библиотеки. Это значит, что нас читают люди, которые ходят в библиотеки. А внимание таких людей уж и вовсе комплимент. Словом, этот "нетипичный" читатель "Педологии" - человек, который не склонен поступать бездумно, склонен задумываться и ценить мыслящего собеседника. Именно таким мы и делаем журнал, чтобы он мог стать собеседником читателю.

"Педология" выходит уже почти три года. И она явно подошла к некому рубежу: ведь уже два года существования - это такой период для любого креативного коллектива (не только для редакции), когда происходит первый кризис роста. Этап роста заканчивается, развитие интенсивное должно смениться экстенсивным, а команда к концу третьего года, как правило, исчерпывает внутренний ресурс. Ситуация разрешается либо привлечением новых идей, либо изменением макроситуации, либо обновлением ресурсов, либо в силу вступает синергетический эффект... И потому я думаю: что нам следует изменить, обновить, если положение вещей извне не диктует нам обновления?

Я начал издавать "Педологию", потому что считал - и продолжаю считать: что журнал, посвященный психологии человека, необходим. Мы выбрали психологию ребенка, потому что дети и детство - это то, что всех нас объединяет. Ведь если у вас нет детей, вы сами когда-то были ребенком, и уж не читателям "Педологии" объяснять, что многое в нашей взрослости-зрелости берет начало в детстве. Известно, что детство - это чувство твоих чувств. Да и само название "Педология" привлекло меня тем, что это комплексная, системная наука о детях, что в ней соединились педагогика, психология, личная гигиена, если хотите. А я испытываю слабость к системности - как математик по образованию и философ по нынешнему роду занятий и, думаю, по призванию.

Главной целью было выпустить издание совершенно своеобразное, в чем-то стильное, но обязательно нужное. Чтобы одних оно брало содержанием, других - оформлением, третьих - нестандартностью подачи проблем, самих текстов. Ко мне особое отношение имеет последнее. Меня всегда интересовала в прессе культура подачи новости, темы. Просто быть в курсе событий мне позволяет любая новостная лента в Интернете. Причем именно любая. Когда, скажем, "Коммерсантъ" старался находить такой стиль подачи новостей и анализа произошедшего, чтобы текст был ... ну не литературным произведением, а чем-то большим, чем событийной сводкой-хроникой, он был мне интересен. Теперь, увы, все меньше. И не только из-за лоббирования каких-то соцгрупп и олигархов, осуществляемого на его страницах. Померк стиль, примитивизировались подходы.

Для меня качество издания - это во многом, видимо, вопрос стиля. Отсюда наше оформление, которое одних неизменно впечатляет своей рукотворностью, других же неизбежно раздражает. Отсюда же и некоторая провокативность журнала. Вообще журнал должен отчасти и провоцировать, выдавать, по меткому выражению Бориса Николаевича, такие загогулины... И кое-какие из текстов просто-таки должны раздражать. Для себя важными я считаю материалы, вызывающие вашу бурную реакцию. Например, текст Назаретяна о природе агрессии. Или вот та наша чудная, по-моему, провокация с выпуском маленькой книжки про "маленького Нет". Я лично противник содержания этой книги, но тем не менее как нечто подталкивающее к размышлению эта книжка далеко не лишняя.

А в смысле собственно содержания, содержательной "нужности", нам хотелось сделать журнал психологический без акцентированной "психологии". Мы решили заняться непсихологической психологией. Но я не имею в виду и популяризацию психологии. "Психология для не-психологов" - это не метод популяризации, это некоторая попытка помочь людям разобраться в себе, в детях, в наших отношениях и в отношениях с миром. И, если хотите, помочь людям помогать - своему ребенку, соседскому. Я имею в виду, что психология с нашим журналом должна была стать частью обыденности читателей, тем, с чем они могли бы соизмерять свои жизненные шаги, что им помогало бы в каждодневном существовании. Тем более, что наука психология для России - штука свежая, эту роль от века выполняла Великая Русская Литература, отчасти алкоголь, дававший желанное внутреннее раскрепощение, а для мужчин еще и, извините, женщины - возлюбленные, способные погладить по голове в минуту тягостных раздумий...

Я уж не говорю о том, что "непсихологический психологический журнал" - это еще и шанс для авторов-психологов - говорить обыкновенным, доступным, человеческим языком о том, во что ты как бы посвящен, с непосвященными. По правде, многие из них, психологов, и не знали, что такое возможно. Мне казалось полезным и сломать бытующую в психологической среде традицию. Психологи сначала подолгу учатся какой-либо методике, а потому вместо того, чтобы работать по ней, учат других. Психология красивых терминов подменяет практику психологии. Мне же казалось важным сделать журнал, который бы стал даже ближе к читателю, чем практикующий психолог. Который бы говорил не о проблемах и конкретных путях их решения - и тем самым поучал, а это категорически не наш путь, - а просто говорил. Говорил с читателем о существовании некоторых проблем и побуждал задуматься о них.

Мы обращаемся к людям, которые пережили собственное экзистенциальное одиночество и осознали, что вот это несчастье и это счастье, и этот "детский вопрос" есть не только у меня. Мне бы хотелось держаться такой интонации нашего журнала - он подтверждает, что мои проблемы не только мои. Что они общие. Разрешение их волнует многих, и я нашел желающего разделить их со мной.

Журнал разговаривает с человеком и дает ему возможность понимать себя и принимать решения. Конкретных рекомендаций мы стараемся избегать, и разговор поворачиваем к тому, что стоит за проблемой. Ведь мудрость гласит: если бы Дао можно было выразить словами, то каждый сказал бы об этом своему брату. Нельзя дать совет: говорящий не знает, знающий не говорит. Советы - это путь "гламурных" журналов, журналов образа жизни. Нам же хочется делать журнал не образа, а самого предмета, жизни. Журнал не про "как", а про "что".

Но, судя по нашему все еще скромному тиражу, мы промахнулись. Ощущение такое, что широкий читатель - а журнал хотел бы быть нужным ему - ждет конкретных установок. Выходит, нам не удалось сформировать "демократический" читательский "класс". И логично, что мы ждем помощи и совета от того, кто стал читательским "аристократом" "Педологии", от вас, кто читает журнал сегодня.

Как должен измениться журнал? Чего в нем не достает, мимо каких тем он проходит? Может быть, мы зря "заикнулись" на ребенке? В конце концов еще Эрик Берн в своей книге "Игры, в которые играют люди" разделил всех нас на ребенка, родителя и взрослого. В каждом из нас, согласно науке психологии, живет ребенок. Сколько бы нам ни было лет, мы во многом сохраняем детское восприятие жизни - детство не существует только в своих рамках и склонно пронизывать все. Возможно, нам правильно было бы рассматривать ребенка как, прошу прощения, своего рода повод, как наше общее детское прошлое, диктующее взрослое настоящее? Или нам стоит делать журнал, и вовсе не связанный с детской психологией? Может, смотреть на вещи шире - и начать журнал про психологическую подкладку жизни вообще?

Но ведь не исключено, что в наше время, когда на издательском рынке столько глянцевого, желтого, популярного, доступного, когда уйма всего очень cool, есть и для girl, издавать такой журнал всего лишь родимое пятно прошлого? |

ИГРА В ДЕНЬГИ | *алексей полетаев*
Москва

>> **КАРМАННЫЕ ДЕНЬГИ** / *ирина хоменко/№8* ..>>

Мои отношения с сыном Женей складываются удачно (не сглазить), пока дело не касается учебы. Учиться он не любит. Точнее, не находит причину, способную удержать его в классе или вечером усадить за уроки. А нравится Жене история.

Особенно раздел "Исторические сражения". Это благодаря тому, что мы с ним собираем солдатиков различных исторических эпох. Но учебник истории все же не стал ближе учебника математики. И то и другое в его понимании просто отнимает время у "Sony Playstation".

Игровая приставка, подаренная на Новый год, стала нашей ареной сражения. Оценки в школе заколебались во всем возможном диапазоне. А разговоры об учебе вообще стали невыносимы. Я не знал, что делать. Договориться было невозможно. В этот момент я прочел в вашем журнале статью про "карманные деньги", рассказ родителей о том, как они строили свои отношения с ребенком на экономической основе. Мне это показалось близким и понятным, захотелось попробовать, да и другого выхода я просто не видел.

Я временно приостановил покупку новых дисков. Что было сразу замечено сыном. Их приобретение я не хотел ставить в зависимость от его оценок, боялся покупать учебу. Мне казалось, что тогда придется покупать все - и уважение, и заботу, и любовь. Главное - не напрямую. С каким-то промежуточным звеном, путающим, скрашивающим. Любим. Но так, чтобы у него не оставался рыночный осадок в наших отношениях. Мы договорились, что я вообще игры не покупаю, но даю ему сто рублей в месяц на два диска, или еще на что-нибудь. Этими деньгами он распоряжается сам.

Как-то я спросил: "Ты хочешь еще заработать, поиграть, как на бирже?" И предложил оценивать его успеваемость. Пятерка, четверка - десять рублей. Тройка - ничего. Двойка, кол - минус десять рублей. Из твоих или к твоим ста рублям. Каждый день подводим итог. Выигрыш или проигрыш - вариационная маржа (пригодился опыт работы на фьючерсной бирже). В конце месяца - итог.

Он согласился. Меньше ста не получал ни разу. А вот удваивал и утраивал сумму несколько раз.

Иногда я покупал ему диски. Сам. Спонтанно. Просто так. Чтобы он не думал, что отметки и наш с ним денежный счет - моя цель. Есть еще и любовь, желание дарить радость.

Позже я договорился платить ему по пятьдесят рублей за небольшую и сто за нормальную книгу по моему выбору. И это его устроило. Он прочитал "Одиссею капитана Блада", "Три мушкетера", "Таинственный остров", "Капитана Немо", "Всадника без головы" (все, правда, в сокращении).

Эксперимент продолжается уже год. Учеба и сейчас не вполне удовлетворяет меня: одна тройка в четверти. Но он занимается больше. Раньше простые предметы (естествознание, труд) он проваливал из-за нежелания, теперь получает - "пять", "четыре". Учиться, конечно, не полюбил. Но обидных промахов из-за лени или из-за того, что "забыл", стало меньше. Да и для себя он приобрел около тридцати дисков, видеокассеты. И Гарри Поттера уже читает бесплатно. Сам.

Рядом с денежным рычагом я использовал его честолюбие, которое весьма гармонировало со свободой, которую давали деньги. Он тратил их абсолютно самостоятельно. Однажды даже приобрел Бивиса и Батхеда на видео. Я отказался купить, но ему запрещать не стал, кроме серии про "телок". Он не спорил с этим. Пошел на компромисс. И даже был доволен той свободой выбора, которую получил. А через месяц уже жалел, что выкинул деньги на ерунду. (Я думаю, если запретил бы, то Бивис и Батхед были бы его кумирами до сих пор).

Не знаю, как будет дальше. Он копит на "Playstation 2". Диски к ней стоят значительно дороже. Мои затраты вырастут, но и ответственности у него становится все больше. А это того стоит. |

ТЭГИ НА БАШНЯХ | *михаил золотухин*
- 17 лет, Зеленоград

>> **ЗНАКОМЬТЕСЬ: ГРАФФИТИ/михаил лурье/№2 (11) ..>>**

Зачем мы рисуем на стенах? Вовсе не для того, чтобы "с помощью рисунков и надписей сделать "своим" пространство микрорайона и города" или показать свою "самостоятельность по отношению к родителям", как пишет ваш журнал. Мы рисуем для того, чтобы хоть как-то донести до людей свои идеи, свои мысли, свою философию, и баллончик с краской бывает единственным способом для достижения этой цели.

Граффити - это способ заявить о себе, но это и отличная самореклама, и вообще возможность рекламировать что-либо. На Западе это давно поняли и не приравнивают ребят, расписывающих стены, к вандалам, которые бьют стекла и устраивают массовые беспорядки. Запад влияет на нашу культуру, в том числе и на граффити, и вы верно об этом пишете, но с каждым годом российская сцена становится все более индивидуальна. Западные понятия и сленговые выражения типа "piece" все реже используются нашими художниками, и все реже наши работы походят на работы Запада.

Рисовать можно все что угодно, начиная с простой надписи, которая может нести глубокий смысл или быть простым названием твоей команды, и заканчивая разнообразными персонажами и даже сюжетами. Главное, чтобы в рисунке была мысль. Все художники подписывают свои работы. Граффити-райтеры не исключение. Под каждым рисунком ставится "тэг" (от англ. "tag" - роспись), который говорит людям, кто именно рисовал. Поэтому "тэг" не имеет определенных стилей, он - вымысел самого автора.

Есть несколько общепринятых стилей граффити, об этом вы мало писали. Самый распространенный - bubble (от англ. "bubble" - "пузырь"), где буквы приобретают надутую форму. Стилль wildstyle ("дикий стиль") многим кажется самым типичным для граффити, но это не так. Стиллей много, но настоящий райтер не должен вписываться в эти рамки. Как и все художники, мы стремимся открыть, образовать свой, отличающийся от других стиль. Придумать новое сложно, опять же в сравнении с Западом, где начали рисовать на 30-40 лет раньше, но именно это стремление повышает уровень граффити и отличает профессионала от дилетанта. Профессионалов мало, что заставляет взрослых думать ошибочно о граффити как о мазне на стенах: "Здесь был Вася..." Это злит, раздражает многих, но так будет до тех пор, пока люди не поймут: разукрашивать стены - это не хулиганство, граффити - культура, которая имеет множество своих ценностей и правил.

Согласитесь, совсем неплохо, когда спешишь на работу, видеть красивую будку, на которой нарисован и тебе улыбается смешной персонаж. Такие мелочи незаметно повышают настроение. Так почему же люди не хотят этого принять? Мне кажется, дело в том, что большинство газет и журналов пишут неправду о нашей субкультуре и вызывают агрессию по отношению к настенным рисункам. Возможно, уровень граффити сегодня не очень высок, но как же иначе, если нам приходится бегать от милиции?

Но все же что-то меняется. Предприниматели используют граффити в рекламных целях. Все чаще проводятся граффити-фестивали. Для многих райтеров рисование стало не просто увлечением, а образом жизни. Да и "взрослые" журналы, такие, как ваш, кажется, действительно пытаются понять, зачем мы рисуем на стенах. |

**У НИВО
МЕДВЕДИТСЯ
СМЕЯЦА** | *инна олегова*
- Екатеринбург

ПЕДОЛОГИЯ /новый век

Читаю ваш журнал. Как детектив - от корки до корки. Получаю давно забытое удовольствие от неожиданных мыслей и, скажем, так комфортного для меня языка. У вас интересные авторы и читатели, может быть, они помогут мне? Дело вот в чем: у моей дочери дисграфия и дислексия. Честно говоря, я поставила ей этот диагноз сама, когда поняла, что ее фонетическое письмо, жуткий почерк, грязь в тетрадях и неспособность запоминать и применять правила - не разгильдяйство, а что-то другое. Было это довольно давно, лет семь назад, когда и специалистов-то не было. (Я и сама случайно наткнулась на описание похожего случая в... художественной литературе). С дочерью, а ей уже 17, мы были в трех кризисных центрах для детей и подростков. Только в одном из них нам подтвердили: "дисграфия и дислексия" и предложили курс занятий. Маша этот курс прошла, но поскольку никакой положительной динамики не было, а стоили занятия дорого, мы отказались от предложения продолжить их. Да и занятия, как говорит Маша, сводились в основном к играм на компьютере. Что нам делать теперь? Может быть, существуют какие-то книги или даже видеокурсы для самостоятельных занятий (боюсь, что у нас в городе по-прежнему мало, кто владеет методиками, да и платить я могу немного)? Если кто-то из ваших замечательных, умных коллег-психологов, авторов и читателей мог бы ответить на мои вопросы, я была бы бесконечно благодарна.

Несколько слов о дочери. До школы Маша развивалась крупными скачками: быстро постигала все на свете, научилась читать и считать, знала наизусть много стихов и, без всякого сомнения, мы отдали ее в первый класс в шесть лет. К шестому классу выяснилось, что она категорически (по мнению учительницы, которая отказалась пускать ее на свои уроки) не успевает за остальными детьми по русскому языку. Машенька очень старалась, догнала класс и закончила год с положительными оценками, но попала в больницу в предъязвенном состоянии. Я уговорила ее перейти в другую школу, ближе к дому, где никто не будет знать, что она второй раз пойдет в шестой класс. Так мы и сделали - учеба стала даваться гораздо легче. Все, кроме правописания.

Сегодня, уже в выпускном классе, она по-прежнему испытывает затруднения в изложении мыслей на письме: конструкции у нее получаются примитивные, предложения короткие и совсем простые. Она много читает, поэтому словарный запас у нее выше среднего школьного. Она может написать довольно сложное слово абсолютно правильно и тут же, рядом, - что-нибудь вроде "у ниво" или "медведится" (в смысле - "медведица"), или "смеяца" (в смысле - "смеяться"). Естественно, учительница приходит в бешенство (11-й класс!), ничего знать не желает (или не знает) и ставит двойки. Сейчас перед контрольными Маша дома пишет сочинения на несколько тем, просит меня проверить, а потом или учит наизусть или списывает в классе. Иногда этот номер проходит, иногда нет.

Она в курсе своей проблемы и ее причин и недавно пожаловалась мне, что стала все больше испытывать затруднения при чтении (ей особенно трудно, почти невозможно прочитать правильно слово, в котором подряд стоят несколько согласных). То есть она читает слово - раз, другой, - понимает, что это бессмыслица и такого слова быть просто не может, но прочесть его нормально может с большим трудом.

Весной Маша собирается поступать в институт. Но написать сочинение на положительную оценку ей будет очень сложно. Как ей помочь? |

СИМУЛЯЦИЯ | *оксана абрамович*
РАССВЕТА | *- студентка*

>> **ПСИХОЛОГИЯ ПОИСКА/вадим ротенберг/№4 ..>>**

Занимаясь в библиотеке Пражского университета, я собирала информацию о новейших исследованиях в области нарушения настроения и оказалось, что наше настроение можно лечить.

Психологи Вашингтонского университета в Сиэтле обнаружили, что депрессия, гнев, раздражение и тревога достигают своего пика зимой, когда холодные дни и темные ночи тянутся так долго, что кажется, весна уже не наступит никогда. Исследования показали, что зимой десятки миллионов людей страдают от расстройства настроения, которое вызвано... недостатком света. Симптомы этого расстройства назвали сезонным нарушением (САН).

Американским психологам удалось выделить нервные клетки, которые регулируют внутренние биологические часы человека, измеряют количество света, попадающего в глаза. Утренний свет запускает эти "часы". Интересно, что эти специальные клетки могут измерять количество света даже через закрытые веки, если вы спите слишком долго. Но биологический будильник заводится только тогда, когда получает необходимый стимул - нужное количество света, а в некоторые темные зимние дни это почти невозможно.

Многие функции нашего тела зависят от стабильности биологического цикла: день-ночь. От четкости светового режима зависит и выработка серотонина, гормона, ответственного за наше самочувствие. Люди, страдающие сезонным нарушением настроения, могут чувствовать себя плохо из-за недостаточного уровня серотонина.

Американский журнал "Psychology today" рассказывает, что для лечения подобных расстройств можно использовать симуляцию дневного света. Специальное устройство "Световой ящик" имитирует яркий солнечный свет. Специалисты рекомендуют, чтобы взрослые и дети, трудно переживающие сезонные расстройства настроения, садились перед таким прибором хотя бы на полчаса каждый день.

Интересно, что важнее общего количества света, важнее его интенсивности - режим подачи света. В Коммерческом медицинском центре в Нью-Йорке было обнаружено, что люди, получающие вспышку искусственного света по утрам, значительно легче преодолевают сезонную депрессию по сравнению с теми, кто "получал" дозу света по вечерам. Оказалось также, что искусственный рассвет - постепенное усиление яркости света в течение 90 минут ранним утром - гораздо более эффективен, чем вспышка яркого света.

Возможно, эта информация будет интересна и читателям Вашего журнала. |

*С уважением,
Оксана Абрамович*

ПСИХОЛОГИЯ НАРЦИССИЗМА

елена соколова доктор психологических наук, профессор кафедры клинической психологии факультета психологии МГУ, практикующий психотерапевт.

В обиденной жизни про таких людей говорят, что им недостает мужества стойко переносить не только исключительные, но даже обычные жизненные невзгоды. Они производят впечатление слишком хрупких и не приспособленных для жизни, и в этом смысле окружающие чувствуют себя, словно, рискуя стать для них невольной угрозой разрушения, "слоном в посудной лавке". Но это только одна ипостась присущей нарциссам двойственности. В них причудливо перемешаются противоречивые черты характера: чрезмерная завлеченность от внимания и похвалы окружающих, от которых они "расцветают", и подчеркнутые отстраненность, высокомерие, холодность.

Они малопредсказуемы и подвластны перепадам настроения; им трудно совладать со своими эмоциями, особенно гневливыми и довольно бурными, чаще всего истинные чувства и страсти им приходится маскировать или скрывать. Они чрезвычайно самолюбивы и ранимы, но подчас бестакты и даже жестоки; их восхитение и идеализация могут при малейшем разочаровании смениться пренебрежением и обесцениванием. Отчаянно нуждаясь во внимании и поддержке, испытывая "эмоциональный голод", они тем не менее способны преодолеть истинную гордыню, попросить о помощи и еще реже - принять ее, испытывая искреннюю благодарность. Им свойственны ненастная зависть и жадность, а полученного всегда оказывается недостаточно, да и оно чаще всего легко утекает меж пальцев.

В совместном деле на них трудно полагаться и - они могут искренне мечтать быть полезными, порой строят грандиозные планы и верят в свою способность к великим свершениям (меньшее их не прельщает), но малейшая неудача способна их ошарашить настолько, что они чувствуют себя абсолютно недееспособными. Им не хватает силы воли для того, чтобы длительно и постепенно идти к намеченным целям, для них более характерна мгновенная и кратковременная мобилизация сил с последующим истощением.

Они предпочитают жить, идя по острою бритвы, не чувствуя края, игнорируя опасности, превожгая болезни, пренебрегая ограничениями - так, как будто они "выше этого". Обычные правила обещания и этические нормы кажутся им невыносимыми и бессмысленными; их часто одолевает скука и ощущение пустоты жизни, в которой они не видят ценности. Альтруизм же им чужд.

При всей своей чувствительности они подчас нуждаются в сверхсильных, рискованных и даже болезненных раздражителях (рабами которых быстро становятся), чтобы пробудить в себе хоть какие-то чувства и возродить вкус жизни. Безмерно страдающие и одновременно бесчувственные, они заставляют страдать других. Они и жестоки, и палачи попеременно. В общем, в них все - крайности и противоречия, сложности и запутанность. Им присуще неизъясимое очарование совершенства и порочности, они окружены ореолом тайны, у окружающих они вызывают все, что угодно, но только не равнодушие. Они раздражают, ошеломляют, внушают восхищение и ужас, притягивают и отталкивают одновременно. Ближне же их не столько искренне любят и ценят, сколько вынужденно терпят или жалуют. В социальной жизни они занимают крайние позиции - либо изгоев, либо звезды - тиранов с маньерной величиной и непогрешимости.

Сегодня они лидируют среди тех, кто "болен" (в том не признаваясь) собственным несовершенством и несправедливостью достоящего им жизненного удела. Равниво сравнивая себя с другими людьми, неистово самоутверждающиеся и одновременно неуверенные в реальности собственного существования, тяготящиеся рутинными обязанностями, обуреваемые неудовлетворенностью жизнью и страхом смерти, они страдают от определенных выраженных симптомов болезни, вообще от бессельности существования, отчужденности и одиночества, скуки и внутренней пустоты.

Люди этого типа постоянно неуверены в себе, им свойственна стабильная нестабильность. От того, что сегодня я себя люблю, не значит, что завтра я не буду себя ненавидеть. Ни в чем нет уверенности, стабильности.

Как узнаваем этот портрет, с какой легкостью каждый скажет:

"Увы, и мне доводилось встречать подобного человека, и я - еще одна его жертва! И я испытал на своей шкуре всю силу его грозной притягательности". Гораздо труднее будет обнаружить сходство с собой, хотя, конечно, отдельные черты признает не составит труда. А между тем в **клинической психологии** не умолкают споры о гرائи, где кончается так называемый нормальный нарциссизм и начинается серьезное расстройство личности.

Один из самых значительных исследователей этого явления **Хайнц Кохут** в конце концов отказался от попытки их принципиального различения, поскольку связывал нарциссизм с кругом общечеловеческих потребностей, удовлетворение которых обеспечивается взаимными "зеркально-идеализирующими" отношениями с теми людьми, от которых зависят психологические выживание ребенка в первые три года его жизни. Значительно упростив суть научной аргументации, заметим, что под нормальным нарциссизмом понимается естественная и присущая любому человеку потребность в устойчивом самоуважении и признании; последнее же рождается в отношениях, пронизанных эмоциональной отзывчивостью к насущным нуждам ребенка, благодаря которым малыш проникается непоколебимой уверенностью, что для своей мамы он самый лучший, что его мама - "самая-самая" и что когда-нибудь придет время, и он сумеет стать ровень со своими замечательными родителями.

В определенном смысле слова любой человек обладает нарциссической частью Я, поскольку для устойчивости **самодентичности** ему необходима твердая память о том золотом времени, когда в обращении на него взгляд он видел отражение безграничной любви и постоянной готовности откликнуться на любую его боль. Это также память о всемогуществе, когда маленький и слабенький ребенок мог повелевать окружающими его взрослыми всего лишь силой своих желаний, и они огорчались или расцветали от его плача или улыбки. Когда они, эти прекрасные мудрые боги, позволяли приблизиться к себе и восхищаться собой и веселяли надежду, что пропасть между ними, несовершенным, слабым, и "Ими", великими, в конце концов не так уж непреодолима. Вот, собственно, как можно было бы истолковать весьма специфическим психологическим языком сформулированные Хайнцем Кохутом, **Отто Кернбергом** и рядом других современных психоаналитиков представления о ходе развития Я человека в процессе развития объектных отношений, отзеркаливающих нормальную младенческую грандиозность. В подобной матрице отношений формируется устойчивый образ значимого другого человека, в меру необходимости готового предоставить в распоряжение эмоциональную отзывчивость (эмпатию). Со временем образ Другого превращается в частности Я и начинает обеспечивать "отзеркаливание" независимо от реального присутствия или "недоступности" Другого.

Не следует думать, что оптимальный процесс развития вовсе исключает **фрустрацию** и разочарования: напротив, Хайнц Кохут считает их движущей силой развития самости, своего рода пусковым механизмом возникновения внутренних образов, наделенных родительскими качествами. Однако слишком сильная фрустрация, разрушительная или не соответствующая возможностям ребенка на определенной стадии развития его "**объектных отношений**", в лучшем случае приводит к фиксации грандиозного Я, которое становится компенсаторным, защитным образованием, в худшем же варианте возникает "фрагментация" самости или ее полное разрушение - "пустота". Таким образом, на сегодняшний день специалисты видят в нарциссизме не столько определенное клинически ясно очерченное психическое заболевание, сколько глубоко дефектную структуру Я человека (пограничную личностную организацию в терминологии Отто Кернберга), "рискованно" для широкого круга психиатрических диагнозов.

Хайнц Кохут называет нарциссического пациента "человеком трагическим", драма которого состоит в бесконечных и бесчисленных неразрешимых дилеммах: общность против изоляции, самовлюбленность против ненависти, "раздутость", грандиозности Я против чувства неполноценности.

Парадоксальная двойственность и полярность отношений к себе и другим у одних маскируется молиотипным фасадом грандиозного Я, иными же переживается как "раскол", "расщепление" внутри Я. В современной клинической психологии этот феномен рассматривается под углом зрения нарушения целостности в уровне организации личности. На глубинном уровне Я обнаруживается искаженное, обесцененное Реальное Я, а на поверхностном - патологическое Грандиозное Я. Они функционируют относительно независимо друг от друга, жестоко отторганные **защитным механизмом "расщепления"**.

Полярность каждой из этих структур Я порождает неустойчивость, изменчивость, "хамелеонообразность" подобной конструкции как целого, что проявляется в специфических особенностях функционирования Я в области самоидентичности, саморегуляции, коммуникации. Речь идет о "диффузии самоидентичности", примитивности защитных механизмов среди которых преобладают расщепление, отрицание, проективная идентификация, сверхидеализация, обесценивание, снижение точности тестирования реальности, манипулятивный стиль межличностной коммуникации.

Из-за сложившегося в раннем детстве острого дефицита глубинных образов любящих родителей, в мысленном общении с которыми в тую же минуту человек обычно черпает поддержку, уверенность в себе и сохраняет доверие к миру людей, чувство собственного Я постоянно угрожает риск разывания, раствения, ускользания. Титанические усилия достичь внутренней цельности воплощаются в искусственно сконструированной защитной фантазии о собственной избранности и богоподобности. Так в противовес хрупкости и неустойчивости подлинного Я выстраивается защитно-компенсаторная конструкция так называемого Грандиозного Я. Платой же за усилия психологического выживания становится потеря **аутентичности**, фальшивости и безжизненности выставляемого напоказ фасада личности. Все дальнейшие попытки обрести чувство общности с Другими, найти в них любовь или выразить свою, блокируются, так как фатально порождают панический страх непереносимой зависимости и поглощения: причем чем достижимей искомая близость, тем она кажется опасней.

От других нарциссы внутренне требовательно ожидают глубокого "взаимопонимания без слов", магического и идеализированно-чуждого, а не дождавшись, полностью теряют интерес к общению, гневно обесценивают партнера, дистанцируются, замыкаются в "прекрасной" и беспомощной самозащиты - вплоть до того, пока не попадется новый объект их нарциссической любви.

Потаенная мечта такого человека - найти своего полного двойника. Нетерпимый, в Другом он ищет исключительный идеал, совершенство и свое подобие, но, обнаруживая черты подобия, испытывает глубокое разочарование, поскольку ничем не может воспользоваться, чтобы дополнить и заполнить мучительное чувство пустоты. Двойственность пронизывает все возможные отношения человека, собственно, составляя экзистенциальный статус его Бытия.

Особое и чрезвычайно важное место во внутреннем мире нарцисса занимает переживание своего телесного Я: ценность внешнего облика, телесных отравлений и соматического состояния человека, преувеличены и никогда не удовлетворяют. Иллюзии "совершенства" во всем, они демонстрируют черты безудержного **перфекционизма** и в сфере телесности: **ипохондрики**, они неустойчиво пекутся о здоровье, лечатся, "улучшают" себя, изнуряя разнообразными диетами и физическими нагрузками. Они становятся завсегдатаями и ярыми поклонниками фитнес-клубов, косметологических салонов, получая искусственное и мнимое удовлетворение от разнообразных манипуляций с устройствами телом, которые их, впрочем, никогда полностью не устраивают. Они готовы даже на пластические операции, лишь бы изменить к еще лучшему свою внешность, сделать ее более совершенной; часто они ненавидят собственный "биологический" пол и готовы к его переневе.

Подобно героине фильма Михаила Ханеке "Пианистка", они, похоже, не чувствительны к боли, скорее испытывают тягу к нанесению себе телесных увечий, но и это не возмужает их способности чувствовать, они остаются все так странно чуждыми, "посторонними" наблюдателями "как будто" своих телесных отравлений.

Богатство, безудержность и экзотичность их эротических фантазий (часто пронизанных садо-мазохизмом и другими разнообразными перверзиями) пряду-подобно соседствует с эмоционально выхоложенными реальными отношениями; техничностью, но механистичностью секса. В сущности, им не нужен партнер и в сексе, он легко заменяем - с этим, по-видимому, связаны и гомосексуальность, и эпилепсия, и **промискуитетность**, где неординарные сексуальные отклонения фатически одинаково уравнены в своей отчужденности и от Я, и от объекта "любви", пронизаны холодностью и мертвоствностью.

Свои переживания нарциссы с большим трудом облекают в слова, значительная часть их душевной жизни протекает на довербальном уровне бессознательного, в смутных, но мощных по **аффективному** заряду ощущениям и влечениям, а душевное неблагополучие обнаруживает себя исключительно на языке телесных симптомов, под маской на первый взгляд чисто соматического заболевания. В качестве иллюстрации сошлюсь на свою статью "Где живет тошнота?", опубликованную "Московском психотерапевтическом журнале". Я описываю случай пациентки, в течение восьми лет страдавшей хроническим невынашиванием беременности. В процессе длительной психотерапии нам удалось достичь осознания, что мучившие ее некруктимые рвота и тошнота из частного симптома токсикоза беременности давно переросли в стереотипную и генерализованную реакцию на насилие и мерзость жизни. "Изаженные" отношения с людьми преследовали ее с раннего детства, все время немoty своего Я она была "беременная ненавистью".

История психоаналогического изучения феномена нарцисса связана с именами Фрейда и первого серьезного понимания его происхождения и природы мы находим в известной работе Зигмунда Фрейда "О аутизме", датированной 1914 годом. К предположениям об аутистической функции нарциссизма Фрейд добавляет идею о защитном обращении любовного возбуждения с внешнего объекта на собственное Я, телесное, в том числе и даже в первую очередь. Это становится очевидно, замечает Фрейд, при первом заболевании даже соматического происхождения, когда весь интерес сосредотачивается вокруг болезни или больного органа, а все остальное утрачивает ценность. Было бы большим упрощением считать нарциссизм истинной любовью к себе. Чувства по видности цельные, но на самом деле являются двойственными, раздвоенными: под маской любви скрывается ненависть. Адресованные себе, первоначально они были обращены Другому, но не были услышаны им. Вот почему в дальнейшем потеря (реальная или мнимая), разочарование, разлука или смерть, принципиальная недоступность Другого в качестве объекта любви заставляют боль, ярость и ненависть, адресованные Другому, в конце концов возвращаются (как эхо) в измененном виде к самому себе. Поэтому самовосхищение, самолюбование или самовозвеличание нужно понимать как рудименты восхитения Другим, но в результате разочарования, вынужденно передерасованные самому себе. Иначе говоря, любовь к себе - не подлинная и не чистая, а смешанная и окрашенная горечью разочарования в Другом и несущая в себе остатки не изжитых до конца печали и гнева, которые, вторично обращенные на собственное Я, обладают скрытым, но мощным саморазрушительным импульсом. Отсюда амбивалентное состояние (или чередование) глубокого отексизма и мегаломании, самоуничижения и самовозвеличания, оптимизма и волевой активности и фантазии о всемогуществе и богоизбранности; враждебности и страха близости, и все это - из-за защитного избегания травмы повторной потери. Враждебность продолжает жить в насмешливо-презрительном отношении к миру, в недоверии, изредка сменяющемся краткими вспышками холодной страсти или смутной неперсечименной любовью тяги. Таким образом, любовь к себе - лишь кажущаяся, на деле она вынужденная мера, по природе своей защитно-компенсаторный ответ на первичное отужерение со стороны Другого.

Сегодня идея о наличии непереносимого опыта утраты все чаще воплощается в гипотезе о хронических и массивных издевательствах и насилии (нередко и сексуальном), "пережить" которые возможно не иначе, как только путем отужерения и умерщвления реального Я, и построении на его руинах патологически грандиозного Я. Как метрично, цинично и безжалостно высказался героиня фильма Луи Малля "Узвоб": "Выжившие не останавляются ни перед чем", и за счет "душевную смерть при жизни" они заставят заплатить пускай и невиновного.

Почитать:

■ З.Фрейд
О нарциссизме.

■ Е.Соколова,
ИЯ и Оно!/. - Табулиси,
1991.

■ Х.Кохут
Восстановление
самости. - М.,
Когито-Центр, 2002.

■ О.Кернберг
Тяжелые
личностные
расстройства. - М.,
Класс, 2000.

■ Д.Холмс
Нарциссизм. - М.,
Прспект, 2002.

■ Е.Соколова
Самозащита при
самозащита и
аномалиях личности.

- М., МГУ, 1989.

■ Е.Соколова "Где
живет тошнота?" -
анализ случая из
психотерапевтической
практики. Московский
психотерапевтический
журнал. - 1994, И1

- В.Николаева
Особенности
личности при
расстройствах и
соматических
заболеваниях. - М.,
Аргус, 1995.

■ Е.Соколова
Психотерапия:
теория и практика. -
М., Аcaademia, 2002

Объектные отношения - речь идет об опыте значимый со значимыми в прошлом людьми, который определяет взаимоотношения с людьми, сложившиеся в настоящем. Особое значение имеет ранний детский опыт.

Защитные механизмы - понятие введено З.Фрейдом и обозначает механизмы защиты психики, которые включаются, чтобы снизить тревогу - болезненное переживание. Чтобы не испытывать тревоги, мы бессознательно искажаем или не допускаем чувства в сознание.

Вилфред Биона назвал это ответной агрессии. Современный британский психоаналитик доказывает для него, "контейнером". Иными словами, нарцисса жизненно важно получить свидетельство, что, во-первых, терапевт серьезен, "кожей" своей ощущает всю бедственность его состояния, а во-вторых, в отличие от него, он не настолько напуган и расстерян, чтобы утратить самоконтроль. Напротив, приняв его состояние, терапевт способен, смягчить, утешить и утешить, вселить надежду и уверенность, "что все хорошо". Нарцисс силится донести до терапевта острую нужду в кахественно иных ("идеальных") отношениях, где бы надежная привязанность могла в свободно сочетаться с подконтрольностью, а потому - с безопасностью.

Если терапевтический процесс не прерывается внезапным выпадением пациента из терапии, то возникает маленькая надежда на возрождение самой его способности к сотрудничеству с Другим. Возможно, результатом совместных усилий станет принятие своего рода договора о сотрудничестве ("рабочего альянса") с общим "фокусом" видения перспектив терапии, а на этой основе удастся сформировать (более или менее внятно) так называемый терапевтический запрос. Для нарциссического пациента возможность признать себя в роли пациента знаменует существенный прогресс в терапии: обретение "нажатков" мужества, открытия и принятия известной меры собственного несовершенства наряду с кредитом доверия терапевту.

МИФ О НАРЦИССЕ

Миф повествует о том, что Нарциссе - гордому и холодному сыну речного Бога и нимфы - в трудном возрасте проорицатель предсказал долгую жизнь, если он "никогда не увидит самого себя". Нарцисс - юноша невероятной красоты отвергал любовь нимф и многих сделал несчастными. Не ответил он и на любовь нимфы Эхо. Никого не любил Нарцисс, лишь одного себя считал достойным любви. Однажды отвергнутая нимфа воскликнула: "Полоби же и ты, Нарцисс! И пусть не отвечает тебе взаимностью человек, которого ты полюбила!" Богиня Афродита, разгневанная на то, что Нарцисс отвергает и ее дары, исполнила это желание и жестоко наказала Нарцисса.

Весной во время охоты Нарцисс подошел к ручью напиться студеней воды. Руда была чиста и прозрачна. Нагнулся Нарцисс, опершись на камень, и отразился в воде весь, во всей своей красе. Тут-то и постигла его кара Афродиты. В изумлении застыл Нарцисс, смотря на свое отражение, и страсть овладела им. Манит, зовет, притягивает к нему руки. Наклоняется он, чтобы поцеловать изображение, но целует только прозрачную студяную воду ручья. Обо всем забывает Нарцисс: не спит, не ест и не пьет, не встрягается взглядом изобразия прекрасного юноши. Наконец, полный отчаяния восклицает Нарцисс: "О, же, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а тонкая прозрачная вода, и все же мы не можем быть вместе. Молю тебя, выйди же из ручья!" Вдруг страшная догадка пронзила его, тихо шепчет он своему отражению: "О, горе! Я боюсь, не полюбила ли я самого себя! Я чуждо, что немного осталось мне жить. Едва расцветши, увячу я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня, смерть принесет конец мукам любви".

Покидают силы Нарцисса, но не может он оторваться от своего отражения. Видит нимфа Эхо, как страдает Нарцисс; она по-прежнему любит его, и страдания Нарцисса больно сжимают ей сердце. "О горе!" - восклицает Нарцисс. "Горе!" - отвечает Эхо. (Наказанная Богиней Земной, она могла лишь повторять последнее, уже сказанное кем-то, слово). Наконец измученный, слабелющий голосом восклицает Нарцисс, глядя на свое отражение: "Прощай!". И еще тише, чуть слышно звонит отклик нимфы Эхо: "Прощай!" Склонилась голова Нарцисса на зеленую прибрежную траву и мрак смерти покрыл его очи. Заплакали лесные нимфы, но когда они пришли за телом юноши, чтобы похоронить его в лесной чаще, то не увидели никого, кроме белого душистого цветка. То был прекрасный, нежный и хрупкий цветок кроме - нарцисс.

Правверное, с той самой поры любовь так близко встала рядом со смертью, и потому позволить себе полюбить для иных равносил медомной отравке гребли - потоку любви и страх смерти неразделимы.

История любви и смерти Нарцисса

(Narkissos - греч.) мы даем в эпическом пересказе древнеримского поэта / Овидий.
Метаморфозы. - Эксмо-пресс, 2000

Другие версии древнереческого мифа о Нарциссе наиболее полно описаны в книге:
Павский. Описание Эллады. - СПб., 1996

Паскаль Кильяр. Секс и Страх. - М., Текст, 2000

Н.Кун. Легенды и мифы Древней Греции и древнего Рима. М., Правда, 1990

НАРЦИСС. 1597/Микеланджело да Караваджо
/Национальная галерея античного искусства (Рим) / <http://sexopedia.ru>

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ

виктор тихомиров

Детей нужно соблазнять на чтение. Не заставляя - ведь на это у них неизбежно найдется отпор, а именно соблазнять.

... Долгие годы и до недавнего времени я преподавал рисование в школе. Так вот, чтобы дети мои не болтали и не отвлекались, я им читал вслух. Пушкина. В их же классе томик нашел. Я читаю, они рисуют и меньше отвлекаются. Потом, правда, выяснилось, что Пушкина некоторые из них чуть не наизусть знают. Благодаря родителям, конечно. Но думается, главным образом, бабушкам. Некоторые бабушки умеют в представлении внука соединить образ литературы с образом собственной доброты. Такого особого бабушкового обаяния. И я думаю, классика, особенно детская классическая литература, должна в представлении ребенка ассоциироваться с домашним теплом, обаянием дома... И тогда он никогда не расстанется с этим, мало того - захочет и своим детям передать.

У меня был да и остается - я ведь продолжаю работать с детьми как художник - такой прием. Я всегда в общении с ними выбираю отеческий тон и стараюсь относиться к ученикам как к родным. И этим же тоном, с теми же интонациями я им вслух читаю. А потом им - и развитым и менее развитым - начинает казаться, что я читаю медленно очень. В смысле - слова медленно, сюжет медленно. Вслух же и правда медленно. И они начинают читать сами. Потому что читать про себя - это куда быстрее.

Родители, которые жалуются, что их дети не хотят читать, - лентяи, и все. Они жалуются, что дети не читают, потому что ленились им читать, пока те были маленькими. Причем читать должна мама. Потому что отец в глазах ребенка должен быть человеком, который занят более серьезным делом. Если он будет подолгу книги вслух читать, ребеночек, который тоже не в вакууме живет и кое-что про жизнь уже понимает, подумает, что папа человек несерьезный. А отец - это тот, кто занят очень значительным делом, масштабным и в своей значительности и масштабности таинственным. Он должен быть таким в глазах ребенка, чтобы у ребенка появился стимул подражать такому отцу и самому стать масштабной личностью. А вот мать, она как раз при ребенке. Он воспринимает ее как часть себя. И потому так важно, чтобы она рядом с ним присела и почитала ему, чтобы с ее голоса он мог нафантазировать целый мир из книги. Тут главное не лениться.

Правда, своим детям - а у меня дочь и сын - вслух читал я. Но с ними-то особых в этом смысле проблем не было. Дочь всегда читать любила, она вообще в меня - училась, как и я когда-то, плоховато, но читала запоем. Да, для меня в детстве это было важно - читать по несколько часов в день. У меня мама была учительница, я на ее уроках маленьким сидел. Читать научился к четырем годам. Читал вслух товарищам в детском саду. Прозвище имел - "Буратино умненький-разумненький". А подростком я читал запоем, но по преимуществу всякую ерунду... не совсем ерунду, ну мальчишеское такое. "Кортик", "Океанский патруль". Заменялись и серьезные книги. Дочь моя до какой-то степени эту модель повторила - читала всегда очень много, но разное. На нее несколько влияет весь этот рекламный гламур и глянец... Девочки, они более падки на плохое. Она сопротивляется, но все-таки всякие модные журналы у нее бывают. А я считаю все это рекламное вредным, потому что оно прививает раболепие перед стандартом. Человек начинает ориентироваться на стандарт, пропагандируемый ими... А стандарт, он негуманистичен и высокомерен. Я же высокомерия не люблю программно. В конце концов мы однажды уже основали своего рода движение против высокомерия и снобизма. Я имею в виду "митьковство". Митьковская форма поведения - этически, по-моему, самая правильная. Не задавайся, прими окружающих как братишек и сестреночек, не ставь себя выше других людей - ведь в самом неказистом и невзрачном могут таиться такие глубины... Веди себя весело и простодушно. Простодушие и радость - вот что отличает настоящего "митька". Эти принципы, между прочим, очень в жизни выручают. Как-то начинаешь осознавать свой эгоизм. Цивилизация, она ведь чем плоха - приучает к удовольствиям. Так подсаживает на это дело, что хуже наркотика. В результате на другого человека и сил, и времени становится жалко. В том числе и на своего ребенка. Чтение и отпадает...

А читать надо детям в первую очередь классику. Пушкин, Чуковский, Маршак, сказки. Да ведь это давно известно, что маленьким детям вслух читать. Какие бурные чувства у меня - ребенка - вызвала "Сказка о мертвой царевне и семи богатырях"! Сердце до сих пор замирает. Даже эти Чипполино с Буратино - они хоть и социализированы, но захватывают-то по-прежнему. |

СТИЛЬ - ПОД НОЛЬ | *анатолий берштейн*

- педагог и журналист, автор книг "Школьный блюз. Автопортрет на фоне профессии", "Оставайтесь после уроков".

*Красиво то, что развеивается на ветру.
Марина Цветаева*

Мой сын никогда не носил тупорылых ботинок, пиджаков типа френч, рубашек-косовороток. Обошелся он и без сережек в ушах и перстеньков на пальцах - Бог миловал. Было одно время увлечение спортивным стилем - короткая стрижка и даже спортивные брюки с кроссовками, - но то была первая любовь, а сама "любовь" была спортсменка. Правда, уже тогда я заметил, что когда он фотографировался, то стал не улыбаться, а щериться, приоткрывая рот и придавая своей физиономии пренебрежительно-приблатненный вид. Увлечение прошло. И вот недавно сын купил себе кожаную куртку. Стильную, короткую, коричневую, без прикамбасов. Но я почему-то напрягся...

Кожаная куртка, любимая и самая массовая одежда россиян. Уже не признак избранности, как в свое время джинсы, но своеобразный знак: в кожанках ходили комиссары и чекисты, летчики-испытатели, герои боевиков, рокеры, байкеры, бандиты, одним словом - крутые.

Люди в кожаном - словно с двойной кожей, защищеннее других, их кожа прочнее, толще обычной, человеческой. Кожаные люди способны постоять за себя, в их жилах кровь, а не водица, и она бурлит, рвется наружу - своя или чужая. Конечно, у сына никаких таких пристрастий нет, но ведь что-то случилось, если он с вельветовыми джинсами носит теперь кожаную куртку.

Вельвет и кожа - различный материал: не только по фактуре - мягкий-жесткий - на ощупь, но, если хотите, мировоззренческий. Или по крайней мере человек в вельвете и человек в коже - это различный психологический тип. Кожанка у сына подвернулась как бы случайно - распродажа, тем не менее нетрудно было вскоре понять, что это органически совпало с определенным эпизодом его личностного возмужания.

Меня часто упрекают, что по внешним мелким признакам сужу о человеке. Проще: из мухи делаю слона. Какая разница, как человек одет, какая у него прическа, как он ест, целуется ли в общественных местах, ругается ли матом при девушках, сидит ли на скамейке верхом, придерживает ли дверь для идущего сзади, ходит ли с расправленными плечами, не сторонясь, чтобы уступить дорогу...

На Тверском бульваре центральную "гаревую" дорожку по бокам обрамляет окантовка из каменных плит. Идти по ним - значит не очень запылить туфли в теплую погоду или иметь меньше шансов поскользнуться зимой. Узенькая эта плиточная тропинка, двум людям не разойтись: кто-то должен уступить и сойти с нее на газон или основную дорогу. Очень интересно наблюдать, кто кому уступает. Из двух самцов уступает тот, кто мельче, но главное тот, кто идет, как бы не глядя. Мужчина чаще всего уступает женщине, а пожилые - молодым. Именно молодые парни самые неуступчивые, они ходят, почти не разворачивая плеч, рискуя столкнуться.

Молодые люди с расправленными плечами...Они не свернут со своего пути, не дадут себя так просто потеснить; если надо, они будут жестко отстаивать свою территорию и уступят только силе.

Когда я приехал по распределению в Оренбург, меня предупредили: не надо селиться на Форштадте и работать на Ренде. (Именно тогда я впервые услышал: "жить на районе", "приехал с города"...). Так получилось, совершенно не специально, что некоторое время я прожил именно на Форштадте, а вот проработал все время в школе на окраине города, в частном секторе, который у жителей назывался Аренда, а проще и короче - Ренда. Объединяло эти два микрорайона то, что они оба считались неблагополучными, хулиганскими. И, как водится, враждовали. Как раз накануне моего приезда, летом 1974-го, начали реставрировать памятник Чкалову в конце Советской, на берегу Урала. Говорили, там была массовая драка между конкурентами по дурной славе.

Собственно, то, что форштадт в переводе с немецкого - пригород, я знал, а вот то, что форштадт несет с собой какую-то особую ментальность, задумался совсем недавно. И не тогда, когда увидел мрачные пригороды Парижа, и не тогда, когда в Москву явились любера, а во время своей последней поездки в Германию.

В разговоре с немецкой фрау услышал про общего знакомого: "Это человек с форштадта". "Что вы имеете в виду?" - спросил я. Она пояснила: это особый тип людей - категоричных, жестких, с установкой на выживание любой ценой. И добавила: "Мне кажется, что большинство из них мне, например, глубинно недружественны, то есть в важных жизненных вопросах мы будем по разные стороны баррикад".

Впоследнее время в обществе обсуждают скинхедов, спорят - многочисленны они или нет, и соответственно какова степень их реальной угрозы. Не знаю, сколько у нас организованных скинхедов, сколько тех, кто себя так величает (по различным "официальным" данным - 10 тысяч), но факт в том, что намного больше бритоголовых. Буквально. То есть тех молодых людей, чей стиль - под ноль. Или, как еще говорят, "на нет". Круглый нолик представляется во многом, не только в прическе, а точнее, в отсутствии таковой. Эти парни - крайнее проявление моды на спортивно-зонно-армейский стиль. Нигде в Европе нет столь массового избавления от волос. И дело, конечно, не только в том, что с волосами разнообразней или кому-то нравится, когда волосы становятся художественной рамой лица (например, вьющиеся - барокко или развивающиеся - поэтический образ соединения со стихией), а в том, что эта обстриженная голова, как писал Замятин, еще особой квадратной формы. Это квадратная голова значительно более удобное вместилище для угловатых идей. Она несет с собой заряд не выплеснувшейся агрессии, накопившейся за много лет.

Эту агрессивность хотят представить всего лишь фурункулом на теле общества, уродливым, болезненным, стыдным, но не родимым пятном. А ведь он появился не случайно от грязи и пота, он внутреннего происхождения, результат серьезного нарушения обмена веществ, сбоя всей иммунной системы организма. Никто еще не уходил безнаказанно от своей истории. Ведь долгое время именно в России культивировался (и культивируется) тот же раздутый амбал, но как бы другой ориентации. Амбал за здоровый образ жизни или за военно-спортивное воспитание. Но главное, его все время убеждали (и убеждают), что он лучший, особенный, избранный от рождения, с необычной судьбой, с вселенской миссией. И он поверил. И прощал все: и голод, и репрессии, и невежество, и варварские условия жизни, лишь бы быть великим, отличным от других. Он мог быть снисходительным или высокомерным, великодушным или по-варварски грубым, в душе он всегда оставался шовинистом.

Сейчас бритоголовый качок - за нацистскую идею. И в этом нет ничего удивительного. Хотя нет у него сегодня никаких "за", одни "против". Эти парни с форштадта пришли не завоевывать центры городов, а их крушить.

Бритоголовость - это упрощение во всем, это мода на голые стены в доме.

Бритоголовость - это уникальный знак по горизонтали и по вертикали, протест не только против взрослой культуры, но и против своих сверстников.

Бритоголовость - это воинствующий антиэстетизм, культура варвара-воина, чья уродливость - элемент устрашения.

К слову, индейцы считали позором целиком брить голову, потому что надо было оставлять скальп. У нас же главный козырь - нельзя за волосы в драке схватить. Во всяком случае так объясняют свою "профессиональную стрижку" охранники - самая многочисленная, наверное, социальная прослойка среди молодых мужчин.

Сейчас золотой век охранников: они в грязных переходах и в богатых магазинах, на стоянке автомобилей и на стройплощадке, в школе и в больнице, летом и зимой с покрытой и непокрытой, но чаще всего бритоголовой головой. С помятыми лицами, сквернословящие и сплевывающие во время курения, словно подростки, бросающие окурки чуть в сторону от места охраны, в униформах и пыльных туфлях, с рациями или без, они открывают двери дорогих машин и гоняют нищих и бабушек с цветами. Воображение представляет многих из них вне рабочего времени...

В72-м году перед стройотрядом двое моих друзей, решив побриться наголо, пошли в "Чародейку" (сеть лучших московских парикмахерских того времени). Но получили категорический отказ. Они настаивали, и им показали перечень услуг, среди которых бритье головы не значилось. Но среди модельных причесок числилась короткая стрижка под машинку. За десять копеек. Пришлось довольствоваться этим.

Бритая голова, получается, была у нас в загоне. Она числилась лишь по военному или исправительному ведомству - из гигиенических соображений. Вне она появлялась редко: эпатажирующий школьник, поругавшийся с родителями подросток, на спор, назло... Теперь это мода. Дешево и сердито. Массовость, может быть, и размыла маргинальный протест, но спрессовала его агрессивную энергию. Она томится, ищет себе выход. Ей надо разрядиться. Ей, в общем-то, не важно, куда будет направлена взрывная волна. Все равно в сторону волосатых... |

НА ОКРАИНАХ НЕНАВИСТИ

Григорий Асмолов

- 21 год. В прошлом он - школьник России, ныне - лейтенант армии Израиля.

Каждое утро, когда я открываю глаза, на меня смотрят окраины ненависти. Пустые окна, скелеты пятиэтажных зданий, будто обглоданные останки скота, стены, изъеденные ночными обстрелами, обвисшее серое белье и где-то дальше - маленькие грязные фигурки людей, пугливо мелькающие в просветах... Это Хан-Юнее - палестинский лагерь беженцев в южной части сектора Газа, в котором живут сотни тысяч, и все они меня ненавидят.

По ночам на эти дома поднимаются палестинские снайперы. Они стреляют по поселениям и армейским постам, которые окружают их пограничной цепочкой вдоль колючих заборов и голых дон. Иногда уханьем простуженной совы раздаются падения минометных снарядов. Солдаты ведут ответный огонь... автоматы, пулеметы, танки. Своего рода диалог, со своими интонациями и закономерностями...

Где то в глубине, наверное, город живет, какой-то своей наполненной смыслом жизнью... но мне она неизвестна. На меня смотрят только окраины ненависти.

Зачем люди ненавидят друг друга, и зачем они друг друга убивают, вкладывая в это столько энергии и изобретательности. Банальные вопросы бытового гуманизма легитимны и справедливы. С одной стороны, миллионы людей посвящают всю свою жизнь умению убивать себе подобных, другие просто убивают, и еще миллионы просто участвуют в производственном процессе. С другой стороны, именно смерть человека, будь то близкий или далекий, приносит в человеческий мир столько боли и горя. Глупо, обидно, да и просто абсурдно, когда столько усилий уходит на то, что в конце концов приносит лишь боль. Гордясь собой, как высшей ступенькой эволюции, воспевая гимны уникальности человеческой личности, мы продолжаем осознанно вкладывать гигантские усилия во взаимное уничтожение как между двумя индивидами, так и в глобальных масштабах... в то время как внутривидовое убийство не только дико с точки зрения культуры, основанной на ценности личности, но и просто с точки зрения биологической логики. Среди животных, лишенных разума, тем более среди млекопитающих внутривидовое убийство явление исключительно редкое.

Основным мотивом убийства является ненависть. Даже если аргументации лишения человека жизни другим основана на анализе и логике, все равно человеку свойственно всегда переводить фактическое в эмоциональное. Ненависть не обязательно конкретна... даже, наоборот, намного проще убивать, когда эта ненависть - часть идеологии, часть мировосприятия... Тогда не обязательно вглядываться в черты лица жертвы, из боязни опознаться, достаточно принадежности жертвы к стае ненавидимых. Ненависть в истории человечества является одним из центральных механизмов социальной динамики. И непременно раньше или позже она переводится на язык крови, язык трупов, когда история творится умеющими убивать, а позже все та же история называет победивших героями, а убитых - убийцами. Да это и не принципиально, так же, как не принципиально, тело какого из братьев Антигоны похоронено с царскими почестями, а какого гниет на солнце на радость весенним мухам.

Однако любое убийство вне зависимости от обстоятельств в конце концов оказывается просто смертью человека и завистью болью для тех, кто был рядом с ним. Смерть, как, то что, выражаясь словами Бродского, происходит с другими, как объект для нас малопонятный, пускай пугающий своей однозначностью и абсолютностью, задевает нас мало, а вот боль, горе, страх... Именно они заставляют нас задаться вопросом "Зачем?" и приводят к мыслям на тему, а есть ли что-то в этом мире, что может оправдать убийство одного другим, и если да... является ли ненависть одним из пунктов в этом списке. Предположим, что легитимно убить кого-то в ситуации конкретной угрозы, когда он хочет убить тебя или твоего ребенка, в данном случае это условие выживания, но убить потому, что ненавидишь...

Человек не наделен природой качествами, которые могут позволить убить "одним махом" в порыве неконтролируемой агрессии так, как это делает ворон, который может убить другого ворона одним ударом клюва, или волк, одним укусом способный убить другого волка. Но человек наделен разумом, который способен восполнить эту недоработку, создавая бесконечный ассортимент орудий мгновенного убийства, часть которых даже не только убивает, но и облегчает убийство, обезличивая жертву. К тому же основатель этологии Конрад Лоренц рассматривает внутривидовое убийство среди животных как неконтрольное проявление агрессии, а человек умеет убивать медленно и хладнокровно.

Если орудия убийства - это не подарок человеку природы, а прежде всего продукт его разума, то, значит, и защитный механизм для предотвращения убийства тоже должен быть его продуктом. Что-то же должно остановить человека перед тем, как он перерезает горло очередному сородичу, прошептать: "Не убий". Согласно Лоренцу, таковой является мораль - безусловный продукт разума, часть идеологии, культуры. С другой стороны, убийство как легитимное средство в рамках конфликта является продуктом все того же разума и все той же культуры, живя себе по соседству с моралью. Часто они даже объединяются в симбиоз, потому что как объяснить мораль тем, кто ее не понимает, как не демонстративно показав, что грозит непонимающим.

Возникает еще один вопрос. А, может быть, убийство себе подобных - это не проблема, а только еще одно из качеств биологического вида. Лоренц с ужасом приходит к выводу, что у этого явления нет никакого эволюционного оправдания... убийство здесь не является биологическим механизмом, а признаком рода... Крысы убивают чужих крыс. Так может, так же с нами - мы люди, и мы убиваем тех, кого ненавидим.

Или, даже не сочувствуя ужасу Лоренца, предположим, что убийство, обоснованное ненавистью, является механизмом естественного отбора, блуждающего в поисках человека лучшего. Означает ли это, что мы можем принять убийство как биологическую данность. Если мы признаем, что у убийства человека человеком есть эволюционное оправдание, то, может, вообще не стоит так беспокоиться о том, что мы убиваем друг друга... Да, конечно, это бывает больно, но это больно нам как индивидам, как тем кого убивают.

Но имеет ли смысл рассматривать биологические аспекты убийства человека человеком, ведь проблема убийства не проблема в биологическом контексте, а прежде всего в контексте социальном. Это происходит прежде всего потому, что убийство не отвергнуто человеческой культурой как абсолютная противоположность идеи ценности личности, убийство - неотъемлемая часть этой культуры прежде всего как воплощение ненависти и один из центральных элементов культуры конфликта

Вопрос, является ли природой человека убивать себе подобных, неактуален, даже если ответ положителен. Будучи людьми, мы обязаны рассматривать убийство в рамках социальной, а не биологической реальности. Мы обязаны поставить перед собой другой вопрос. Можем ли мы, считая себя высшей ступенью разума и ставя перед собой цели прогресса, совершенствования и идя на встречу светлому будущему, позволить себе, чтобы на фоне этого процесса мы продолжали все более и более искусно, порой даже вдохновенно друг друга убивать.

Если мы решим, что это нам не мешает, то, может, не стоит так беспокоиться и о факте убийства. Пусть мораль и определенные социальные структуры остаются механизмами контроля убийства, но важно понимать, что они только механизмы контроля... Убийство же остается легитимным и как средство в руках государства, и как средство решения определенных конфликтов не только на глобальном, но и на личном уровне. Таким образом, у морали есть своя подконтрольная ей область, а у убийства - своя. Стоит ли с этим смириться? Или необходимо принять решение, что в рамках социального конструирования человечества необходимо исключить убийство как неотъемлемый элемент культуры.

Эволюционно-биологический аспект вторичен. Мы можем исходить из позиции эволюционного оптимизма, заявляя, что человеку убийство не свойственно, как и любым другим существам не свойственно убивать себе подобных, или же признать, что человек по своей природе крысopodobен, только являет собой некий эволюционно продвинутый вариант крысы, ибо ему не только свойственно убивать себе подобных, но и искусно совершенствовать методы убийства

В уникальном романе одного из самых глубоких американских фантастов Клиффорда Саймака "Город" уже сто двадцать пять лет как в мире людей не было совершенно ни одного убийства. Человек наконец достиг того этапа социальной эволюции, когда он научился не убивать подобных себе существ. И тут перед одним из героев встает выбор. Он может спасти мир от уничтожения, но для этого ему нужно убить одного человека. "Сто двадцать пять лет не было убийства человека человеком, и вот уже больше тысячи лет, как убийство отвергнуто как способ разрешения общественных конфликтов. Тысяча лет мира - и один смертный случай может все свести на нет", - думает герой и выбирает - не убить, потому что убить - значит лишит человечество того, чего оно достигло, а это не может быть оправданно даже ценой спасения планеты людей. И человеческий мир гибнет, но не теряет своей новой человечности.

Итак, возвращаясь к вопросу, зачем мы ненавидим и зачем мы убиваем друг друга, мы приходим к удивительно простому ответу - потому что мы ненавидим и потому что мы убиваем. Можно, конечно, успокоиться этой вновь открытой данностью и с удовлетворением лобызать попойкой поужинать, но тут перед нами встает вопрос, почему такое тяжелое бремя осознания, что Homo Sapiens не только элемент эволюции, но и ее механизм... Да и окраины ненависти, которые по-прежнему смотрят недружелюбно в спину, когда я иду в столовую, пощелкивая сухими выстрелами, не дают расслабиться уставшему организму.

Предположим, комитет по борьбе за гуманистические идеалы избрал вас членом комиссии по искоренению убийства себе подобных из мира человеческого. Что скажете? "Даешь мир во всем мире? Полюбите друг друга, ибо все вы люди? Мы все одной крови! Возлюбите ближнего..." Но разве будет в этом решение И в том ли проблема, что люди ненавидят друг друга, и поэтому убивают...

Или все-таки возлюбите. Только ведь нам хорошо знакомы идеологические системы, ставившие в центре себя лозунг всеобщей любви и с большим воодушевлением убивавшие сотни и тысячи тех, кто возлюбил не согласен. "Любовь к ближнему" - тоже признак принадлежности к атаке, которая замечает Лоренц: "Человек - единственное существо, способное с воодушевлением посвящать себя высшим целям, нуждается для этого в психофизиологической организации, звериные особенности которой несут в себе опасность, что он будет убивать своих собратьев в убеждении, будто так надо для достижения тех самых высших целей".

Мы можем петь гимны толерантности и призывать людей проникнуться пониманием чужого... Только что к чему это нас приведет.. Ибо так же, как человеку свойственно любить, ему свойственно ненавидеть. Чтобы лишить человека ненависти, необходимо лишить его возможности чувствовать, лишить эмоций - только будет ли он тогда человеком?

Никакие призывы к толерантности не заставят полюбить меня того, кого я ненавижу. Я знаю, кто враг, кто виноват, я знаю свою правду... Возможно, меня можно научить не ненавидеть конкретного человека, но на место его придет другой, перестать ненавидеть - это все равно, что разлюбить.

Однако конкретные факты, будь то история или идеология, абсолютно ни при чем. Потому что вопрос не в том, почему мы ненавидим, а в том, может ли ненависть оправдать убийство. Можем ли мы принять порядок вещей, когда одной из главных функций ненависти является смерть того, кого ненавидят. Можно ли оправдать ненавистью смерти моего друга, погибшего от взрыва взрывного устройства на совместной израильско-палестинской базе взаимной координации, девушки на входе в тель-авивскую дискотеку на побережье Средиземного моря или 10-летнего мальчика в палестинском городе Рафиях, на юге сектора Газа.

Человеку свойственно ненавидеть, и ненависть эта часто лишена всякого рационала и обезличена. Но бороться с ненавистью - это лишь порождает ее новые формы. Надо учить ненавидеть! Нам не хватает культуры ненависти, или, если точнее, культуры конфликта.

Проблема не в том, что там, по ту сторону оврага, за стенами окраин ненависти живут те, кто меня ненавидит... это их право. Проблема в том, что между понятиями "ненависть" и "страх" стоит простейший математический знак - знак равенства, что выразить свою ненависть, выплеснуть, доказать ее - значит убить того, кого ненавидишь.

Мы убиваем, потому что не умеем ненавидеть по-настоящему. Нас не научили не убивать. Мы не умеем по-другому! Война - это тоже игра, а наличие в ней смерти - это функция умения игрока. Чтобы победить, не обязательно быть жестоким. Чтобы доказать свою ненависть, не обязательно убивать. Пускай тот, кого я ненавижу, уйдет побежденным, оскорбленным, обиженным, пускай даже униженным... но живым. Надо только уметь... уметь не убивать. Это самое сложное. И мы этого не умеем.

Ну а что касается меня... то я по-прежнему каждое утро просыпаюсь под пристальным взглядом окраин ненависти, и пока мы не научимся по-другому, эти окраины будут для меня окраинами смерти. |

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ | юрий мамин

Мама заставляла меня читать. Классику - отечественную и зарубежную. Школьную программу я прочел раньше одноклассников и по-другому. Мы с мамой разговаривали о книгах - вот что было, пожалуй, главным. И помню, каким стимулом для меня были ее слова: "Мне с тобой неинтересно". Я читал, потому что мне не хотелось быть ей неинтересным. Но, согласитесь, тогда, лет 35 назад, - в обществе были вообще иные приоритеты. Существовало понятие "стыдно не прочитать". Сейчас такого культурного прессинга нет. И потеряны оказались, мне кажется, целые эпохи, целые литературные пласты. То же, между прочим, происходит и с музыкой.

Мне кажется, важно вовсе не то, чтобы ребенок читал много, важно, чтобы в нем выработалась привычка осмысливать прочитанное. Само по себе количество информации не создает мозговые мускулы, скорее уж мозговой жир. А мозговые мускулы - это способность фантазировать, домысливать, преображать, воображая. Литература будит в человеке способность стать автором сценария, режиссером и исполнителем ролей того "внутреннего фильма", который каждый может снять для себя. Конечно, это я говорю как кинорежиссер. Но именно так я представляю себе литературу.

Но вот заставлять ли своего нечитающего ребенка читать - это для меня серьезный вопрос. Я свою дочь заставлял читать, заниматься музыкой. Как когда-то заставляла меня мама. И она добилась успеха - мне стало интересно. Я, что называется, пристрастился. Мне понравилось узнавать характеры героев, открывать новые отношения, новые эпохи. Хотя, конечно, подростком меня интересовали прежде всего эротические сцены, и только позже я открыл в книгах иной мир. Так и для любого человека в какой-то момент открывается обогащенная жизнь, но стремление к ней нужно ребенку как-то обозначить. К тому же его необходимо приучать совершать над собой усилие, вводить разумные самоограничения. Потому что они - основа цивилизации, закона и демократии, основа всей этики.

Но сегодня все труднее быть авторитетом для своих детей. С приходом в наш мир компьютеров и Интернета выяснилось, что маленькие дети куда лучше своих взрослых родителей справляются с ними. Как тут им указывать на книжный шкаф? Но ведь и Бетховена не было бы, если бы отец не заставлял его в детстве музицировать. А благодаря Бетховену человечество выяснило, что человек может быть равен Богу...

Но из интернетно-макулатурного тупика есть выход. Этот выход - наш диалог с нашими детьми. Не хочет читать "Детство Темы", хочет "Гарри Поттера" - пусть читает. Важно вместе обсуждать, даже бульварное чтиво. Чтобы на примере, пусть совсем конченной дурилки, ребенок смог узнать и почувствовать, почему это - не очень-то "большая" литература. И таким образом приблизиться к тому, чтобы открыть для себя величие Литературы. |

ЦАРЕВНА В ЛЯГУШКЕ

научная статья в журнале "Психология искусства"
 - *научная сотрудник факультета психологии МГУ, педагог-психолог московской школы № 1243. Область ее профессиональных интересов - влияние социокультурной среды на процессы развития и обучения человека.*

Не ложись на краю...

Караули.

П ризвав на помощь все свое терпение, мама настойчиво показывает двухлетнему сыну, как изобразить человека, козу, домик... Между тем сын вовсе и не добивается успеха с реальным предметом, он просто хочет оставить свой след на пространстве чистого листа и тем самым еще раз подтвердить, что он есть, существует, способен материализовать свое присутствие в мире, в доме, - это пока главное для него.

Трехлетняя дочь заворожена вовсе не мастерством живописца, а своей способностью дойти до самого края - в данном случае листа - и, лихо развернувшись (тут калыка-малыка, слезая петлю, возвращается в глубь белого пространства), во время уйти от опасности.

Потребность в утверждении своего места в мире и в обретении координат для ориентации в нем ребенок пытается удовлетворить разными способами. Рисунок лишь один из них. Караули двух-трехлетних детей - это первый поиск своей системы координат пространства, обживаемого маленьким человеком, границы которого всю его жизнь будут расширяться, но никогда не исчезнут полностью. Любый детский рисунок начинается с каракуль - в какой-то момент ребенок обнаруживает, что карандаш, ручка, фломастер, мамина губная помада оставляют след, и след этот таинственным образом зависит от его, ребенка, воли и подчиняется движениям его руки.

Впервые дети берут графические средства - и карандаш, и губную помаду, и уголек примерно в возрасте одного года. Предметы, оставляющие графический след, привлекают их богатыми возможностями манипулирования. Но сам след - пока результат случайных действий, и только к трем годам появляется выраженный интерес именно к следу, оставленному движением собственной руки, движением пальца.

Стадия каракуль длится по-разному, иногда проходит достаточно быстро, но всегда в это время ребенок ищет и осваивает три линии: горизонталь, вертикаль, учится замыкать круг. Он учится ориентироваться на листе бумаги и особая проблема в это время - остановиться. Ребенку приходится специально осваивать это умение: не вести бесконечную горизонталь, от кухни до входной двери по стене, через весь коридор, а остановить руку вовремя. По рисункам видно, как это сложно дается. Самый известный тип каракуль - бесконечная спираль; взрослые пытаются ее по-новому интерпретировать, говорят: "Это он рисует звук, движение..." - на самом деле ребенок просто пытается вернуться в ту точку, с которой рука начала движение.

Часто стацию каракуль или стацию "мараний" (какой понятный, почти житейский термин!) сравнивают с младенческим гулением, возникающим задолго до появления речи, когда, порождая разнообразные новые повторяющиеся и беспорядочные звуки, ребенок стремительно овладевает "звуковой материей". Караули заканчиваются в тот момент, когда появляется замкнутый контур - "круг".

Очень важно уметь замкнуть контур, потому что закрытый контур дает форму. У ребенка еще нет четкого ощущения формы, а оно необходимо для движения, для освоения предметного мира. До трех лет ребенок больше ориентирован на форму, чем, например, на цвет. Если ему дать игрушки разного цвета и разной формы и попросить выбрать из них "вот такие", показав зеленый квадрат, то ребенок будет искать и тащить квадраты любого цвета, но именно квадраты.

Когда рука даст маленькому художнику средства для рисования, появится содержание. Стадия каракуль важна как раз тем, что ребенок овладевает движениями своей руки. Как только это появилось, появляется первый предметный рисунок. У разных детей по-разному, у особо одаренных детей раньше трех лет.

Первые предметные изображения, как правило, не создаются специально, они "узнаются" в том, что нарисовано. Например, изобразив множество довольно кривых кружков, трехлетний мальчик спрашивает себя: "Это снег?" Рука опережает образ. Но первым осознанным предметным рисунком у каждого ребенка, в какой бы точке мира он ни жил, становится изображение человека. Более того, человек надолго останется излюбленным персонажем детского рисования, а образ его будет меняться вместе с развитием и изменением автора рисунков.

От первого вздоха до первого шага - заново

Предметное рисование проходит множество периодов, угасает и переходит в почерк. Интересно, что, "зарождаясь" внутри спонтанного рисования, почерк первоначально строится по образцу прописей и меняется лишь к десяти-одиннадцати годам. Именно в этом возрасте дети стараются выразить в почерке что-то свое, перестают следовать за образцом. Правда, в основном это касается правой. Если ребенок - левша и его не переучивают, то при таком объеме искомое положение своей левой руки, при котором может видеть написанное. Поэтому у левой почерк индивидуален по происхождению и очень устойчив, но поэтически не меняется в течение жизни. Почерк правой постоянно меняется, совершенствуется и принимает окончательную форму к 25 годам. Кстати, и судебно-медицинскую экспертизу почерка проводят только у лиц старше 25 лет, потому что почерк сформирован и теперь может измениться только при органических поражениях мозга, при прогрессивном развитии психического заболевания и в ситуации жизненного слома.

Сначала дети рисуют не себя, не папу или маму - они изображают человека "вообще", прототип человека. - Первое, что ему рисуется, - знаменитый "головенок", созданный буквально по инструкциям детской песенки: "Точка, точка, запятая, минус - рожкица кривая, ручки, ножки, огуречик - вот и вышел человечек". Нос в виде запятой вовсе не обязателен (в отличие от глаз и рта); "огуречик" же кривым замкнутым контуром охватывает вместе голову и туловище, из которых торчат в стороны палочки-ручки и палочки-ножки. Обратите внимание: ни о каком умении считать, разумеется, пока нет и речи, тем не менее на первых предметных рисунках маленьких детей всегда два глаза, две руки и две ноги, а рот всегда один - никто еще из трехлетних детей ни разу в этом не ошибался.

У современных городских детей головонок может лишь промелькнуть, продержаться от нескольких дней до двух недель: усложненная среда, усилия родителей подстегивают развитие. Но в любом случае он становится первым, еще неснятым, недифференцированным образом самого себя, отражением целостного переживания своей "самости".

Все первые изображения основываются на собственном "телесном" опыте ребенка (другого у него пока нет), повторяют - всю недолгую историю его жизни. Вспомним, что физически, двигательно, младенец развивается как бы "сверху вниз". Первое изменение ощущений своего тела: малыш поднимает голову. Она первой выделяется из сложного нерасчлененного густого ошущения. Как только малыши начинают держать зрительно, его восприятие мира меняется, обогащается - по-другому начинают работать зрительные и звуковые анализаторы. И он уже требует, чтобы его все время держали вертикально. Так и на детских рисунках первой из "головонога" вычлняется голова, затем подробнее прорисовываются глаза, нос, а все остальное достаточно долго не меняется: какое-то общее туловище, из которого торчат палочки-ручки и палочки-ножки. Волосы могут, например, вообще должно отсутствовать, а появившись, "не растут", а "надеваются" на голову, как шапка; даже у семилетних детей можно в изображении человека увидеть контуры головы, на которую "надеты" волосы. Довел здесь, возможно, в том, что многие дети рождаются "лысыми" или волос у них совсем немного, они появляются позже и потому как бы изначально не переживаются частью своего тела. Ребенок это по-своему помнит - не рассудком, не разумом, а ощущением... И спонтанные детские рисунки подтверждают это.

Растет ребенок, развивается и усложняется его рисунок, в точности повторяя логику развития самого маленького художника. Когда-то его собственные руки стали его первой игрушкой: он долго их рассматривал, крутил, лизал, трогал их, прежде чем использовать по назначению - стал хватать настоящие игрушки, которыми обычно увешаны кровати и коляски. Так и на рисунках вслед за головой первыми "оживают" руки. Они обретают пять пальцев-палочек, торчащих в разные стороны из палочек; и опять-таки замечать: как правильно, пальцев именно пять, а не три и не семь - у ребенка, который еще не имеет представления ни о разнице между этими числами, ни о самом понятии числа.

Следующий шаг: рука приобретает телесность. Ее начинают рисовать не одной, а двумя линиями, пытаясь передать телесность на плоскости. Телесность обретают и пальцы, хотя кисть обычно непропорционально велика - впрочем, какие же тут пропорции! И все-таки отмечаем: именно кисти рук, как и голова, глаза и рот, умеют тенденцию быть непропорционально большими на первых спонтанных рисунках детей.

Возможно, это связано с важностью ощущений, которые возникают в этих частях тела. В течение первых трех лет жизни именно глаза, рот, рука позволяли ребенку реально ощущать и воспринимать окружающий мир. Только после того, когда в рисунке появились прорисованные пальчики, человечек-огуречик начинает ими пользоваться. Ребенок не будет пририсовывать стакан или ружье к простой палочке-руке: нужна кисть, чтобы держать предмет. И в этом ружье - отражение логики развития человека. И странная реалистическая нота при общей условности рисунка.

Тело постепенно приобретает приятную округлость, появляются и первые признаки одежды: пояс и пуговицы. Потом у пятилетних детей одежда будет тщательно вырисовываться как пазовка не биологического, а социокультурного существования, но это позже. Пока она - важнейшее средство индивидуализации портрета: малышам довольно долго приходится усваивать, что один и тот же человек может выиться перед ними в разных одеждах. Взрослые родственники иногда даже обихаживают на "забывчивость" малыша, когда он вдруг не узнает их. А ребенок просто запомнил, что в последний раз в прихожей видел тетю в шапке и сапогах. А эта - в платье и с бусами - это для ребенка совершенно разные люди.

Интересно, что дети одевают своих героев так, как одевают их самих: на тело платье, на платье карманы - их не видно под пальто, но могут же там быть! Рисуют и то, что лежит в карманах. Такие "рентгеновские" рисунки не могут переждать лет до семи. Только скелет дети не рисуют никогда - они его не чувствуют, не ощущают - потому и не рисуют.

Последними материализуются ноги - и снова через непропорционально большие стопы. Живе, человек собран, первый этап освоения тела на рисунке закончен так же, как в жизни, - первыми шагами. И действительно, телечек-огуречик готов двигаться - вот чуть-чуть согнул ногу в коленке и пошел! Теперь с ним будут происходить другие чрезвычайно важные изменения. Постепенно он будет становиться все более и более пропорциональным, его станут окружать не только реальный, бытовый предметный, но и вымышленный фантастический мир. Рисованный человечек окажется включенным во множество ситуаций и отношений с другими персонажами.

В возрасте 5-7 лет освоение образного мира в рисунке также происходит - от человека к его окружению. Пропорции первыми устанавливаются именно в человеческой фигуре. Характерным рисунком этого периода: высокий большой человек рядом с маленьким многоэтажным домом и маленькой легкой машиной. Пятилетний автор не понимает нашего недоумения: "Да, этот человек ехал на своей машине, он живет в этом доме, да, на третьем этаже, видишь, вот его окошко и балкон". А нам кажется несущуемой несоотнесенность размеров изображаемого человека и его мира: "Как же он в дом-то войдет и в машину сядет?"

На этом деле это нормальный этап развития детского рисунка. Через него проходят все дети, и со временем в рисунке все "уравновесится", а правильные пропорции установятся и в окружающем мире.

Интересно, что до начала подросткового возраста, лет до 10, когда собственные телесные признаки еще "молчат", в рисунках пол человека выделяется только через вневные признаки. Как только в изображении человека выделяется голова, сразу "дяденьки" отличаются от "тетенек" благодаря прическам и деталям лица, усам, бородам у одних и ресничкам у других - бантиком в волосах у других. Затем появляются - разная одежда, меняются пропорции фигур - "дяденьки" становятся высокими и мужественными, а "тетеньки" - женственными и миниатюрными.

Гомункул Пенфида

Собрав вместе множество детских спонтанных рисунков, сравнив их друг с другом, ученые выяснили: развитие изображений людей происходит весьма сходным образом, у детей разных стран, разного социального происхождения, разной культуры. Детский спонтанный рисунок развивается по одним и тем же закономерностям, проходит одни и те же этапы. Еще раз повторим: речь только о спонтанных рисунках, а не о тех, что делаются по назначению и указанию взрослых. Мы можем долго объяснять ребенку законы перспективы, показывать, как их использовать, как их использовать в рисунке, но ребенок сам не будет применять эти знания до тех пор, пока не "прочувствует" их, пока не "откроет" в личном опыте ощущений - так же, как в свое время он протянул руку за игрушкой только тогда, когда был готов к этому. (Хотя, конечно, важно, чтобы игрушки были рядом, перед его глазами.) Кстати, перспектива для чувственного опыта - вещь из самых сложных, многие в спонтанном рисунке так ею никогда и не овладевают.

Сами дети четко различают рисование "по правилам" и "по душе". Когда психологи просят их нарисовать человека, дерево или картину с домиком, небоважно зная, они непременно интересуются: "Вам как рисовать - как учат или как я сам рисую?" Было замечено, что характер рисунка примерно соотносится с уровнем общего развития ребенка. Американские психологи даже составили таблицу с уровнем общего развития элементов изображения человека, по которой можно определять, насколько развитие данного ребенка в данном возрасте соответствует статистической норме. Тест пользовался тем большей популярностью, что позволял судить о состоянии внутреннего мира маленького ребенка, который сам рассказывает о себе словами еще не может. Не объяснить, почему человечек-огуречик всех детских рисунков выглядит именно так, а не иначе, ученые смогли лишь недавно, когда по несчастной случайности психологи встретились с нейрофизиологами. Драматическая жизненная история - отдельный случай - помогла найти ответы на вопросы, связанные со спонтанным рисованием.

Молодая художница Татьяна Лебель попала в автокатастрофу. Последствия оказались тяжелыми: после нейрохирургической операции нескольких месяцев она не приходила в себя. Работа речевого левого полушария ее мозга была существенно нарушена. Выйдя из комы, она не могла говорить, ничего не узнавала, касалась, царапала, и позже когда ее кровать пришлось обнести ригельной сеткой. Последнее восемь лет петербургская художница постепенно возвращается к человеческому состоянию, невольно предоставив нейрофизиологам уникальный материал для наблюдений.

Еще не произнесла ни слова, она начала рисовать. Выяснилось, что правое полушарие хранит некоторые художественные навыки, и ее рука сама воспроизводила анатомически правильные части тела людей и животных. Однако из этих частей Татьяна составляла странные образы зверю-людей, чертей и ведьм, духов древного мифологического сознания. Фигурки людей на ее рисунках были деформированы: с огромными глазами и огромным ртом, с резко увеличенными кистями рук и стопами ног, они походили на больших лягушек.

Искусствоведы и этнографы, к которым обратились за консультацией физиологи, увидели в этих рисунках сходство с примитивной живописью первобытных людей. Специалисты психологи указали на их сходство с детским спонтанным рисунком. Сами же физиологи вспомнили фигурку Пенфида, американского нейрофизиолога, составившего карту внутренней коры головного мозга человека, разные участки которого заняты анализом сигналов, поступающих от разных частей тела человека. На этой карте зоны анализа сигналов, идущих от кистей рук, стоп, рта, губ и глаз, половых органов, занимали огромное место по сравнению с зонами, анализирующими сигналы остальных частей тела. Исходя из этого, Пенфидл и набрался фигурку гомункула - образа человека, представляющего перед нашим внутренним взором, образ, рождаемый не для красоты, а для жизни: выделенные зоны важнее всех прочих для выживания и коммуникаций.

Вот эта самая "лягушка" с человеческим лицом и есть первое внутреннее ощущение себя, которое каждый ребенок пытается воплотить вовне, как только овладевает достаточными для этого средствами. Но вот вопрос: как и почему этот внутренний образ со временем меняется?

Ряд функций работы левого полушария у Тани Лебель постепенно восстанавлился. Этот процесс отражался в изменениях ее рисунков - появились пропорции в человеческих фигурах, усложнилась композиция, исчезла разобщенность персонажей, люди повернулись лицами, они теперь смотря друг на друга, общаются, в облике человека "заговорили" глаза.

По сути дела, данный случай позволил увидеть, как в рисунках взаимодействуют разные системы головного мозга, как слово расширяет, обогащает и развивает зрительный образ.

Интересно, что в самом раннем детском спонтанном рисунке левшество автора отражается достаточно ясно, необходимо только очень внимательно взглядеться в изображение. У человека, нарисованного маленьким левшой, ведущая рука - левая, именно ею он бросает, воюет, держит что-то. (Человек, нарисованный им, расположен по отношению к зрителю зеркально, в его фигуре напротив нашей правой руки - его левая.) По мере развития ребенка речь, слова, понятия становятся главными "инструментами" его социализации, приобщения к культуре и организации собственного поведения. Мир слов дифференцирует, меняет и расширяет мир образов-переживаний, а затем постепенно и вытесняет его. Угасая в подростковом возрасте, детский спонтанный рисунок начинает отступать на второй план, индивидуальность графика переходит в индивидуальность почерка.

Рождение царевны

Так же, как память, внимание, мышление, спонтанное рисование - важнейшая психическая функция человека. И все-таки почему к трем годам ("плюс" - "минус") вполне возможно, но не слишком велики все дети берутся за карандаш и так неожиданно, лет через семь-восемь, перестают рисовать?

Три года - возраст, когда ребенок учится говорить, речь становится активным социальным средством общения. Это новая эра его отношений с миром. Прежде общение с близкими взрослыми сводилось в основном к передаче сигналов, обозначающих эмоциональное состояние ребенка в данный момент. Эти сигналы призывали устранить причину дискомфорта или, наоборот, продлить удовольствие, и взрослые в основном их понимали, а большего и не требовалось: сугубо индивидуальный язык эмоций, совсем не общенный к чужим. Это так называемый доверительный период общения.

К трем годам такие отношения ребенка уже категорически не устраивают - он изо всех сил протестует в общепринятому языку людей. Взрослые с умилением и восторгом повторяют его смешные словечки и обороты - хотя он делает с языком всего лишь то, что с пластилином: лепит как придется, а потом смотрит, что получается и как окружающие реагируют на это. Все это работа не из легких, и только кажется, что малыш окружает ее играючи. К чему же еще и браться за карандаш?

Еще долгое время ребенок не будет владеть языком настолько, чтобы передать с его помощью свое эмоциональное состояние. И тем более - чтобы выразить себя самого, что совершенно необходимо, чтобы наладить отношения с миром и занять в нем определенное место. Рисунок помогает ему в этом.

Изменения, постоянно вносимые ребенком в образ самого себя, прямо сопряжены с новыми и новыми этапами его развития. Известно, что вектор развития - это движение изнутри вовне, к внешнему миру. Ребенок движется от собственного субъективного представления о объективности внешнего мира. Это один из главных постулатов теории великого детского психолога Жана Пиаже, подтвержденный множеством исследований. Поначалу ребенок совершеннейший эгоцентрист, соответствием и образ человека топчется им исключительно по собственным внутренним ощущениям. Постепенно эта точка зрения меняется, вбирая в себя все новые ракурсы, позиции других людей. Этот процесс сложный, многогранный. Рисунок - его составная часть и одновременно показатель пройденного.

Первые рисунки ребенка столь же индивидуальны, как и сигналы уже пройденного доверительного периода: это индивидуальные символы предметов и явлений, от которых вовсе не требуется походить на объект изображения. Именно поэтому малыша вовсе не беспокоит, действительно ли похожи его домики, машины, собаки и коровы на реальные. (Мы не сказали еще, что, собрав человека, ребенок занимается изображать все подряд, появляются животные, дома, деревья, сюжетные полотна).

Рисунок трансформируется в двух направлениях. С одной стороны, они редуцируются до общепринятых знаков, символов в пределе - к буквам (первые попытки ребенка написать слово средни процессу рисования). С другой - наоборот, становятся все более подробны и точны в соответствии с принципиально новой задачей: создать макет реального объекта, максимально на него похожий.

Может быть, поэтому тут - постепенно сменяя позиции, точки отсчета. Ребенок растет и продолжает переносить на бумажные плоскости свои ощущения и переживания, и потому у младшего дошкольника в изображении человека признаки анталистотичности, как раньше, быть формально внешними, а становятся откровенно полами детскими. (Характерные "эротические" подростковые рисунки не являются признаком распутности, они лишь отражают своего героя, драматический период развития). Однообразие он все чаще наделяет сложней, приписывает социальные статусы, как он это понимает, и все чаще эти статусы его рисунков становятся социальными ситуациями. Ребенок рисует свою семью - и эти рисунки точно передают семейную атмосферу и особенности его отношений с близкими.

Он уже очень близко подошел к новому взгляду на себя и на других - сзгяду со стороны, но еще сохранил взгляд изнутри. В возрасте 7-10 лет ребенок и создает весьма интересные свои рисунки. Всегда найдется кто-то, кого они приведут в полный восторг своей неразраченной всеядью, открытостью, своеобразием, но уже и понятностью. Он уже видит в себе не только лягушку, но и царевича, царевну, со всеми культурой награждаемыми доблестями и красотами. И вот тут он и... перестает рисовать. Спонтанный рисунок умирает, сходит на нет или сменяется профессиональным.

Чаще всего поводом становится острая невхватка благожелательных критиков: обязательно найдется кто-то среди близких взрослых, кто бросит небрежительно: "Ну и мазяня!". Подростку этого вполне достаточно, чтобы навек расстаться с карандашом. Кроме того, он и сам начинает сравнивать свои рисунки с многочисленными образцами и эталонами, а подростку важнее всего на свете соответствовать образцам и стандартам. О ценности оригинального он догадается несскоро, и пока в непохожести на образец видит только собственную неудачу.

А может, просто спонтанный рисунок выполнил свою функцию и удаляется из жизни за ненадобностью. Впрочем, нет, не удаляется. Человечек - как хранитель, из которого никогда ничего не выбрасывают. Или как иллюстрация к истории человечества, в которой аккуратными слоями сложилось-селекцлось все, что с ним когда-то было.

Один из самых психологически писателей - фантастов XX века С.Лем нашел необыкновенно яркий образ этому накопительному свойству душевной жизни: "...каждый человек - это ходячая геологическая формация, прошедшая через тысячу скакаленных эпох и еще через тысячу - ледниковых, когда слои оседали на слои... Началась тот, начальный, первый и потому ни с чем не сравнимый мир ребенка до знакомства с языком, - мир, который позже гибнет, поглощенный стихией речи, но все же таится где-то на дне.

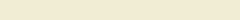
Это вторжение красок, форм и запахов в мозг, вторжение через органы чувств, открывшихся сразу после рождения... и лишь потом начинается разделение на мир и немир, то есть на "не-я" и "я". Ну а потом - это полотно гормонов, эти противоречивые, на разных уровнях программы влечений и убеждений..."

Нормально, если спонтанный детский рисунок прошел весь свой путь развития и "умер естественной смертью". Ужасно, если его движение было прервано нетерпеливыми взрослыми в самом начале. Тем самым были перекрыты важнейший канал самовыражения, генеральная линия развития - "рисуночный образ - словесный образ", не говоря уж о такой "мелочи", как постоянное и необременительное для ребенка развитие мелкой моторики и зрительно-моторной координации. Все это "аукнется" очень рано - в школе, в ситуации обучения и общения.

Но ушедший в прошлое наш спонтанный рисунок еще послужит и взрослому человеку.

Насобранны, с которого не уйдешь, где сказать то, что думаешь на самом деле, нельзя, а слушать не хочется, скованные в движениях и эмоциях мы начинаем рисовать. Поразительно: мы рисуем точно так, как рисовали тогда, когда подростком в последний ряд держали карандаш. Это чисто спонтанный рисунок - конечно, с некоторыми купорами, вкраплениями стандартных частей, выполненный более зрелой рукой, но тем не менее в главном - все тот же рисунок, апеллирующий к архаике, к детству человечества и собственному детству. Что-то похожее возникает и в ситуации затянувшегося телефонного разговора, активного только с одной стороны: вынужденно звучащий шмыкает, подкакивает и черкает, чертит...

Мы так рисуем не только в ситуациях, когда движения и свобода самовыражения ограничены, в моменты, когда наше подсознательное вырывается наружу. Неожиданно для самих себя и окружающих мы начинаем рисовать в период жесточайших личностных кризисов, жизненных потрясений и драм. Претркая жизнь с ее стереотипами и установками резко завершилась, надо вновь обрести и выстраивать себя, как это давным-давно уже происходило однажды. |

В МУДРОМ ОДИНОЧЕСТВЕ БОДРСТВУЙ | януш корчак

Прочитала ваш журнал случайно, в поезде "Москва-Барнаул".

Увидела у соседки по купе, попросила. Поражена была невероятно - с тобой разговаривают. Уже дома, готовясь к переезду на новую квартиру, в старых бумагах я нашла газетную вырезку, которую почти тридцать лет назад мне подарила подруга. Тогда, в Магадане, мы только начинали работать, а дочке было всего два года. Какой удивительной жизнью мы жили, как любили тогда. Мы бесконечно спорили о наших детях, о воспитании, о совести, о дружбе, о человечестве. Спорили до хрипоты, дружили до самозабвения, любили своих учеников, ревновали друг друга к ним, и вот такие, наверное, непонятные сегодня делали подarki. Мы искренне жили и честно постигали мир. Мне захотелось кому-то рассказать об этом. Думаю, вы понимаете почему... |

/ Н.Александрова, Барнаул, Алтайский край

С благодарностью принимая письмо нашей читательницы, мы печатаем текст Януша Корчака, опубликованный в СССР

впервые в "Литературной газете" в 1966 году.

КАК, КОГДА, сколько, почему? Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении. И отвечаю:

- Не знаю.
Я не знаю и не могу знать, как не известные мне родители могут в не известных мне условиях воспитывать не известного мне ребенка, подчеркиваю - "могут", а не "хотят", а не "обязаны".

В "не знаю" для науки - первозданный хаос, рождение новых мыслей, все более близких истине. В "не знаю" для ума, не искусленного в научном мышлении, - мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни и ярчайших неожиданностей творческое "не знаю" современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли - это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дашь ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь, как человек или как самка, станешь руководить или повлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скупым или немилым ласкам супруга, а потом, чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

ТЫ ГОВОРИШЬ: "Он должен... Я хочу, чтобы он..."

И выбираешь для него, кем должен быть, - жизнь, какую желала бы.

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым?

Или только счастливым?

Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь? Да и есть ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?

Как предвидеть, как оградить?

Собственным примером, помогая советами, словом и делом?

А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты - к прошлому. У тебя воспоминания и привычки, у него поиски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

НЕБЛАГОДАРНОЕ. Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, и тщательно записываешь и высчитываешь проценты? Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

ХОРОШИЙ ребенок. Надо остерегаться смешивать "хороший" с "удобным". Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен - хороший.

А плохой - капризен, кричит без явного к тому повода, доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения независимо от самочувствия.

С одного довольно единицы страдания, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей крика.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований и намерений.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

Страх за жизнь ребенка соединен с боязнью увечья; боязнь увечья сцеплена с чистотой, залогом здоровья; тут полоса запретов перекидывается на новое колесо: чистота и сохранность платья, чулок, галстука, перчаток, башмаков. Дыра уже не во лбу, а на коленках брюк. Не здоровье и благо ребенка, а тщеславие наше и карман. Новый ряд приказов и запретов вызван нашим собственным удобством.

"Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, забрызгаешься. Не бегай, у меня голова болит".

И вся эта чудовищная машина работает долгие годы, круша волю, подавляя энергию, пуская силы ребенка на ветер.

СТАЛО БЫТЬ, все позволять? Ни за что: из скучающего раба мы сделаем изнывающего со скуки тирана. А запрещая, закаляем как-никак волю, хотя бы лишь в направлении обуздания, ограничения себя, развиваем изобретательность, умение ускользнуть из-под надзора, будим критицизм. И это чего-то да стоит, как, правда, однозорная подготовка к жизни. Позволяя же детям "все", бойтесь, как бы, такая канпризав, не подавить сильных желаний. Там мы ослабляли волю, здесь отравляем.

Кто не продумает основательно вопроса запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не охватит всех, когда их будет много.

- А ты умеешь сам открывать дверь? - спросил я у пациента, мать которого предупредила меня, что он боится докторов.

- Даже в уборной, - поспешно ответил он.

Я рассмеялся. Мальчуган смутился, а я еще больше. Я вырвал у него признание в тайном торжестве и осмеял.

Нетрудно догадаться, что было время, когда все двери уж стояли перед нами настежь, а дверь от уборной не поддавалась его усилиям и была целью его честолюбивых стремлений; он походил в этом на молодого хирурга, который мечтает провести трудную операцию.

Вот какие небольшие победы празднует ребенок, уже грезящий о дальних путешествиях, в мечтах он - Робинзон на безлюдном острове, а в действительности рад-радехонек, когда позволяют выглянуть в окошко.

- Ты умеешь сам влезать на стул? Умеешь прыгать на одной ножке? А можешь левой рукой ловить мячик?

И ребенок забывает, что не знает меня, что я стану осматривать ему горло и пропишу лекарство. Я затрагиваю то, что в нем берет верх над чувством смущения, страха, неприязни, и он радостно восклицает:

- Умею!

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ собой ребенок как отличная от нашей душевная организация? Каковы его особенности, потребности, каковы скрытые, не замеченные еще возможности? Что представляет собой эта половина человечества, живущая вместе с нами, рядом с нами, в трагичном раздвоении? Мы возлагаем на нее бремя завтрашнего человека, не давая прав человека сегодняшнего.

Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь - на детство и зрелость, то детей и детства в мире и в жизни много, очень много. Только погруженные в свою борьбу и в свои заботы, мы их не замечаем, как не замечали раньше женщину, крестьянина, закабаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем.

Ребенок - это сто масок, сто ролей способного актера. Иной с матерью, иной с отцом, с бабушкой, с дедушкой, иной со строгим и ласковым педагогом, иной на кухне и среди ровесников, иной с богатыми и с бедными, иной в будничной и в праздничной одежде. Наивный и хитрый, покорный и надменный, кроткий и мстительный, благовоспитанный и шаловливый, он умеет так до поры до времени затаиться, так замкнуться в себе, что вводит нас в заблуждение и использует в своих целях.

В области инстинктов ему недостает лишь одного, вернее, он есть, только пока еще рассеянный, как бы туман эротических предчувствий.

В области чувств превосходит нас силой, так как не отработано торможение. В области интеллекта по меньшей мере равен нам, недостает лишь опыта.

Оттого так часто человек зрелый бывает ребенком, а ребенок - взрослым.

МЫ НАХОДИМСЯ во власти иллюзии, что ребенка может долго удовлетворять блаженное мировоззрение, где все просто, добро и разумно, что сумеем утаить от него наше незнание, слабость, противоречия, поражения и падения, - и отсутствие формулы счастья. Наивно предписание педагогических самоучек воспитывать детей последовательно: чтобы отец не критиковал поступков матери, взрослые не говорили при детях о своих делах, а прислуга не лгала, что "хозяев нет дома", когда стучится нежеланный гость.

А почему зверей мучить нельзя, а мухи - сотнями! - гибнут в таких муках на липучке? Почему мама покушает красивое платье, а говорит про платъе, что красивое, нехорошо? А кошка обязательно должна быть "притворчивая"? Сверкнула молния, няня перекрестилась: это Бог, говорит, а учительница говорит, что электричество. Как утаить, как разъяснить, не углубляя непонимания?

Ох, эти наши ответы...

А ЭТО ПРАВДА? Надо понять суть этого вопроса, который мы не любим и считаем лишним.

Если нам или учительница говорили - значит это правда.

Ан нет! Ребенок уже убедился, что каждый человек обладает лишь частью знания, и, например, кучер знает о лошадях даже больше, чем папа. А потом ведь не всякий скажет, хотя и знает. Порой просто не хотят, иногда подгоняют правду под детский уровень, часто утаивают или сознательно искажают.

Кроме знания, есть также вера: один верит, а другой нет; бабушка верит в сны, а мама не верит. Кто прав?

НЕПРАВДА, что ребенку подавай то стекло из окошка, то звезду с неба, что его можно подкупить потачками и уступками, что он врожденный анархист. Нет, у ребенка есть чувство долга, не навязываемое извне, любит он и расписание, и порядок и не отказывается от обязанностей и соблюдения правил. Требуется лишь, чтобы ярмо не было слишком тяжелым, не натирало холку и чтобы он встречал понимание, когда не устоит, поскольку стужится или, обессилив, остановится перевести дух.

СЛЕДУЕТ помнить, что ребенок недисциплинирован и зол потому, что страдает. Мирное благополучие снисходительно, а раздражительная усталость агрессивна и мелочна.

Было бы ошибкой считать, что понять - это значит избежать трудностей. Сколько раз воспитатель, сочувствуя, должен подавлять в себе доброе чувство, должен обуздывать детские выходы ради поддержания дисциплины, чуждой его духу. Большая научная подгнетка, опыт, душевное равновесие подвергаются здесь испытанию.

Подготовте, когда вас разбудит рано утром лепет ребенка? Тогда вы исплятните себе за труды поцелуем. Да, да, за пряник мы получали сокровища признательной улыбки. Пинетки, чепчик, слюнявчик - так все это было дешево, мило, ново, забавно... А теперь все дорого, быстро рвется, а взамен ничего, даже доброго слова не скажет... А сколько сносит подметок в погоне за идеалом и как быстро вырастает из одежды, не желая носить на рост!

Горе ребенка отзывается на родителях, страдания родителей необдуманно бьют по ребенку. Раз конфликт так силен, насколько он был бы сильнее, если бы ребенок вопреки нашей воле сам, своим одиночным усилием не подготовил себя исподволь к тому, что мы не всемогущи, не всеведущи и несовершенны.

РЕБЕНОК вносит в жизнь матери дивную песнь молчания. От количества часов, которые мать проводит подле него, когда он сам еще ничего не добивается, а живет, от мыслей, которыми трудолюбиво его окутывают, зависит ее содержание, программа, сила и творчество; мать в тихом созерцании зреет для вдохновения, которое требует труд воспитания.

Не из книжки, а из себя. Тогда каждая книжка падет в цене, а моя, если убедила в этом, выполнила свою задачу.

В мудром одиночестве бодрствуй. |

ХОЧУ В ШКОЛУ!

Владимир Ланцберг

- окончил Саратовский политехнический институт и работал конструктором, пока во второй половине 70-х не познакомился с выдающимися деятелями андеграундной внешкольной педагогики. С тех пор он - педагог, социопсихолог, по совместительству - член Союза российских писателей, автор и исполнитель песен (т.н. бард), отец пятерых довольно неплохих детей.

Странное желание? Да нет, не очень. Дома делать нечего: книжки все перечитаны (ближайшая библиотека, кстати, закрыта на переучет дураков, желающих работать забесплатно). Толковых инструментов, чтобы хоть велик починить, нет. "Ящик" вещает для кретинов - все известно заранее, музыка вся одинаковая, а "мыло", кажется, вообще одно и то же. Компьютер с интернетом - это немного не для нашей семьи, где мать - на две ставки в институте "преподом" и еще где-то совмещает, а отец - врачом на "скорой". Уходят рано, приходят поздно, их проблемы мне понятны, но помочь я им не могу. И до меня у них ни руки не доходят, ни ноги.

Двор заставлен "ракушками". За ними - спортплощадка для сушки белья. В сухом остатке - вестибюль перед мусорными баками, но стекла первых этажей осыпаются от одного звука удара по мячу. Туристский кружок в подвальчике выродился в секцию макраме, которым последние лет пять занимаются крепкие мордатые дядьки на импортных тачках. Меня туда не приглашают.

Да и сами дворовые отношения далековаты от гуманности. Чтобы получить приемлемый статус, надо демонстрировать, что тебе приятно пить водку, слушать песни, которые ни в какую гавань не зайдут, и демонстрировать на ограниченном пространстве околорусского языка свою осведомленность в вопросах почкования. Но главное - надо уметь и любить драться. Временами возникают мрачные личности, превращающие эту забаву в повинность, причем спорить с ними не хочется. Потом они куда-то исчезают, некоторое время тихо, но свято место подсаживает новых.

Нет, хочу в школу. Там друзья. Там любимая биология. Какая-никакая самодеятельность и какой-никакой КВН. На физкультуре - баскетбол.

Это если у физрука хорошее настроение. А если плохое - беги по кругу и скачи через "козла". Да и с друзьями не больно-то пообщаешься: переменки мимолетны, расплачиваться за них приходится высиживанием ненавистных уроков, где тебе впаривают то, что на восемьдесят процентов сей момент неинтересно, да и потом "по жизни" не нужно. Школа глядит на тебя невидящими глазами, оживляясь, когда надо вызвать родителей. На вопрос, почему за правильно решенную задачу поставили "тройку", орут. Сидишь за одним столом не с кем хочешь, а с кем посадят. Божественная ВерСергевна ушла рожать, и оказалось, что биология - такая же мерзкая наука, как и все прочие. То есть все, что в школе есть хорошего, к учебе отношения не имеет. А если и имеет, то странное, "кривое": я учусь не потому, что хочу учиться, а потому, что обожаю учителя. Или чтобы не огорчать преподавательницу сопромата и врача "скорой помощи", над которыми висит дамоклов закон о моем тотальном и неизбежном образовании. Или ради карьеры, которую я себе совершенно не представляю, ибо ни одного предмета, как выяснилось, полюбить не сумел. И вообще - школа это школа, а жизнь - что угодно, только не это. В такую школу не хочу!

Ав какую? В Израиле, говорят, школа - заповедник для детей. Их там очень любят. Если учитель обзовет ребенка козлом, его (учителя, а не козла!) выкинут из школы в пять минут без разговора. Или не обзовет, а только захочет. Или ребенку просто этот учитель не нравится, и он приходит к маме, мол, его облажали в глазах общественности.

Представляете, какие там учителя?

Нет, в такую школу тоже не хочу.

Из Америки сообщают.

Уроки там временами похожи на наши, но не всегда. Во-первых, их меньше. Я уж не говорю о том, что тамошние двенадцатиклассники возятся с тем же материалом, что и наши девятиклассники. В средних классах вместо наших физики-химии-биологии-географии и, кажется, даже истории - один предмет "Наука" и одна толстенная книга, где инфузория-туфелька красуется между самоперегонным аппаратом и сценой подписания Декларации. Учиться проще, но чего-то жаль. Жаль себя, которого держат за олигофрена.

Зато много физкультуры, экскурсий (в музеях класс проводит около месяца в году), стройный позвоночник и здоровый цвет лица.

Зато можно вдоволь насидеться за компьютером, шаря по книжным полкам библиотеки Конгресса. Можно выпустить свой журнал. Вместо задачек про двух купцов и три цыбика чаю - проблема одухотворения пустыни Сахары, которую надо решить комплексно. Вот это да!

Правда, все, что ты сделал с пустыней, так при тебе и останется, разве что верблюд плюнет в спину. Твой журнал никто, кроме тебя, читать не будет, а библиотека Конгресса твоего посещения даже не заметит. И ты опять никто, как в своей родной школе, во дворе или дома. Прямой скелет с румяной рожей и неясным будущим.

Нет, в эту школу меня тоже не тянет.

Ая знаю, чего мне хочется? То, чего мне хочется, это и мало, и слишком много.

В эту школу я прихожу, когда хочу, и ухожу также. То есть, как правило, прибегаю в полвосьмого утра, а возвращаюсь ближе ко сну. Среди дня могу смотаться домой - забрать сестру из детсада, сходить в магазин, выбросить мусор - и опять в школу. Вместе со свеженакормленной сестрой, которую надо блюсти.

Когда наш класс только начал образовываться (ах, вы же не знаете: здесь классы формируются по желанию учеников: сначала сбивается компания друзей, не обязательно одного возраста, потом они принимают других желающих. Могут и не принять. Но чаще объявляется прием в профильный класс - с уклоном в информатику, биологию, механику... И тоже - прием с согласия тех, кто уже здесь.)

...Так вот, когда мы только начинались, полдня шли уроки, полдня - дела. Какие?

Ну, мне цепь на велике надо было поменять, камеру залатать. Дома работать нечем, а здесь все мастерские к твоим услугам. У Саньки кошка болела, так школьный биолог запустил его в свой класс, а там ребята опытные, взяли на крыло. Да и класс под ремонт кошаков "заточен". Санька с кошкой на лишай грешили, оказалось - авитаминоз. А в выходные ездили к Прохоровой Ленке на дачу, огород вскопали: она живет вдвоем с матерью-инвалидом. Короче, какова нужда, таковы дела. Отец повадился в недежурные дни в школу заглядывать: то мы с ним в мастерской вешалку для домашней прихожей делаем, то он с будущими врачами разбирается, как спасти себя от себя, если что-нибудь не то съешь или сломаешь.

А потом пошли дела покруче: летом - посадка экзотики в сафари-парке, зимой - эксперименты в оранжерее. К тому же то электроники за помощью обратятся (оборудуют соседний детдом селекторной связью), то от-кутюрщицы: топ-моделей им не хватает, а там то распороть, то прострочить. Не по профилю, но тут принято помогать друг другу.

А самое главное - что все эти затеи настоящие. Пустыни и джунгли мы не трогаем, но парк всамделишный, электроника тоже, модели участвовали в региональном конкурсе (взрослому, естественно), и на них пошли заказы. Кто хочет заработать для себя и помочь школе, в свободное время строчит или паяет. И археологи из музея приезжают... не к директору школы, а к дежурному председателю ее Совета (как раз сейчас семиклассник) и на равных договариваются об участии в раскопках.

Короче, наступил момент, когда дела стали "наезжать" на уроки. Правда, выяснилось, что при травлении печатных плат происходит реакция обмена, которую мы потом будем проходить по химии, а для расчета фрагмента электронной схемы необходимо поставить эксперимент, который (это мы узнаем попозже) уже ставил некто Ом, открывший в результате закон для участка цепи. И получилось, что уроков вроде бы и мало, а учеба как-то сама собой происходит. Более того, чтобы сделать дело (а дела у нас пошли весьма и весьма непростые, требующие квалификации профессионала), приходится самому просить, теревить, напоминать, чтобы тебя научили, или рассказали, или хоть сказали, где нужная информация лежит и как называется.

И потом, в процессе обзорной лекции, оказывается, что почти все мы уже знаем и уроков на заполнение "белых пятен" требуется немного. При этом у каждого из нас есть свой годовой учебный план, и мы за ним следим, иначе можно "пролететь" мимо самых интересных дел, куда-то не попасть.

А какие будут дела, какие когда уроки, кто куда попадет, решаем мы сами. Не "от фонаря", конечно, а договариваясь с нужными учителями. А с ненужными - не договариваясь. Правда, тогда учитель может не получить соответствующего кусочка моего учебного ваучера и остаться без зарплаты. Что ему делать, как тот израильтянин? Вовсе нет: надо мной же "висит" мой учебный план; на меня надеются друзья, которых я могу подвести, не попав из-за плохой учебы в экспедицию, рабочую бригаду или состав участника проекта. А контроль все компьютерный, не спишишь, не подкупишь. И не "хакнешь": поймают - вылетит быстрее воробья. А что же - тот учитель, которого "никто замуж не берет"? Наверное, толку от него как от учителя немного. Придется заняться чем-нибудь попроще. Не похоже ли это все на жизнь? Не рынок ли это? А "пуркуа бы и не па", как говорят французы?

Действительно, пожалуй, самое интересное в этой школе - ее учитель. Такое впечатление, что он появляется только, когда нужен. Классный руководитель (он же Мастер) сидит себе в уголке, что-то изображает. Или лежит на столе записка, где его искать. Какие-то вещи он знает и умеет делать просто классно, однако чаще говорит, что "не копенгаген". Но всегда знает или узнает, кто может помочь. Знает, как все организовать, достать оборудование... (Кстати, половина того, на чем мы работаем, - наши самоделки. Потому все дешево и ничего не ломается.) При этом сам Мастер почти ничего делать не будет, но вдохновит. Вообще же он похож на лейтенанта Коломбо: шашкой не машет, глазами не вращает, нас не обольщает. Но мы ему верим: он никогда не врет. Мы его уважаем: он знает живую жизнь, он классный спец и мог бы зарабатывать гораздо больше. Мы ему благодарны: ему есть дело до каждого из нас, до всех наших заморочек, из-за которых он, оказывается, иногда ночью не может заснуть. Мы его негромко и тайно любим: он живой человек.

И я начинаю чувствовать себя человеком. И утром просыпаюсь оттого, что хочу в школу! |

**РОЛЬ АННЫ П.
В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ ЭПОХИ
ПОСТМОДЕРНИЗМА***Владимир Петрушов**– художник, писатель, постоянный автор нашего журнала*

Недавно мне рассказали о существовании такого психологического теста: нужно вспомнить пять радостных моментов в жизни, связанных с вашим ребенком, а потом вспомнить пять радостных моментов своего собственного детства. В чем смысл этого теста, что он определяет, мне сказать забыли, а расспрашивать было как-то неловко. Пять (на самом деле значительно больше) радостных минут, иногда часов и дней – причиной, поводом и героем которых была моя дочь, я отыскал быстро и легко. А из своего детства удалось с трудом выудить несколько кусочков в лучшем случае умиротворенного счастья, овсянного легкой грустью... Но никак не бурной радости. Вот что странно: теперь мне абсолютно неинтересен вывод, который бы сделали психологи на основании этих моих изысканий. Может быть, у меня было трудное детство или я неправильно отношусь к дочке. Получилось так, что в результате я вбил себе в голову, что дети дают своим родителям значительно больше, чем родители им. Ведь мои, в сущности, очень неплохие мама и папа смогли подарить мне только ощущение тепла и покоя, а настоящей радостью поделилась маленькая Анька.

Занимаясь в юности историей, натолкнулся на чью-то теорию, что время течет не однонаправленно. Может быть, так оно и есть? Мы передаем детям дремучий опыт выживания цивилизации и культуры, а они нам дают возможность погреться в лучах не известного им самим будущего... Но радость радостью, а есть вещи и посерьезнее.

Аньке было года три. Мы ходили весной по берегу канала, дочка собирала камешки и отдавала их мне. Я добросовестно складывал камни в карман черного финского плаща. А в кармане черного финского плаща была небольшая дырка. Ключи в эту дырку провалиться не могли (проваливались, но не до конца), мелких металлических денег, кажется, в то время не было, а может быть, просто, их не было у меня. Так или иначе к дыре я относился философски, мы жили, не мешая друг другу, но камни из коллекции моей дочери иногда падали за шелковую подкладку. Извлечь камни оттуда было практически невозможно. Так и ходил, ощущая их легкие удары ниже коленки.

В то время я был занят рисованием большой картины. Это была яркая, полупримитивистская вещь: ребенок (девочка) сидела на корточках, как в песочнице, в разрушенной старой крепости, и стены не доходили ей до щиколоток. На крепостной башне сидели две толстые парки или мойры и пряли, и ткали из своей пряжи платье этой девочки. Платье начиналось красивой желтой каймой, на которой пещерные силуэты кроманьонцев сменялись боролатыми ассирийцами с копьями и луками, те в свою очередь уступали место грекам и римлянам. На травянистом зеленом подоле рыцари с разноцветными флажками на пиках сражались между собой. По короткому рукаву платья в зеленых волнах плыл парусный испанский корабль с красным якорем, возле мачты кружили белые чайки. А из-под ворота из синего летнего неба падал сбитый четырехмоторный советский ТБ-3, оставляя за собой след черного дыма и алого пламени.

На раскрытой ладони девочки лежал несчастный Димитрий с ножиком в груди, а рядом, растопырив руки в стороны стоял Борис Годунов. Девочка смотрела на Димитрия с печалью и удивлением, а Пушкин, ловко обхватив руками и ногами стебель огромного лотоса, злорадно поглядывал на царя Бориса. Вокруг солнца в правом углу картины в стае ласточек кружил Моцарт в красном камзоле, белом парике и со скрипкой. На голове ребенка среди цветущего луга паслись единорог и медведь с голубем на спине. Картина была еще та.

Нервная усталость давала о себе знать. У меня не получалось уху главной героини. Пришлось заставить Аньку просидеть несколько минут неподвижно. Я срисовал узор её уха.

Записи тех лет, которые я вел для себя, выглядели почти как “Жизнь господина де Мольера” Булгакова:

“...картина не дорисована, красить ещё недели две. Дня четыре будет сохнуть краска. Осталось пять долларов”. Далее перечисление постоянно меняющихся цен на молоко, хлеб, сыр. “Надо получить талоны на сахар”. “Чтобы сделать зелень темной елки, надо к окиси хрома добавить светлую охру, ультрамарин и немного английской или индийской красной”. “Приезжал брат, привез с дачи мешок картошки”. “Вчера продал “Платье для праздника” за 100\$”.

Торговля картинами происходила рядом с метро “Октябрьская”. Среди уличных художников у меня был друг. Звали его Габриэль. Это был сильно загоревший от постоянного пребывания на свежем воздухе, немного сдвинутый армянский человек лет сорока. Милиция несчетное количество раз пыталась его поймать. Непонятно как, но Габриэлю с его внешностью удавалось от милиции всякий раз удирать. У него не просто не было прописки. У него не было паспорта. Габриэль не унывал, снимал комнату в Лаврушинском переулке практически даром. Изредка курил анашу или “Смерть под парусом”, что еще хуже. Рисовал. Про себя он говорил: “У них – он поднимал указательный палец вверх – я считаюсь Бэлым Всадником”. Белый Всадник не платил квартирным хозяевам, жил в долг, потом его выгоняли. С трудом устраивался на новом месте. Пару раз я привозил ему картошку (которую, как известно, давал мне брат). В его комнате к стене был прибит кусок холста. На холсте изображалась девица в бархатном берете, с плохой грудью и в трусах. Трусы были едва ли не розовые. Девка была дрянная, но за её спиной открывалось такое ночное небо или ковер, понять невозможно... и самое странное, и девица, и небо, и даже эти розовые трусы вместе составляли что-то такое, что совсем нельзя рассказать словами. Это была картина.

Как-то в начале осени я встретил Габриэля на улице. Он был в летней рубашке. Уже начинались холода. “Такую погоду, – говорил он, – сделали богатые, чтобы у них была возможность показать свои пальто и куртки”. Я подарил ему потертый, кое-где чуть-чуть заляпанный масляной краской плащ, с камешками. Он был благодарен, но без излишеств. Говорил, что в каждой капле краски должен содержаться законченный сюжет, показывал картину с ангелом. Каждый мазок на его крыльях содержал в себе или травинку, или зверя, или человечка. Тогда я почувствовал, что Габриэль болен.

Еще через некоторое время он очутился в заброшенном доме в Банном переулке, где жила колония людей, считавших себя художниками. Я приезжал к нему, помогал уладить какой-то ментовский конфликт. Габриэль был нетрезвый и уставший. Говорил, что хорошо бы наконец пришел Ангел, такой большой, что ступни его оказались бы на разных концах Москвы. Он встал бы с мечом в руках и сказал: вот, ты хороший, иди ко мне и будь со мной. А вы – Габриэль делал страшные глаза, – вы были злые, не хочу вас видеть. Армянский акцент придавал его словам внезапный буквальный смысл и красоту.

После этой встречи он исчез... Прошло много лет. Недавно мне сказали, что видели сумасшедшего художника, похожего на Габриэля, в “Детском мире”. Он сидел в закуской и делал вид, что рисует портреты посетителей кетчупом на салфетках.

Не хочу вдаваться в диагностику, но думаю, что в те времена, доведенный до отчаяния постоянным безденежьем, бедами и бесконечным поиском гармонии, я тоже был очень недалек от сумасшествия. Но я знал, что это за камни в плаще, а Габриэль – нет. У меня в картине было Анькино ухо. Я не мог всерьез рассуждать о филоновской эстетике живописи. Я мог рассуждать только об эстетике Анькиного уха. Это меня спасло.

Пришли другие времена. Дочке 15 лет. Она строит вокруг себя оборонительные сооружения. Она отстаивает свою независимость и право на отдельность. Контакт теряется. Чтобы быть услышанным, надо уложиться в три предложения. Если за ужином успеваешь сказать два поясняющих слова к тексту песен Гребенщикова, это уже лекция по культурологии. Если успеваешь обозвать при ребенке неприличным словом какого-нибудь подонка – это урок нравственного воспитания. Мы мало общаемся. И, уж во всяком случае, мы не собираем больше камешки вдвоем. Пришли другие времена, но, как и раньше, важно не сойти с ума. Уже по-другому и от другого. И снова, чтобы не спятить, чтобы помочь себе, я буду стараться не потерять того, что связывает меня с дочерью. Потому что дети дают родителям больше, чем родители им. Надо стараться жить. Белый Всадник Габриэль ошибался: ангел не придет к нам, это мы должны идти к нему. И если постукивание камешков под коленкой не чувствуется, значит, шаг наш замедлился. |

**ПОЧЕМУ ОНИ
РАЗГОВАРИВАЮТ
МАТОМ** *сергей степанов*
- психолог, переводчик, журналист.

Матерные слова перестали быть непечатными в буквальном смысле: мало кого удивляет, когда герои современных литературных произведений и кинофильмов не стесняются в выражениях. Российское законодательство предусматривает ответственность за сквернословие в общественных местах и оскорбление словом. Однако юристы затрудняются припомнить, чтобы кто-то был ощутимо наказан за словесную невоздержанность. Сквернословие стало распространенным и будничным: одних оно коробит, другие считают его нормальным, большинство, как говорится, притерпелось.

Как в делах, так и в словах мы проявляем себя по-разному. У одних сквернословие вошло в привычку, и в любой обстановке (даже в семейном кругу) они не могут связать двух слов без того, чтобы не выругаться. Другие обычно ведут себя более

сдержанно, но неизменным атрибутом "чисто мужского" (а все чаще и "чисто женского") разговора считают словцо, с помощью которого подчеркивают доверительный и раскованный характер беседы. Третьи относятся к брани брезгливо - выругаться для них немыслимо. Однако и те, и другие, и третьи единодушно не одобряют детское сквернословие.

А дети? Они неохотно слушают нас, зато охотно нам подражают.

Достаточно пройти пару кварталов, прислушиваясь к разговорам прохожих любого возраста, чтобы убедиться: лексика, прежде считавшаяся ненормативной, сегодня стала нормой общения и звучит постоянно и в любом контексте. Попробуем разобраться в психологических механизмах брани, в тех мотивах, которыми руководствуется человек, используя в речи ненормативную лексику. Ибо, как заметил еще Фрейд, ни одно слово не говорится просто так, а отражает наши глубинные склонности и влечения.

Зигмунду Фрейду принадлежит еще одно наблюдение на эту тему. По его мнению, "человек, который первым вместо камня бросил в своего противника бранное слово, заложил основы нашей цивилизации". То есть словесное оскорбление, ругательство - это символическое замещение физической агрессии, позволяющее разрядить конфликт в бескровной форме. А путь от грубого насилия к словесному выяснению отношений - это и есть путь прогресса цивилизации (пройденный, правда, не до конца).

Разнообразные выражения, призванные умалить достоинства противника (дурак, слабак...), приписать ему недостатки и пороки (урод, подлец...), а также пожелания ему стать жертвой неприятностей, не в последнюю очередь - жертвой насильственного, нежеланного, противостественного полового акта испокон веков используются у всех народов мира. Преобладание в ругательствах сексуальных мотивов вообще свидетельствует о чрезвычайной значимости для человека этой сферы - сексуальные угрозы и обвинения в ненормальности (кровосмешении, извращении, неполноценности) уязвляют сильнее любого другого оскорбления.

Особенность нынешней языковой ситуации в том, что традиционно оскорбительные слова и выражения в современном языке утрачивают свой изначальный смысл и употребляются в широчайшем спектре значений - как лингвистических, так и эмоциональных. Матом теперь не ругаются, матом разговаривают. И если оскорбительное значение мата понять легко, то его более широкая роль в современном языке требует пояснений.

По одной из версий (которая вполне согласуется с идеями Фрейда): ругательство выступает средством разрядки эмоционального напряжения. Для очень многих людей окружающий мир не очень уютен и населяющие его люди не очень дружелюбны. Силясь защититься от угрожающего несовершенства мира и возможной агрессии со стороны ближних, человек отвечает порой превентивно, встречной агрессией. Это позволяет почувствовать себя не жертвой, а активно обороняющейся стороной, и сама способность дать отпор приносит утешение. Так, неловко ударив молотком по пальцу, мы поминаем женщину легкого поведения не потому, что наши мысли в этот момент посвящены продажной любви, а единственно ради того, чтобы дать ответ на вызов недружелюбного мира. (Даже академик Дмитрий Лихачев признавался в частных беседах, что, столкнувшись с несовершенством мира в самой банальной форме, - например, споткнувшись о кочку, - реагирует на это не самыми деликатными словами.)

Оскорбительные слова и выражения по традиции считаются нежелательными, запретными. Но столь же нежелательно для нас покушение на наше благополучие. В нашем мироощущении любое посягательство на наше благо нарушает правильный порядок вещей, и мы соответственно реагируем на него нарушением принятых норм. Око за око!

Если принять эту версию, невольно ужасаешься: каким же несовершенным представляется мир большинству наших сограждан, если они так активно защищаются от него!

Представление о брани как эмоциональной разрядке породило и соответствующие практические рекомендации, причем отнюдь не запретительные. Британский психотерапевт К.Уоллес в результате многолетних наблюдений пришел к выводу: люди, хорошо воспитанные, деликатные, избегающие сквернословия, оказываются более уязвимы для стресса и в результате чаще страдают различными психосоматическими расстройствами. Доктор Уоллес советует: во избежание нервно-психического перенапряжения ежедневно уединяться (приличия все-таки следует соблюдать!) и давать волю своим чувствам в самых непристойных выражениях. При этом Уоллес, однако, указывает, что его совет вряд ли будет полезен тем, кто и так сквернословит по многу раз на дню, - им "психотерапевтическая" разрядка практически ничего не прибавит.

Так что совет английского психотерапевта, пускай и не бесспорный, подходит немногим. Для остальных брань давно не может выступить лекарством ввиду ее обыденности и привычности. И вызвано это также весьма определенными психологическими причинами. Чтобы в них разобраться, попробуем понять, зачем человек впервые произносит запретные слова.

Большинство взрослых - по крайней мере те, кто еще не опустил окончательно, - сходятся в едином мнении: нецензурные слова - это "взрослая" лексика, и ребенку не позволительно их употреблять ни в коем случае. Если же из детских уст вылетает запретное слово, немедленно следует резкая отрицательная реакция: мы стремимся пресечь и наказать подобную распушенность. Но маленькому ребенку наша реакция не очень понятна. В первые годы жизни он, существо поначалу бессловесное, стремительно овладевает родным языком. Все слова для него - новые. И он активно, как губка, впитывает их и усваивает, с каждым днем обогащая свой словарный запас. Ребенок прислушивается к речи окружающих, улавливает незнакомые слова, как бы пробует их на вкус. Причем малыш слышит не только те слова, с которыми обращаются к нему родители и которыми они обмениваются между собой, но и те, что на улице бормочет неприятный красноносый дядя с нетвердой походкой. Маленький ребенок еще не может понять, почему одни слова хуже, чем другие. Для него все они интересны и достойны внимания.

Когда малыш в первый раз произносит нецензурное слово, оно в его устах вполне невинно. Для него это еще одно усвоенное слово, почти ничем не отличающееся от всех прочих. "Почти" касается того, что смысл практически любого слова ребенку ясен, а вот смысл ругательства он еще постичь не в состоянии. Он лишь смутно ощущает, что такими словами в речь вносится сильный эмоциональный акцент.

Родительский гнев возникшей проблемы не решает, а только усугубляет ее. В сознании ребенка непечатное слово обретает еще более сильную эмоциональную окраску. Не в силах понять причину строгого запрета, малыш может попытаться использовать запретный плод как символ своей независимости: "Если кому-то можно так говорить, то, значит, можно и мне." И запретное слово начинает мелькать в его речи, становясь от многократного употребления привычным.

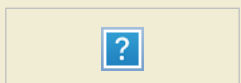
По мере взросления проблема становится все более серьезной. Нецензурная лексика приобретает роль важного символа зрелости и независимости. Подросток быстро усваивает: если мат - лексика старших, запретная для ребенка, то приобщиться к вождьленному взрослому миру можно, нарушив это табу. Тем более что дело-то нехитрое! Понадобятся еще долгие годы, чтобы делами доказать свою личностную автономию и состоятельность. А вот затануться сигаретой, лихо сплунуть на пол или грязно выругаться можно хоть сию минуту!

Немаловажно и то, что сквернословие стало общепринятым, и отказаться от него во многих случаях означает противопоставить себя тому кругу, к которому хотелось бы или приходится принадлежать. Иной подросток начинает материться в кругу товарищей, дабы просто не оказаться белой вороной, не прослыть "ботаником" и маменькиным сыночком. И с возрастом эта проблема лишь усугубляется - круг культурных людей, избегающих сквернословия, ныне настолько узок, что вращаться в основном приходится за его пределами.

А взрослые? Не в том ли состоит проблема, что для очень многих из нас задача личностного самоопределения так и осталась нерешенной, и самоутверждаться приходится инфантильным подростковым способом? Впрочем, иной может и вполне состояться как личность, добиться в жизни многого, однако с юных лет усвоенная привычка уже вошла в кровь, и отказаться от нее очень не просто. Так, начав в подростковом возрасте курить, многие потом и хотели бы бросить, да уже не могут.

К тому же не следует преувеличивать интеллектуальный уровень среднестатистического обывателя, для которого даже внятно выразить свою мысль - проблема, а является своего рода междометием, заполняющим неизбежные пустоты в убогой речи. Из-за бедного словарного запаса затруднительно подобрать подходящие слова. Тогда на помощь приходят слова-"джокеры". Ими легко заменить почти любое слово родного языка и вызвать у собеседника более или менее адекватную ассоциацию. И если в массовом масштабе эта тенденция сохранится, мы постепенно сползем на интеллектуальный уровень пещерного дикаря, изъясняющегося десятком универсальных речевых символов.

Решение проблемы сложное и требует множества шагов в разных направлениях. Но один из них - пожалуй, наиболее важный - видится в том, чтобы убедительным позитивным примером иллюстрировать детям, дабы достойные люди - вышние поколения - сохранялись вредная иллюзия, будто мата избегают лишь импотентные яйцеголовые очкарики, а сильные, серьезные, деловитые люди не должны стесняться "называть вещи своими именами", - до той поры мы будем без стеснения посылать друг друга "куда подалее". А вот когда те, с кого большинству и в самом деле хотелось бы брать пример, будут разговаривать иначе, мат постепенно вернется туда, откуда пришел, - в лексикон подзаборного сброда. Тем более, что любую мысль или эмоцию можно гораздо более сильно и хлестко выразить в деликатной форме. |

ВСЕГО ЛИШЬ СЛОВА

светлана кривцова

- мама семилетней дочери Василисы - кандидат психологических наук, научный руководитель центра социально-психологической адаптации детей и подростков "Генезис".

Бывает, что он выводит из себя, особенно раздражает. Однако, послушав Децла или "Руки вверх" в исполнении собственного ребенка или ученика или обнаружив новое веяние в молодежной моде, чувствуешь, что сама готова к употреблению ненормативной лексики...

Специально не занимаясь психолингвистикой, я могу лишь предложить несколько замечаний о том, почему сегодня так многие разговаривают матом. Уверенно про мат можно сказать две вещи - это что-то про секс и это плохое поведение. Причем у мата нет какой-то особенной природы, отличной от природы любого другого "плохого" поведения. Невежливое, грубое обращение к старшим и ровесникам, сленг, неуместный, к примеру, на уроке, так же, как и вандализм - порча чужих вещей, оскорбление и драки, воровство и курение, - все это "детали" плохого поведения, которое запрещено и не приветствуется нормами общественной морали и общепринятым негласным общественным соглашением. За такое поведение могут пригрозить выгнать из школы или даже отправить в милицию. Но как усваивает эти нормы ребенок? Каким образом дошкольник понимает, что хорошо, а что плохо, что можно делать при гостях, а чего нет.

Американский психолог **Альберт Бандура** доказывал, что нормы морали дети усваивают путем подражания. Они видят не только, что именно можно делать в той или иной ситуации, но и каковы последствия того или иного поведения. Именно так, через подражание, внешние нормы становятся внутренними.

Действительно, научение, тот самый условный рефлекс, о котором бихевиористы узнали из работ Ивана Петровича Павлова, великая сила. Крепость условного рефлекса зависит от числа повторений и силы эмоционального подкрепления. Для многих детей матерные слова и выражения так же привычны и естественны, как для других "Спасибо!" и "Извините!". Я имею в виду детей, учеников, которые еще не достигли возраста, в котором необходимо иметь позицию, и их пересыпанная матом речь не связана с их позицией. Она - результат простого автоматизма, появившегося путем простых повторений, и подкрепляемого ухмылкой старшего брата, одобрителем взглядом отца. Из-за глубоко укоренившейся привычности, обыденности такие дети не могут прекратить материться. Представьте, что в некоем сумасшедшем эксперименте вам бы пришлось платить штраф за каждое "Спасибо"...

Плохое поведение имеет различные причины. Одно и то же действие может иметь причины совершенно разные. В школе **Альфреда Адлера** и его учеников **Рудольф Дрейкурс** создал типологию мотивов плохого поведения. Он выделил четыре основных мотива: привлечение внимания, власть, месть, избегание неудачи (точнее, страх перед чем-то).

Привлечение внимания - это наиболее хороший из плохих мотивов. Как правило, в рамках этого мотива вопиющие вещи становятся поводом для разговора о заинтересовавшем предмете. В самом деле, что это такое: таинственное и загадочное, о чем нельзя говорить при взрослых, и что наделяет меня авторитетом в глазах одноклассников? Надо поговорить об этом с мамой: "Мама, а Серега сказал, что Тема пидыр..., - говорит дочка-первоклассница. Я молчу, потому что от неожиданности не знаю, что сказать. - Нет, точно он пидыр, представляешь, он вообще ненормальный, камнями бросается!".

С детьми проблема ненормативная лексика накрепко связана тесными узами сексуальной тематики - пубертат все-таки. Для них мат прежде всего просто эмоциональная разрядка вызванного гормонами напряжения, это все равно, что расчесывать заживающую уже ранку: болезненно и сладко. Когда весь класс гудит от невыраженной энергии, это также мотив привлечения внимания.

Есть несколько стратегий работы с привлекающим внимание поведением, и наиболее эффективная из них - сделать запретный плод разрешенным.

Парадоксальная "инструкция" - лучший прием в этом деле: то, что делать было запрещено, теперь делать нужно обязательно. Я знаю учителя, который практикует технику исписанных матерными словами тетрадок и наговоренных часовых аудиокассет в качестве домашнего задания для тех учеников, которые не могут ограничить свои нелитературные пассажи. Важно отметить, что все тексты по этой методике - и письменные и устные - создаются в одиночестве, без зрителей. "Выпускание газов", так называет эту, возможно, не самую бесспорную технику сам педагог. Говорит, помогает, как ничто другое.

Власть, или поведение, за которым: "Ты мне ничего не сделаешь", - второй мотив плохого поведения. В этих случаях ученику главное - спровоцировать учителя, предложить ему померяться силами, почувствовать, где предел, дальше которого нельзя, и не важно, как он это делает: матом или как-то иначе. Эта мотивация чрезвычайно распространена, и ее причины - безнаказанность, которая имеет место во многих современных школах, когда учитель фактически оказывается героем, лишенным тыловых подкреплений. Он вынужден принимать вызов под наблюдением тридцати пар глаз, иначе потеряет авторитет в этом классе. Но вместе с тем ему действительно некуда отступать, потому что устройство школьной жизни в России таково, что все это - как бы его личное дело. Ситуация брошенности собственными коллегами и руководителям, собственной школой больно ранит каждого учителя, побывавшего в таких передрягах.

Тема мата - это прежде всего тема сексуальности, то есть тема самой интимной сферы человеческих отношений с миром. Поэтому так затрагивает, задевает, даже если учитель не подает виду. Темы сексуальности в средних классах школы избежать невозможно, она повсюду. Невозможно давать тему "Многочлены", - нездоровое оживление в классе, практически в любом классе. Почему? Да уж больно похоже на все то, что нарывает неудовлетворенную потребность - разоблачить, почувствовать, вынести решение, отнестись, перестать бояться. Страшно и интересно одновременно, восторг вперемешку с ужасом, а тут, как будто издеваясь, по сто раз за урок "многочлен" да "многочлен"... "У тебя с головкой сегодня что-то не в порядке", - говорит учительница, по возрасту бабушка, ученикам. "С головкой? Вы имеете в виду голову?" В классе: гы-гы-гы. Для тех, кто понял, большое развлечение. Эта тема очень ранит их, поэтому она не может быть безразличной. А мат - это язык даже в меньшей степени ранящий, чем грязные шутки.

В американских школах существуют отработанные методики того, как поступать, когда шутки озвучены: Narragament. В методиках все очень разумно, сначала предупреди, что тебе это не нравится, и попроси больше никогда этого не делать. Затем, если не помогает, предупреди в последний раз с напоминанием, чем это может закончиться. И, наконец, пиши заявление, желательно с приложением "вещдоков" (пошлых записочек и рисунков) в соответствующую школьную или местную инстанцию. При этом все уверены, что ни один из подобных случаев не останется без внимания, потому что у американских педагогов есть хороший тыл - правила школы, которые абсолютно подкреплены правилами социума: общины городка, где находится школа, принципами образовательных учреждений, наконец, федеральными и местными законами.

Всего этого нет у нас, поэтому спасение становится делом собственных рук утопающего. И каждый из них проявляет себя ярко и... соответственно себе. Многие педагоги полагают, что, зацикливаясь на проблеме, они имеют право на любые средства. Одним из таких, на мой взгляд, недостойных и бесперспективных воспитательных стратегий отражения удара является попытка использовать свой собственный опыт половой жизни. У учительницы он явно побольше, чем у не в меру острого на язык девятиклассника, и об этом она ему с готовностью сообщает. В ответ на его: "Иди ты на..." она заявляет: "А ты знаешь, я там была, и не раз, а вот ты, я вижу, все больше в теории силен". Класс смеется, но потом возникает какой-то неприятный привкус, как будто взрослый перешел запретную черту.

Что же делать с теми, кто просто проверяет прочность правил и принципов урока?

"Ты пытаешься сейчас заставить меня рассердиться? У тебя это не получится. Я сама принимаю решение о том, когда мне сердиться, а когда просто пожалеть ученика, который об этом не знает".

"Если я правильно понимаю, тебя интересует сексуальная сторона человеческой жизни, и ты хотел бы со мной обсудить ее? Если тебе удобно, после трех я готова встретиться с тобой в этом же кабинете?" (При этом магической силой обладает записная книжка, хорошо известная ученикам, в ней - расписание встреч на день). Если намерения серьезные, он дождется. Во всяком случае, времени на такие твердые и вполне корректные ответы много не тратится, а урок продолжится.

В третьем случае - когда мотивом является **месть**, мы имеем дело с израненной и очень низкой самооценкой. Страх быть обиженным и сама готовность обижаться так велики (легко ранимый, обидчивый человек), что ученик, опережая, обижает всех подряд, рняя как можно больше. Он как бы мстит, выбирая в качестве мишени свои собственные обидчиков, а тех, кого он боится меньше других. Так под огонь несправедливых и очень болезненных ударов попадают как раз самые сердечные и мягкие педагоги, может быть, последние взрослые, которые еще жалеют такого ученика.

Мат в таких взаимоотношениях используется как ни странно нередко, ибо он, как ни посмотри, всегда лишь - слова. У мстителей в ход идут более серьезные виды плохого поведения. Одна из учительниц показала мне свои очки с отломанными ушками и сказала - это четырнадцать за три последних года. Когда эта эпидемия закончится, и этот неизвестный мститель наконец уйдет из школы, я смогу хотя бы предположить, из какой он параллели или класса. "Мститель" использует мат (причем совершенно бессознательно) лишь в том случае, когда он точно знает, что непереносимо для него является слабым местом, ахиллесовой пятой педагога. Если вы произносите проповеди о красоте русского языка, если с пафосом говорите о недопустимости мата в вашем присутствии - приготовьтесь увидеть и услышать этого "веселого барабанщика".

Наконец, **страх неудачи** - еще один мотив плохого поведения ребенка, который, будучи сильно напуганным, уже плохо понимает, что говорит и делает. Он может выбрать из двух зол: послать тупым (это сейчас, через пару минут, поймут все в классе, если он выйдет к доске) или послать хулиганом. Это произойдет, если он выкрикнет в отчаянии, куда он вас хотел бы направить сейчас. Выбор есть всегда. Кстати, уважаемый читатель, что бы вы сами предпочли: послать тупым или хулиганом?

И еще несколько слов про ЭТО. Сексуальная символика и мат, как часть семантического поля сексуальности с ее запретно-загадочно-пугающим ароматом, никуда не денутся из жизни школы до тех пор, пока у нас не перестанут давать образование людям, которые вынуждены перепахивать на ногах эту страшную эпидемию - пубертат. Болеют они без всякой врачебной и психологической помощи, лечась домашними, а вернее, дворовыми средствами. Попытки как-то организовать вспомоществование этим болеющим со стороны государства, как известно, в нашей стране провалились. Думское ханжество легко победило здравый смысл. То, что элементарный ликбез и в этой области проводится в литературе, начиная с Веночки Ерофеева, его однофамильца, Юза Алешковского и заканчивая В.Сорокиным, любают и покупают с удовольствием.

В других странах проблему "школьного" сквернословия решают по-разному. В некоторых школах Великобритании уже в пятом классе десятилетним детям просто, битым слогом, разъясняют, что именно и почему делают каждый из матерных выражений. Делается это для того, чтобы дети поняли, зачем других так обижают их ругая.

На мой взгляд, первыми курсами повышения квалификации педагогов должны стать курсы по теме: "Я и Деньги" и "Я и Секс". Две эти темы по статистике наиболее интересуют детей, и именно они должны быть точно и ясно позиционированы со стороны учителей. Их этический и социальный смысл должны быть понятины учащимся, ясность его позиции и приведет к тому, что эти темы перестанут быть провокационными.

Перечень простых истин: секс может быть всем, чем угодно, в том числе и насилием. Секс в любовном партнерстве - прекрасен. Секс без обязательств - самый легкий способ ранить себя и другого. До настоящего секса нужно достичь, того факта, что появилось либидо, явно не достаточно. Человек охраняет зону интимного, ибо имеет на это право. Мои сексуальные отношения - это мое личное дело, и вас оно не касается. Также детей не касается сексуальная жизнь их родителей, даже приносящая много вреда воспитательному процессу. То, чему придется научиться детям или вашим ученикам, чтобы иметь шанс встретиться наступающую любовь и иметь впечатляющий незабываемый сексуальный опыт, - это устанавливать близость с другими не только в любви, но и в дружбе, в налаживании и сохранении любых отношений. Сердце тренировать тем труднее, чем больше опыт случайных сексуальных контактов. Так возникает простой парадокс: чем больше секса, тем меньше шансов на достижение способностей вступать в интимную близость. Любой учитель литературы найдет немало примеров этому на своем материале.

Другой аспект сексуальной тематики - отстаивание того, куда я не собираюсь никого впускать. Отстаивание собственного. Граница, за которую даже друг не может перейти, пусть у него место?). Следовательно, мат и сексуальные провокации - это атаки на границы моего Я. Тогда делом чести становится отстаивание этих границ. По-другому, чувствительность к границе своего Я и позицию, которая требует отстаивания, твердости в этом - называют достоинством.

В современной психологии личности есть две методологии, касающиеся отношения к чувствам человека. Первая, назовем ее конструктивистской, предполагает, что от того, что человек задумает, зависит то, какие чувства он испытает. Человек - властитель собственного эмоционального мира. Можно сделать так, что ты будешь чувствовать то, что хочешь, чувство того, чего не хочешь, сделать гласит этот подход. В его рамках психологами выработано множество приемов защиты от агрессии и мата как одной из ее форм. Вот, например, подросток или ваш ученик ругается. Что происходит на самом деле? Давая вам определения, отправляя вас куда-то, сообщая о своих намерениях в отношении вас или вашей мамы, он грозит сделать то, чего сделать не сможет, говорит о том, что не является истинным, не так ли? В таком случае, этот человек - неудачник, а слова его подобны клубам пыли и мусора, поднимаемых ветром. Они не имеют веса. На физическом уровне это всего лишь колебательные движения, или попросту сотрясение воздуха. Так к ним и следует относиться.

С этой точки зрения мат гораздо более слабая форма нарушения поведения, чем, предположим, воровство или вандализм. Мат легко игнорировать, он перестает задевать. Мой опыт показывает, что учителя с удовольствием участвуют в тренингах в рамках этого подхода, потому что он дает им больше свободы, и страх быстро уходит. Слабость этого подхода - в связывании нормативного.

Второй подход в связывании персонологическими подходами в психологии личности. Он строится на убеждении, что в каждом человеке есть загадочная, неопределимая по определению, интимная и защищенная всегда мудрая часть, голос которой при усилии может расслышать каждый. Социальный аспект этой части личности определяется как советский, но природа ее надличностная, так что можно сказать: есть общий порядок вещей, который могут чудоватно принимать, так что можно сказать: есть общий порядок вещей, который могут чудоватно принимать люди, открывающие свое сердце. И в этой неординарке, в этой организованной в древнейший и могучий порядок человечности мы живем. И вот в этом духовном (не обязательно божественном, но духовном) порядке мату нет места. Он ранит, он воспринимается как плохое, и это знает каждый маленький худител, чья задача еще не откатывалась стоять за себя, и эта знает каждый маленький худител, против своих собственных привычек и страхов. И эту душу, которая стоит за себя из последних сил, может увидеть другая душа - взрослого, и эта встреча, когда лучшее, персональное, духовное и правильное во мне говорит с лучшим в тебе, эта встреча предполагает, что за твоим сквернословием я вижу попытку любыми средствами отстоять себя, свое право на интимность, свое право быть сама собой. Когда же я это вижу, я обращаю к праву ребенка и не произношу речей типа: "Ты как разговариваешь со взрослым!" И тогда я знаю, что делать. |

**КОГДА НИЗ
СТАНОВИТСЯ
ВЕРХОМ***маргарита жамкочьян**- научный редактор нашего журнала, профессиональный психотерапевт, переводчик.*

Итак, матерный язык перестал быть непечатным, а сквернословие стало приравниваться к просто плохому поведению детей. Уже этого было бы достаточно, чтобы говорить о социальной эволюции, которую на наших глазах претерпевает мат. Но есть и еще более значительные симптомы, которые вызывают интерес у филологов и социальных психологов.

Первый - это исчезновение границ между группами, говорящими между собой на тайном, запретном для других языке. Некогда мат был тайным языком мужчин, который не употреблялся при женщинах и детях. Сами мужчины неодобрительно относились к нарушению этого табу. А женщины делились на тех, при ком можно, а при ком нельзя. Последние считались порядочными. Шло время, и тайный язык понемногу и потихоньку осваивался женщинами, как и все сугубо мужские профессии и развлечения. Но и здесь охранялись границы от детей и мужчин. Да, мужчинам не надо было знать, что женщины могут знать, понимать и говорить на их тайном языке. Но сами дамы не стеснялись друг друга. Ныне филологи отмечают следующий примечательный факт - границы табуирования исчезают. Мужчины больше не оберегают женщин, женщины не стесняются употреблять мат при мужчинах и что еще существеннее - при детях.

Можно сказать, что мы имеем дело с определенной эволюцией общества: мат перестал быть тайным языком посвященных, даже для тех, кто на нем не говорит. Все равно считается, что все (кроме малых детей) знают значения слов этого языка. Утратил ли он при этом свою оскорбительность и выраженное в нем насилие? Действительно ли можно теперь приравнять этот могучий в своей выразительности и краткости язык к детской шалости и плохому поведению или еще к одной интерпретации - хулиганству.

Мат - это не просто набор плохих слов, которые не принято произносить в приличном обществе, иначе к мату пришлось бы относить такие слова, как шлюха, задница и разнообразные многочлены. Точно так же наивно думать, что матерные слова, вырывающиеся у людей, не склонных к сквернословью, к коим я отношу себя, стоит им споткнуться в неожиданном месте, характеризуют их потребность обороняться от внешнего мира. Потому что тогда пришлось бы объяснять, почему помянуть леди легкого поведения все на матерном языке приносит утешение, а та же леди по имени шлюха для этого дела совершенно непригодна. А, объяснив, мы бы поняли, что матерный язык способен обороняться не против враждебного мира, с которым мы не можем справиться, а против высших сил, которые призваны за этим миром приглядывать.

Мат - язык сакральный, и если хотите - богохульный. И употребление его в присутствии людей посторонних, непосвященных - это кощунство, вызывающее растерянность и даже священный трепет, поскольку здесь перейдены границы посвящения. Не случайно автоматически срабатывает реакция запрета - "Изыди, Сатана!" Не случайно и люди, действительно не употребляющие в быту сквернословия, споткнувшись о кочку, скажут: "Черт!", и будут посылать при случае именно туда - в преисподнюю, к Дьяволу, Черту и прочему Низу мирового устройства. Ибо Бог на Верху, а все протестующее и злобствующее против него - внизу.

То же устройство проходит и через человека, у которого есть четко выраженный Верх - его разум, его мечты, его чистые помыслы и устремления, и четко выраженный анатомически Низ - все, что связано с грязными выделениями, которые принято скрывать от посторонних глаз, нечистыми побуждениями-желаниями, которые долго остаются под тотальным запретом, даже от самого себя. Объединившись вместе, религиозное и человеческое способны по возможности отрицать нижнюю плоть, как это было в средние века, скрыв ее под одеждой так, чтобы о ней нельзя было даже догадаться - в выстроенном общественном порядке, конечно, ведь природу еще никому не удавалось отменить. Но именно в средние века площадное искусство, скоморошество достигли своего расцвета, где нарочитое оскорбление - "осквернение" "чистой" публики публичным обнажением "запретных" мест и сквернословием стало необходимой частью общественного и личного устройства. Культура разделилась на культуру Верха и Низа, и одно без другого не могло существовать. (Кстати, Возрождение начинается с Рабле и раблезианства, с восстановления в правах Брюха и Зада.)

А теперь вспомним, что "в начале было Слово, и Слово было Бог". С развитием культуры отчетливое разделение на Верх и Низ не могло не выразиться в языке, в создании тайного сакрального языка, доступного только посвященным и противостоящего и насмехающегося над языком божественным. Многие указывают, что окончательно матерный язык оформился именно в раннем Средневековье. Причем интересно, что протестантский Запад сквернословит в основном на счет анатомического зада, а восточно-христианский - в основном на счет гениталий и инцеста. Но все это было в прошлом. Довольно быстро и в обозримом прошлом произошло выравнивание в правах Верха и Низа. Хотя о скорости процесса можно и поспорить, но нельзя отрицать, что мы наблюдаем почти мгновенные, с исторической точки зрения, превращения. Мало того, что пали границы, отделяющие относительно тайное употребление мата между социальными группами мужчин, женщин и детей, оставив лишь риторический вопрос: можно ли материться при маленьких детях, которые теперь одни во всем обществе не понимают значения слов, которые произносят. Пали границы между группами, обозначающими социальную иерархию: матерящийся вполне традиционно низ - люмпены и мужики, и считающаяся элитой общества творческая интеллигенция говорят на одном языке, и этот язык - не литературный.

Уже несколько десятилетий мода на мат, начав с творческой элиты, приближенной к Верхам власти, распространяется в среде интеллигенции, когда-то сыграв всю ту же свою сакральную роль, отделив "посвященных" от "непосвященных" (то есть, входящих во Власть и тех, кто не входит). А уж Власть сохраняла этот язык всегда, начиная с того момента, когда революционно смешала Верх с Низом. "Буря смешала Землю с Небом". Но как только язык взял последние (или предпоследние) границы, выйдя к массовому читателю, он утратил свою сакральность, свое участие в противостоянии к Богу, всему божественному в человеке.

Таким образом, мат входит в нашу повседневную жизнь, как, может быть, входит легкий наркотик в общество, потратившее массу сил и средств на тотальный запрет наркотика вообще. Что же это означает для обыкновенного человека, перешедшего за одну свою жизнь (какая скорость!) из общества тотального запрета в общество вседозволенности? Наверное, ему, как и обществу в целом, надо искать регуляторы внутри себя. И в этом отношении опыт обучения школьных педагогов наводит на очень интересные размышления. Действительно, на дюне таких глубоких социальных перемен школа остается последним оплотом, а может быть, и плацдармом сопротивления. Похоже, что именно там появятся так необходимые обществу реле, которые могли бы контролировать употребления языка. Я имею в виду способы, которые без священного ужаса перед матом, но и избегая низведения до уровня низа (учеников и своего), могли бы признать сам факт существования низового языка и научить детей, где и когда им можно пользоваться, а где - нельзя. И, что немаловажно, какую часть языка может освоить литературный язык, а какую - нет.

Самые великие изобретения, изменившие границы мира, были связаны с изобретением реле - регуляторов. Это прежде всего изобретение паровоза с автоматическим регулятором Уатта и самолет, "придуманный" братьями Райт, которые возложили роль регулятора на человека и на механизм, который должен был выправлять крен самолета. Изобретали и другие, но они надеялись создать нечто, работающее без помех, таких, как меняющееся давление пара в котле или воздействие воздушной среды на движение самолета. Но только тот, кто признал, что помехи неустранимы, надо лишь научиться их регулировать, действительно позволил человечеству сделать шаг вперед, но не в изобретении механизмов, а в способе управления. И теперь тот, кто, признав несовершенство, разработает способ регулирования в обществе, хотя бы на уровне употребления языка или наркотиков, окажет поистине неоценимую услугу человечеству, а человек научится жить в согласии со своим Верхом и своим Низом. |

П Бахтин М. *"Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса"*. - М., 1966.

О Лобок А. *Антология мифа*. - М., Смысл, 1996.

Ч Битов А. *Барак и барокко (Барков и мы)*/Барков И. *Девичья игрушка*. - СПб, 1992.

И Успенский Б.А. *Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии*/Успенский Б.А. *Избранные труды*. - М., 1994. Т. 2.

Т Ахметова Т. В. *Русский мат: Толковый словарь*. - М., 1997.

А Мокиенко В. М. *Словарь русской бранной лексики*. - Берлин, 1995.

Т Плущер-Сарно А. *Большой словарь мата*. - СПб, 2001. Т. 1.

В *Антимир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература*. - М., 1996.

ОРЁЛ ИЛИ РЕШКА

инна кошелева

- по образованию философ, по жизни – литератор. По национальности русская, по автогеографии – израильянка. Пятый год живет в Израиле, где выпустила книжку, печатается в периодических изданиях и даже почему-то вступила в союз писателей. Именно Израиль она любит странную любовью. Если бы еще за год до отъезда ей нагадали резкую перемену участи, не поверила бы. Внешних поводов для отъезда не было. Муж работал, квартиры образовалось даже две, в коммерческом издании вышел роман. Словом, все “как у людей”, и вдруг...

Лет до сорока так называемые судьбоносные решения я принимала, пытаюсь просчитать последствия. То ли потому, что, как Ежи Лец, поняла, “человек в своей жизни может играть лишь небольшой эпизод”, то ли еще по какой причине, от этой вредной привычки отказалась. Случилось это само собой: момент выбора стал как-то ускользать от меня. Экое легкомыслие на старости лет!

Но если вдуматься: мы ведь не можем взвесить и близких последствий поступка, а уж отдаленных... В мире слишком много “действующих лиц” и непредвиденных событий. Вмиг, на наших глазах, рухнула огромная советская империя, которая была для нас символом прочности.

В каждой отдельной жизни житейская истина “человек предполагает, а Бог располагает” куда убедительнее самонадеянного: “как решу, так и будет”.

Об этом знали тысячи лет назад. В Ветхом Завете рассказывается, как в Судный день приносили в храме жертву Создателю. Верховному священнослужителю приводили двух одинаковых белых козлов. Один предназначался Ему, другого надо было отвести в пустыню и бросить со скалы – жертва Азazelло (“для отпущения”, чтобы дьявол отвлекся и не слишком рьяно исполнял на Суде свою роль обвинителя). Ошибиться нельзя: Богу – Богово. И как же жрец, видящий много больше прочих в силу своей святости, выбирал животное для храма? По жребию!

Наш жребий – **интуиция**, с помощью которой мы каким-то непознанным образом всё-таки несём в себе знание о большом мире и о своей судьбе.

Собственно, когда приходит момент решения, всё уже определено предыдущей жизнью. Сложилась система ценностей, подчас мы её не осознаём, но она в нас в “свёрнутом” виде. И несмотря на то, что многие “резкие” поступки со стороны кажутся неожиданными, парадоксальными, странными и даже сумасшедшими, изнутри они вполне логичны. Кто мог понять Ван-Гога, внезапно бросившего место священника, которое досталось ему с таким трудом? И “приличный” родительский дом он оставил, чтобы превратиться в больного бродягу. Кто знал, почему он, никогда не учившийся живописи, в зрелом возрасте вдруг взялся за кисть? Только он сам. Только он, познавший бессилие проповедника перед обществом, в котором бедные умирали от голода, а богатые от обжорства. Только он, ударенный пошлостью внутрисемейных ссор. Только он, испытывавший жажду огненных цветовых решений и увидевший вихри пространства вдоль дорог. Всё это было в нем. И генетическое чувство гармонии было. Всё было и сделало его великим художником.

В таких случаях говорят: человек услышал внутренний голос. Или – голос души. И мне это вовсе не кажется пустой метафорой, знаком несуществующего. Больше того, именно этот голос и должен быть решающим при сложном выборе.

Вслед за Карлом Юнгом, Мерабом Мамардашвили многие современные философы, психологи считают, что душа причастна к абсолютной истине. Принадлежит человеку, она одновременно принадлежит универсуму и может иметь информацию непосредственно от него. Как пишет психолог Владимир Зинченко в своей статье “Воспитание души” (**“Педология/новый век” № 10, 2002 год**), “душа, в отличие от психики и сознания, всечеловечна, внеисторична, если угодно, архитипична”. Она вообще не столько развивается, сколько раскрывается. Иногда мы просто не осознаем этого.

В момент интенсивной работы души (а сильное, “грозовое” решение и есть такая работа) в настоящем присутствуют прошлое и будущее, исчезают пространственные границы. Душа “говорит” нам о том, что “знает” и чего не может знать наш жалкий разум.

Но человек всё же существо разумное по определению. И оставлять выбор, решение в тени подсознания неуютно. Я постоянно возвращаюсь к прошлым решениям. Даже тогда, когда они, безусловно, верны, есть потребность рефлексии. Поступок нужно сверить с собственными ценностями. Если он выходит за привычную нравственную парадигму, возникает потребность осознать, почему я изменилась и в каком направлении. Обычный путь развития предполагает это наблюдение за собой как бы со стороны. К тому же из путаницы чувств, мыслей, событий пытаюсь высветить сам механизм решений, принцип его действия. И вот наступило время, когда возникло желание как-то еще и освоить этот механизм.

Поделюсь своим очень личным, очень субъективным опытом.

Просыпаясь, я прежде всего пытаюсь определить, каким будет грядущий день: удачным, неудачным, стоит ли сегодня браться за сложную работу, звонить по важным, волнующим меня делам. И почти всегда заранее знаю, что из намеченного пойдёт, как по маслу, и где непременно случится “заковык”. Возможно, всему этому можно найти и сугубо рациональные объяснения, но для меня “да” или “нет” – это прежде всего особое, не поддающееся словесному выражению состояние.

Задавать своей душе вопросы еще лучше не прямо, а косвенно. Скажем, у вас проблема: делать хирургическую операцию или пытаться поддерживать здоровье на нынешнем уровне консервативно? Высокие специалисты высказывают точки зрения прямо противоположные. Оба профессора говорят убедительно, доказательно, и это только раскачивает ваше сознание. Что делать? А если слегка отойти от проблемы, на время как бы забыть о ней. А после на новом, спокойном витке снова попыталась получить советы. И не только от спецов, но и просто от родных и знакомых.

Да или нет? Я уже знаю: при каждом “неправильном”, не годном для меня ответе чувствую странный дискомфорт в области солнечного сплетения или чуть ниже,верху живота. Та же “запинка” при обычном карточном пасьянсе, при бросании монеты – “орёл или решка?”. Что бы ни сказали монеты и карты, и даже люди, решу я. И решу, конечно, по-своему, но решу более уверенно, более четко. Потому что, по сути, вопрос обращен был к внутреннему голосу, и он “ответил”.

А что такое молитва перед жизненно важным решением как не просьба о подсказке, о дополнительной информации, которую человек не может добыть обычным логическим действием?

Думаю, способ услышать голос души у каждого свой. Важно, чтобы он был, этот способ. В статье Владимира Зинченко, о которой уже шла речь, говорится о функциональных органах духовного организма, которые возникают при внутреннем, духовном деянии. Чтобы такие органы возникли, нужна тренировка.

Еще совсем недавно, в советское время, “орган решения” не был востребован. Жизнь регламентировалась сверху. Бумаги, приходящие в трудовые коллективы, так и назывались: “решения пленума”, “решения ЦК”, “решения коллегии” и пр. Мол, не извольте беспокоиться, товарищи граждане, вам ни о чем думать не надо, а уж решать – тем более. А при отсутствии частной собственности не нужна была личная инициатива на местах и по локальным повседневным вопросам, всё замыкалось на начальство. Душа, как лодка без мотора, без руля и без весел даже, вяло плыла по воле течения. Причём возможности решать сужались до минимума с первых шагов маленького человечка.

Конец восьмидесятых, уже началась перестройка. Моя старшая внучка Маша по вечерам играла с нами в детский сад.

– Сели на скамеечку! Встали! Хлопнули в ладоши! Пошли вокруг стола! Ты что, не видишь, в какую все идут сторону? (Это деду). За мной!

Обилие странных, безличных команд говорило о многом. В том садике, в котором Машу оставляли по утрам, воспитатели понятия не имели о том, что у малышек могут (и должны быть!) предпочтения, желания, что они могут выбирать свой способ существования в мире и что-то для себя решать в житейской повседневной суете.

Младшая внучка Надя пошла в детский сад в Америке. Более чем скромное детское заведение при университете. Нет даже кроваток, вместо них пенопластовые овальные “матрасики” на полу. Но зато очень много красок и мелков, много звучащих предметов, большие “строительные” кубики, большие “бусы”, которые можно нанизывать на шнур, мозаики. И ребенок сам пробует, и пробует это и решает, чем заняться. Воспитатели лишь наблюдают, иногда помогают в “работе”, если ребенок просит. Не было у Нади “мертвого часа” по команде. Каждый, кто сморился посреди дня, находил укромный уголок, подтаскивал туда синий овал и падал, засыпая.

Надин детский сад первое время вызывал у меня шок. На улице минуло пять. И по такому морозу наша младшая греется в домылах тапочках. Ангелина! Воспаление лёгких! Как можно?! Почему?! А воспитательница спокойно объясняет, что Надя не захотела переобуваться. Но ведь ей всего лишь пять, неполных пять! Мало ли, что она сказала?

К счастью, девочка не простудилась, но с тех пор мы забирали ее из садика в нормальных уличных ботинках. Она уже знала, что мерзнуть неприятно, и сама выбирала комфортный вариант.

Наши родители слишком часто полагаются на указания своему чаду: делай это, не делай того. Стремление “подстелить соломку”, предусмотреть результат детского поступка, по сути своей, конечно же, доброе, диктуется истинной любовью. Да вот незадача – поделиться опытом, оказывается, нельзя или можно лишь в очень ограниченном смысле. Потому что, принимая решение, ребенок не просто решает эту, конкретную задачу. Он меняется, с ним многое происходит. Иногда расширение сознания, иногда даже взрыв – переход на новые ценности, потому что душа прирастает, мужает, раскрывается. Всё это нужно для формирования личности. Почему так мало “удачных”, счастливых детей среди тех, кого родители “тянули” в школе, после в институте, которых обеспечивали хорошей должностью на службе? Скорее всего им не хватило собственного опыта проб и ошибок – материала, из которого строится деятельный, активный человек.

Плохого опыта не бывает, опыт – всегда опыт, и он пригодится при важном решении, при важном выборе. Отсюда в Америке раннее отселение взрослых детей, отсюда сочетание работы и учебы. Перегрузки? Не без этого. Но как результат – человек, знающий, чего хочет. Мне средний американец кажется даже несколько суженным этой направленностью своих усилий. Но что лучше: уверенный (иногда до ответственности) прахристиан или душевный вляость, а как из её ипостасей ответственности и расхристанность?

На днях я смотрела фильм Лунгина “Свадьба”, довольно точно рисующий типаж российской глубинки. Невеста небрежно снимает с себя золотые сережки и бросает их из машины на обочину... Друг жениха в порядке взаимопомощи, мимоходом, грабит незнакому женщину... Сам жених дарит букет, пригвозденный для невесты, другую девушку и выпивает водку, раздольно что-то определяющие в жизни решения, возникают вот такие всплески “загадочной русской души”, веками не знавшей обычной свободы, которая всегда – свобода выбора, свобода решения.

Свобода эта учит доверять себе. Полагаясь на душу, мы иногда ошибаемся, потому что наш внутренний слух, увы, испорчен, а может, и не абсолютен. Но право, ошибок при таком доверии куда меньше, чем положено по теории вероятности. |

РОЛИ, КОТОРЫЕ МЫ ПОДБРАСЫВАЕМ СВОИМ ДЕТАМ | *Маргарита Жамкочьян* | *окончание. начало в №11, 2002*

Есть в жизни родителей момент, когда мы с удивлением замечаем, что наши слова и действия имеют обратный эффект. Мы причаем сына к ответственности, а он теряет все больше вещей. Мы учим дочь считаться с другими людьми, а она все больше настаивает на своих капризах. Вдруг мы обнаруживаем, что сын - Растеряха, а очаровательная дочь - жуткая Эгоистка.

Как это могло произойти? Мы пытаемся ругать, стыдить, контролировать, и тогда происходит и вовсе удивительное - диагноз становится болезнью. Этот процесс похож на печатание фотографий. Сначала проявляются, потом - закрепляются. Наверное, мы не поверим, не захотим поверить, что своими руками укрепляем детей в исполнении той роли, которая нам совсем не нравится!
Несколько таких ролей мы описали в предыдущих номерах журнала - роль Принцессы и Грустного Неудачника. Сегодня мы поговорим о том, с чего все начинается, а затем попробуем вместе с одной из наших знакомых нам изменить ситуацию для ее младшего сына, дадим ему возможность выйти из уюта закрепившейся роли Жалобного Нытика. Заметим: ребенок не осознает, что он играет роль в пьесе, которую ставим мы. Но осознает ли мы, что исполняем пьесу, роли в которой уже распределены? В какой точке жизни ребенок становится не просто упрямым, но Упрямым, не просто эгоистичным, но Эгоистом, не просто хнычущим, а постоянным Нытиком? Разве он таким рождается? И что здесь зависит от родителей? Ведь есть еще воспитатели и школы. Мы поговорим об этом с заинтересованными мамами, и их истории показались нам очень любопытными. Многие из них говорили о своем детстве даже больше, чем о своих детях. Удивительно, как родители с самыми лучшими намерениями умудрялись разрушить самооценку ребенка. Например, любящий отец подтрунивал над своей дочерью. Он называл ее "Ленивые косточки", "Дырявые пальчики" или "Громкоговоритель". Он просто посмеивался. Но ей было совсем не смешно. Он доводил ее своими шуточками до слез, она пыталась отделиться от этих словечек, сбросить их с себя, когда выросла, но ей это не удалось. До сих пор она временами чувствует себя ленивой, неуклюжей и громкогласой.

Иногда родители могут причинить вред своему ребенку, даже если всерьез хотят помочь ему стать лучше. Они искренне верят, что если укажут ему, где плохо, ребенок тут же исправится. У одной из мам все началось с эпизода: сын потерял свой жакет, и она решила, что ее долг указать ему на то, что он стал беспечным со своими вещами. Она припомнила все те мелочи, которые он терял раньше, - ключ, записную книжку, футляр для очков, ручку, и в конце вдохновенной речи он опустил глаза и пробормотал еле слышно: "Наверно, я просто такой Растеряха". Его ответ поразил, ведь ей хотелось заставить его стать более ответственным. Вместо этого она добилась противоположного результата. С этого дня он, казалось, вообще не мог ни за чем уследить. Он действительно стал Растеряхой. Не правда ли, очевидное превращение диагноза в болезнь?

Но другая наша собеседница заметила еще более тонкую вещь: "У меня есть две подружки. Одна все время жалуется, что ее сын часто безобразничает в школе, что половину дня, как правило, проводит в кабинете директора. А в то же время, рассказывая о нем, она не без гордости говорит: "Мой сын - гроза 47-й школы".

Другая подруга просто в ужасе от того, что дочь слишком добросовестна, требует от себя только совершенного исполнения. Иногда девочкападает прямо-таки в невротическое состояние, если у нее не все получается абсолютно правильно и точно. При этом мама в присутствии дочери часто заявляет: "Ну, вы знаете, какая у меня дочь - никогда не бывает довольна собой. Все, что она делает, должно быть выполнено, как следует".

Что же получается, сами того не подозревая, мы вынуждаем ребенка играть определенную роль, даже если сознательно отвергаем ее? И действительно, дети воспринимают послание от родителей, хотя оно и влус и не произносится: "Продолжай оставаться грозой. Не обращай внимания на мои протесты". Или - "Оставайся суперсовершенством. Маме это нравится". Если ребенок исполняет какую-нибудь особенную роль, неплохо бы родителям спросить себя: "А какое подкрепление я даю ему для сохранения этой роли? Разговаривая с ним, какое сообщение я на самом деле ему посылаю?" Именно так начиналось и со Сьюзи - дочкой-принцессой, о которой шла речь в предыдущем номере. Ее мама Ли ходила на родительский семинар к доктору Хайму Джинотту. Обсуждение ролей очень сильно задело ее. "Мне следовало задать себе этот вопрос семь лет назад, когда родилась Сьюзи. Она была для меня, как чудо, - девочка после двух мальчишек, и все в ней было чудом - золотые волосы, нежная кожа, грациозность. Я такой никогда не была. Я просто влюбилась в нее. Теперь задним числом я ясно вижу, какое "послание" получала она от меня на словах и без слов по сто раз на день: "Ты драгоценный алмаз, ты - ангел, ты - маленькая принцесса". Позже я получила хороший урок, что место принцессы должно быть в сказке, потому что в реальной жизни жить с принцессой - это ад. После того, как мы первый раз поговорили о ролях, я шла домой и думала: "Слава Богу, у меня нет таких проблем. В моем доме никто не играет никаких ролей". Потом Сьюзи зашла ко мне в комнату и сказала: "Причеши мне волосы. И на этот раз сделай все правильно!" Я послушала на нее и подумала: "Интересно, она всегда так разговаривает с нами?" В следующие дни я держала глаза открытыми и наблюдала за каждым ее движением. Что бы ей ни захотелось, она это получала. Начинаясь все с приказа. Если это не давало результата, она прибегала к слезам и крикам. Этот ребенок получал все, что хотел, от всех - от братьев, от отца, от бабушки, от своих друзей - и ничего не давал взамен.

Вдруг меня поразила очевидная истина. Моя маленькая принцесса - просто испорченный ребенок. Когда мой первый гнев улегся, появилось чувство вины: это я сделала ее такой, это я вынудила всех потакать ей. Теперь передо мной стояла проблема - как изменить ситуацию, как превратить испорченное создание снова в человека, в личность?" И надо сказать, Ли это удалось. Доктор Джинотт предложил рецепт, лучше которого до сих пор ничего не найдено, потому что это работает.

1 Первый шаг - это понять, какую роль играет ваш ребенок и назвать ее своим именем. Хорошо бы разобраться и с тем, какое послание получает от вас ребенок, когда вы говорите с ним.

2 Измените стиль общения с ребенком, ведите себя так, как если бы он уже был таким, каким вы хотите его видеть.

3 Ищите ресурсы для этой новой роли в прошлом ребенка или используйте свой собственный ресурс. Если ребенок никогда не проявлял благородства и внимания к другим, ему негде это взять. Придется проявить благородство вам, как это сделала Ли. А если ребенок считает себя неудачником, вы можете найти в его более раннем детстве случаи, когда он проявил и умение, и ловкость, и на это опереться.

Сегодня мы продолжим разговор о проблеме возникновения и закрепления негативных ролей у детей. Случай с маленьким Нытиком оказался сложнее, и работы требовал больше. Эффектно одним единственным движением повернуть ситуацию на 180 градусов, но иногда приходится делать это, двигаясь на градус и отступая назад. Пройдите этот путь с мамой мальчика Энди, одной из самых активных и упорных последователей доктора Джинотта. Снова с нами **Адель Фабер** и **Элен Мазлиш**.

НЫТИК

Я была с последней встречи, стараясь держаться позади всех. На улице женщины разбили на маленькие группы и шли, болтая, споря и смеясь. Мне не хотелось ни с кем разговаривать. В голове вертелась одна мысль: "Почему я не смогла помочь Энди? Почему я не смогла помочь ему освободиться от слез, нытья и бесконечных жалоб? Почему я не смогла вернуть для него солнце?"

Обычно я избегала думать об Энди, уговаривая себя, что просто у него такой период. Но больше я не могла обманывать себя. Как это получилось? Почему умный, тонкий ребенок, каким он был до школы, через год стал жалким и отверженным существом? Может быть, он стал таким из-за того, что в первом классе ему оказалось гораздо труднее учиться, чем я ожидала? Все эти простуды, большое горло, большие уши, постоянные антибиотики и высокая температура - у него никак не получалось походить в школу достаточно долго, чтобы обзавестись друзьями. Наверное, это тоже сказалось на его характере?

А, может быть, это я слишком избегала его? Но что мне оставалось делать, он был такой одинокий и так нуждался в компании, в утешении, когда лежал больной. Не могла же я его отталкивать.

И отец, конечно, тоже внес вклад в его проблемы. Он слишком критично относился к Энди. Не то чтобы я его обвиняла, нет. Какой мужчина может выслушивать постоянные потоки жалоб от собственного сына, причем изо дня в день и об одном и том же ("Кто взял мои ботинки?.. Я хочу есть... Она опять сломалась... Я не умею... Сейчас не моя очередь... А он старше!.. Меня куда не берут..."). Как бы мне хотелось, чтобы вернулись наши старые простые и веселые отношения друг с другом! Ребенок не может расти под огнем постоянной критики. Я вспоминаю последний эпизод: вчером вечером Энди ждал отца с нетерпением, чтобы показать ему свое изобретение, и Тед был настроен похвалить и подбодрить его. Он воскликнул с энтузиазмом: "Ну давай, где оно там у тебя!" Но тут же знакомое чувство безразличия показалось у него на лице. "Ты посмотри на себя. Новый вид волос? Ты ведь залыпан кожей. Можешь ты хоть что-то сделать, не перемазавшись с ног до головы!" Энди был совершенно уничижен.

От Дэвида помощи тоже немного. Хотя что можно ожидать от одиннадцатилетнего мальчишки? Особенно если он вынужден каждый день наблюдать, как его младший брат забирает все внимание и ласки матери, на которые он сам уже не может рассчитывать, потому что большой. Совсем неудивительно, что он пользуется каждым удобным случаем, чтобы подразнить Энди. Хорошо, пусть никто не виноват. Просто стечение обстоятельств. Но куда это нас заведет?

Голос Элен прервал мои безрадостные размышления. "Джейн, что случилось? На тебе лица нет!" Я попыталась улыбнуться, но улыбка не держалась на моем лице. Вместо этого слезы сами собой хлынули из глаз: "Элен, я так переживаю за Энди. Он совсем не похож на детей своего возраста. От такой инфантильный. Я хочу сказать, что к восьми годам он мог быть уже не таким чувствительным, реагировать не так остро на любую похвалу. Энди идет буквально вразнос из-за всего - важные это вещи или совершенно пустяки. Это ненормально. Сломанный карандаш, царапина на пальце, кот умер - все его ранит одинаково. Впрочем, ты ведь сама знаешь, видела его. Он ведет себя как беспомощный, лепечущий младенец".

Элен остановилась. "Погоди, погоди" - сказала она задумчиво. - Я, думаю, поняла, что ты хочешь сказать. Я действительно знаю, что в какой-то своей части Энди очень чувствителен - и эта его часть легко расстраивается. Но ведь это не вещь Энди. Когда я думаю о нем, я вижу мальчика, который обладает смеельм и дерзким воображением. Он не просто копирует. Он творит, придумывает, конструирует?"

"Ты имеешь в виду его поделки, его маленькие изобретения?"

"Маленькие! - удивленно воскликнула Элен. - Некоторые из них, может быть, и маленькие бы, но они совсем не маленькие по духу, по замыслу. Твоему Энди дано то, чего художник добивается всю свою жизнь, - смелость и желание рисковать, сделать что-то совсем неизученное, непонятое".

"Элен, ты очень добра, и я тебе благодарна, но..."

Элен отвергла мои возражения: "Я говорю объективно, и я утверждаю: чтобы сделать работу такого уровня, требуется огромная концентрация, настойчивость и зрелость". Энди и зрелость! Это было ошеломляющее утверждение.

Элен продолжала. "Нытье и жалобы - это временно. Может быть, таким образом он дает тебе понять, что что-то его беспокоит... Но, Джейн, его работа - вот где он настоящий!" Прямо здесь, посреди улицы, я обняла ее. "За что?" - спросила Элен. - "Ты знаешь. Еще одно слово - и я разревусь".

Вечером я поговорила с Тедом. Я закрыла дверь спальни, вышла, рассказала ему все - о ролях, о том, как узнавать и называть их, и о том, как отказаться от них, рассказала ему и о концепции помощи ребенку, о словах Элен и о том, как много значат они для меня.

Тед слушал бесстрастно. Мне хотелось, чтобы он разделил со мной мои надежды и мои новые знания. Я объяснила, что, может быть, проблема в том, что, пока я не перестану видеть в Энди беспомощного и нуждающегося в защите ребенка, он тоже не сможет увидеть себя по-другому и не сможет измениться. Затем я сказала о своей решимости с завтрашнего дня пересмотреть свое отношение и учиться видеть по-другому.

То, что я должна была сказать дальше, говорить было нелегко. Я не знала, как сказать это потактично. Я сказала Теду, что нужно было его помощи и поддержке не быть таким резким на Энди, потому что это вызывает худшие чувства во мне. Одно резкое слово, и я бросаюсь на защиту своего "бедного дитя" от грубого отца.

Неожиданно Тед заговорил с большой горечью. Он сказал, что чувствует себя ужасно, когда я ставлю его в положение грубого, жестокого, бесчувственного мужа, что я просто навязываю ему эту роль и провожу черту между ним и сыном. Я была поражена. Мне и в голову не приходило, что Тед испытывает подобные чувства. Я тут же поклялась, что больше так никогда не будет, что с этого момента я буду вести себя по-другому и с Тедом.

Я напомнила ему случай с залыпанным свитером и сказала: "Энди так ждал твоего одобрения. Он не мог принять ничтожного, язвительного критика. Если он делал что-то не так, ты просто можешь дать ему инструкцию, просто сказать: "Когда ты работаешь с клеем, надевай старую одежду". Ты увидишь, как он отреагирует... И еще: ты знаешь, как я хочу, чтобы ты сходил на занятия к доктору Джинотту. Ты мог бы, как ты думаешь?..."

Тед сразу помчался. "Мне это неинтересно" - сказал он сквозь пальца. - Я помню тебя и постараться, потому что я этого хочу сам. Но это будет моя попытка, мой путь. Не вкладывай в меня свои слова. Если я скажу то, что не встретит твоего одобрения, я не хочу, чтобы меня поправляли. И никаких оценок - ни плохих, ни хороших!"

Дочь позвала мужа, а я внезапно почувствовала себя смертельно уставшей. И я услыла в чем была, не раздеваясь. Утром начались перемены, многое произошло с того дня. Самое важное я записывала в свой дневник, который вела шесть месяцев.

НОВАЯ РОЛЬ ДЛЯ ЭНДИ

Утром. Не могу дождаться, хочется скорее показать Энди его скрытые силы - его воображение, смелость мысли, его усидчивость, зрелость. И вот он входит, лижамные бровки сползают, нос течет, хнычет: "Я не пойду сегодня в школу!" Я потрогала его лоб - холодный. В прошлом сопливый нос автоматически гарантировал ему дверь дома. Но не сегодня. Сегодня начинается новая эра. С сегодняшнего дня он перестанет думать о себе как о слабачке. Я говорю: "У тебя нет температуры, милый. Ты хочешь позвонить до того, как соберешься в школу или после?" Энди посмотрел на меня недоверчиво. Затем ответил: "Я сначала оденусь". Моя очередь не верить своим ушам. Он действительно собирается идти в школу.

Тот же день. Энди вернулся домой из школы и принес заявление об участии в отборе в Малую лигу, который будет проходить через месяц. Он заглянул мне в лицо, чтобы увидеть мою реакцию. Я была в замешательстве. Детская лига - это запретная тема для Энди. Поразились! Могло ли одно утро так сильно все переменить? И на, никогда раньше не играл ни в какие игры с мячом. Его конкуренция так серьезна, и я слышала, что тренеры бывают очень злыми. Он не должен вовлекаться во все это... Но мне надо как-то выкрутиться, или он прочтет все это по глазам.

Энди спросил: - Как ты думаешь, мне стоит вступать в лигу? Но на самом деле он ждал ответа на другой вопрос: "Ты думаешь, я смогу?"

- Ты думаешь о вступлении в лигу в этом году? - уточнила я.

- Да, но тренеры обычно кричат на тебя, если пропускаешь мяч, а ребята смеются над тобой.

- Да, это не очень приятно. Но знаешь что, Энди, я думаю, ты сможешь выдержать взбучку.

- Ладно, может быть, я вступлю в следующую лигу. Я еще не очень хорошо ловлю мяч.

Так что это было, мильный пузырь? Но он действительно думал об этом. Может быть, если немного попрактиковаться, он вступит даже в этом году. Я поймала Теда, как только он появился в дверях:

- Энди говорил о Малой лиге! Ты должен пойти с ним гулять и научить его бросать мяч. У нас только месяц, чтобы привести его в хорошую форму!

Воскресенье. Тед пошел с Энди в парк тренироваться. Оба ушли в приподнятом настроении. Я надеюсь, все будет хорошо.

Он вернулся через два часа в полном молчании. Энди пошел сразу в свою комнату и хлопнул дверью. Тед бросил на меня взгляд, говорящий: "Ты-И-Твои-Блестящие-Идеи..."

- Виде, что хотел сделать твой сын - это койбить уток и собирать камни. Я ходил за ним, как идиот, пытаясь заинтересовать его бейсболом. За пять минут до того, как мы ушли домой, он сделал мне большое одолжение. Он позволил мне бросить ему мяч. Ты знаешь, что у парня пальцы как вареные макароны... Слушай, не возлагай на меня больше никаких миссий.

Ну вот, теперь эти злы друг на друга, и оба злы на меня. Тед прав. Мне не следовало вовлекать его с Энди. Все, что он делает для своего сына, должно исходить от него самого.

Следующий день. Зачислила воскресенье в минус. Но для Энди это оказалось не так. Он продолжает рассказывать о прогулке в парке. Спрашивает, куда деваются утки, когда идет дождь, что они едят, когда люди не приносят им хлеба, и замечала ли я, как камни меняют цвет, когда они мокрые.

Я была тронута его любознательностью. Я сказала ему:

- У тебя тронуто его любознательность. Я сказала ему:

- О, может быть, свои вопросы. Может быть, вещи, которыми ты интересуешься. Я думаю, что как только блокнот будет лежать перед тобой, ты найдешь, что туда записать.

Через две недели. Блокнот Энди заполнился наблюдениями - двенадцать страниц. Он озглавила их: "Моя личная книга мыслей". Место, которое мне нравится больше всего - это страница, на которой обеден консул его руки. Под ним подпись: "Рука, как острок. Каждый палец - полуостров".

Немного спустя. Энди и я поехали в магазин за курткой, подходящей не было. В третьем по счету магазине он внезапно раскисился. Ревел так, что люди останавливались. Я уговаривала его. Никакой реакции.

Я спросила его по-дружески. Он плакал еще громче.

Я сдалась. Едем домой.

По пути на улицу я остановилась около буфета и купила немного еды на долгую обратную дорогу. Энди моментально заглотнул свою порцию, и тут у меня на глазах произошла метаморфоза: несносный ноющий ребенок превратился в милого восьмилетнего мальчишка:

- Давай съездем еще в один универмаг. - сказал он.

Я поняла, что когда ребенок переживает физиологический голод, мы можем сэкономить усилия: один бутерброд стоит тысячи слов.

Еще через месяц. Нытье продолжается, такое же ужасное, как всегда. Даже когда Энди доволен, кажется, что его единственный путь самовыражения - ныть. Джил и Дейвид любят передразнивать брата: "Уа-уа-уа". Все, что он слышит от меня и Теда: "Прекрати хныкать", "Опять ты жалуешься", "Ну что ты плачешь из-за пустяка?"

Боюсь, что мы все подкрепляем то, от чего хотим избавиться. Я думаю, что пора кончать со случайными спонтанными реакциями. Энди нужны умелые, искусные и рассчитанные воздействия.

На следующий день. Лихорадочно готовлю обед, вваливается Энди. Он блещет, как умирающая овца:

- Я-а-а голо-о-ден... Я-а-а голо-о-ден...

Я говорю:

- Энди, если ты слишком голоден, чтобы дожидаться обеда, скажи мне: "Мам, я возьму кусок хлеба с маслом", или "Мам, я возьму морковку". Или еще лучше - просто возьми! (Большой прогресс для меня после привычного: "Опять ты жалуешься".)

Через два дня. Сегодня Энди пришел ко мне с длинным списком жалоб. В обвинительном тоне он заявил, что у него нет нужной бумаги уже несколько дней и что я всегда говорю, что мы поедем за ней в магазин, но никогда не делаем, и что бумага была нужна ему в школе, и никто ему не одолжил, и что я должна поехать с ним в магазин немедленно.

- Энди, я поняла, что тебе нужна бумага. - ответила я. - И я планирую поехать за ней. Но мне не нравится, как ты меня просишь. У меня такое ощущение, как будто ногтем водят по стеклу. Я думаю, что ты вполне мог бы говорить по-другому! Ты знаешь, как - своим другим, глубоким, приятным мужским голосом.

Энди: (на октаву ниже)

- Ты имеешь в виду, когда я говорю вот так?

- Вот, вот! Ты можешь!

Энди, катитурно изображая свое обычное нытье:

- Ма-аа-а, когда-а ты купил мне бума-а-гу. Я хочу бума-а-гу.

В шутовом ужасе я закрываю уши руками.

Энди смеется, его голос снижается еще на октаву:

- Мама, я думаю, сегодня подходящий день, чтобы съездить за бумагой.

- Ты меня убедил.

Когда Энди вечером улегся в постель, я услышала, как он разговаривает сам с собой. Он экспериментировал с обоими голосами...

Два дня спустя. Энди поглотил всю мою энергию. Первое, что было у меня на уме, когда я утром открыла глаза, и последнее, о чем я думала перед сном, - это был Энди. Неудивительно, что Джил стала говорить: "Ты больше не обращаешь на меня внимания". Неудивительно, что Дэйвид несносен последнее время. Неудивительно, что Тед каждый вечер скрывается за газетой. Я стала человеком одного измерения и вине Энди.

Ладно. Завтра вечером Тед и я пообедаем вдвоем - цыпльяти в маме и с грибами. Я не делала это блюдо месяцами, потому что Энди терпеть его не мог.

И я пишу приглашение на вечеринку на работе Теда, и куплю себе новое вечернее платье. Почему бы и нет. В жизни много что есть, не только Энди!

Я все еще в шоке от того, что услышала сегодня днем. Энди поджаривал в тостере бутерброды с сыром и разревелся, когда они начали гореть.

Он всхлипывал:

- Я съел их! Я съел их!

Я пожалала плечами:

- Энди! Это нытье, скажи просто: "Ох, черт, мои бутерброды сгорели! Мне придется готовить другие!"

Энди посмотрел на обугленные бутерброды и затем сказал тихо:

- Но если я так скажу, ты меня не пожелешь.

- О, Господи, - подумала я - он говорит, что хочет, чтобы я пожалела его". Я не знала, что ответить, поэтому не сказала ничего. Но весь день до позднего вечера эти слова не выходили у меня из головы. Вот как он видит себя - как буднично он сам по себе никакой ценности для меня не представляет, он только маленький мальчик, которого можно пожалеть... Какого ужасная ноша для детской души - чувствовать, что он должен быть жалким, чтобы его любил.

Через три дня. Что-то изменилось внутри меня. Я слышу эхо в своем голосе. В нем пропали нотки отчаяния. Кажется, я все меньше стараюсь быть "Дивной матерью", "Всемогущим утешителем". Не то, чтобы Энди не пытался вызвать к своим чувствам. Дело было в моей реакции. Я больше не думала ни о том, что сказать, ни о том, как сказать. Я знала теперь, что моему сыну необходимо почувствовать свою собственную силу, испытать свою собственную власть - не мою! Я смотрела на Энди и думала, что он сможет. И я видела, что так будет. |

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ ДЕТЯМ | юрий саульский

Я человек пожилой, из поколения, для которого Пушкин, Лермонтов, Гоголь были безусловной ценностью, а в подростковом или, как теперь говорят, тинэйджерском возрасте - Хэмингуэй, Ремарк. Для людей моего возраста это был обычный путь интеллектуального и душевного развития - в детстве нам читали Пушкина, потом мы читали Пушкина сами и уже потом других писателей. Путь, который я назвал бы классическим... И это не говоря о театре! Театр так много значил тогда, он был своего рода воспитательной рифмой к литературе.

Я джазовый музыкант и композитор, и в то время, которое могу назвать своим, никто не мыслил, скажем, музыкальное образование без образования литературного, без "вхождения" человека в разные искусства. Теперь мы далеки от "классики" во всех смыслах. Убежден, что хорошего в этом мало. По-моему, сейчас, в эпоху господства ТВ, родители должны... защищать классику.

Не стоит заставлять чадо читать, но заинтересовать чтением необходимо. По-моему, это главный, хоть и парадоксальный принцип взаимоотношений взрослых с ребенком - он еще от горшка два вершка, но мы почему-то должны стать интересны ему...

Мой старший сын всегда читал серьезно и серьезные книги, даже теперь - а он взрослый человек, живет в Америке - продолжает читать активно. Уже на другом языке, в иной языковой среде.

У близнецов - сына и дочка - было иначе. Сын писал стихи, но читать сам не стремился. И только когда поступил во ВГИК, стал читать с упоением и все наверстал. Дочка читала много всегда. Когда им исполнилось по 18 лет, я каждому подарил полное собрание сочинений Пушкина, в год их совершеннолетия. Мне хотелось подарить им истинную ценность.

Как корректировать круг чтения, я не знаю. Наверное, нужно расставлять капканчики и налаживать манки. Ну и бросать затравки. То есть опять же каким-то образом неинтересное делать интересным. Но мне кажется, что главное не в родительских действиях, главное - в родительской практике. Книги для ребенка должны быть нормальной средой существования. Они должны быть в доме. Их подбор должен быть продуманным. Родители должны и сами читать. Чтение должно быть органической частью семейного существования. Вы скажете, я заладил: "должно... должно". Но должно, и все тут. |

НЕРАЗГАДАННЫЙ СМЫСЛ СНОВ Вадим Ротенберг - психолог, доктор медицинских наук, профессор, психотерапевт.

Сновидения всегда считались одним из самых загадочных явлений человеческой психики. Каждый из нас неоднократно интуитивно чувствовал, что в некоторых сновидениях содержится важный для нас, но неразгаданный смысл. Недаром ведь сновидения часто сопровождаются острыми переживаниями - страхом, тревогой, отчаянием или напротив - радостью и подъемом. А в дополнение к этим личным переживаниям можно нередко услышать об открытиях, сделанных в сновидениях великими людьми, или о сновидениях, в которых предугадывалось будущее. Парадокс, однако, состоит в том, что именно это почти мифическое состояние психики оказалось за последние десятилетия изученным успешнее многих других. Это не значит, что загадка разрешена: в науке, как правило, накопление новых интереснейших фактов приводит к возникновению новых вопросов. Выдающийся французский ученый профессор Жуве точно сказал: "Мы все еще ничего не знаем о сне, но на более высоком уровне".

Разумеется, это преувеличение. В изучении сна и сновидений наука о мозге и психике продвинулась дальше, чем в каком-либо ином направлении. В 1953 году был открыт феномен "быстрого сна", того физиологического состояния, во время которого человек регулярно видит сны. Это был огромный научный прорыв в неведомое. Появилась возможность изучать связь психических переживаний в сновидениях с объективными изменениями в организме: с электрической активностью мозга; с движениями глаз, которые, как оказалось, направляются в сторону зрительных образов наших сновидений; с изменениями пульса и давления крови; с колебаниями уровня гормонов в нашей крови.

С самого начала научного изучения сновидения подтвердили свою репутацию загадочных незнакомцев. Оказалось, что мозг во время сновидений активен так, как он активен в бодрствовании - во время самых серьезных жизненных событий, при решении сложных задач. Но в то же время напряжение мышц, их тонус, падает, как если бы спящий находился в состоянии максимального эмоционального расслабления и покоя. Это наблюдается в "быстром сне" и у человека, и у животных. Из-за этого "быстрый сон" получил название "парадоксального". Эксперименты профессора Жуве помогли решить эту загадку. В мозгу животного есть скопление нервных клеток, которые отвечают за падение мышечного тонуса, за полную обездвиженность во время "быстрого сна". Когда этот участок мозга разрушили, исследователи обнаружили фантастическую картину: животное, погрузившись в "быстрый сон", не пробуждаясь и не открывая глаз, начинало двигаться по своей камере, как бы что-то выискивая; или вдруг ударилось в бегство, спасаясь от несуществующего противника; или, наоборот, атаковало кого-то отсутствующего. Тогда стало понятно, что мышцы расслабляются для того, чтобы мы не приняли участия в собственных сновидениях, как в реальных событиях. Такое участие не только помешало бы нам спать, но и могло бы стать опасным для нас самих и наших близких. Одновременно подтвердилось то, что не вызывало сомнений у многих владельцев домашних животных, - что животные, как и люди, видят сны.

"Быстрый сон", а значит, и сновидения, занимают около 1/5-1/4 всего сна. Это состояние регулярно 4-5 раз повторяется в течение ночи, и значит, каждый из нас каждую ночь от рождения до смерти просматривает не менее 4 сновидений. Чаще всего мы их не запоминаем, потому что не пробуждаемся в это время. Если здорового человека регулярно будить в "быстром сне", он в 90 случаев рассказывает увиденный сон. Более того, это состояние очень важно для мозга и организма. Если человека или животное регулярно будить в самом начале "быстрого сна", не давая видеть сновидения, то в ту ночь, когда им дадут отоспаться без помех, "быстрый сон" значительно увеличивается, занимая порой половину всего сна.

Если же систематически лишать человека или животное "быстрого сна" и сновидений, то происходят значительные изменения психики и поведения.

Животных обычно лишают "быстрого сна", помещая их на маленькую деревянную площадку в бассейне с водой. Когда наступает "быстрый сон", мышечный тонус падает, животное сваливается в воду и просыпается. Если продолжать эксперимент достаточно долго, то в этих условиях животное нередко погибает, хотя его систематически кормят и поят. Лишь недавно ученые осознали, что гибель происходит вследствие сочетания двух факторов: стресса, связанного с невозможностью активного поведения, и лишения "быстрого сна". Каждый из этих факторов в отдельности к гибели не приводит, а вот их сочетание оказывается непереносимым. Для понимания роли сновидений этот факт очень важен.

Человека на маленькую площадку в бассейне не поместишь. Поэтому у людей "быстрый сон" устраняют, пробуждая человека при первых физиологических признаках этого состояния. Было много споров о влиянии такого лишения "быстрого сна" на дальнейшее поведение человека. В некоторых исследованиях подавление "быстрого сна" вызывало даже галлюцинации. Но это оказалось достаточно редким исключением. Гораздо более постоянным эффектом лишения сновидений является изменение в механизме психологической защиты. Было показано, что лишение сновидений усиливает механизм вытеснения: человек "забывает" именно те события, которые ему наиболее неприятны и угрожают его самовосприятию. Однако такое "забывание" не проходит безболезненно: человек становится более тревожным и напряженным, и он менее защищен от стресса.

Потребность во сне у разных людей различна. Есть люди, которым достаточно 5 часов сна в сутки, чтобы чувствовать себя хорошо. Это - короткоспящие. А есть люди, которым необходимо не менее 9-10 часов сна. Оказалось, что у долгоспящих вдвое больше "быстрого сна".

Малоспящие - это люди с сильной психологической защитой по типу отрицания неприятностей или их переосмысления. Они энергичны, инициативны и напористы и не очень углубляются в тонкости переживаний и межличностных отношений. А долгоспящие - это чаще высокочувствительные люди со сниженным порогом ранимости, более тревожные, склонные к колебаниям настроения. И все эти черты, особенно тревожность, усиливаются к вечеру, перед сном, и уменьшаются утром. Можно говорить, что во время сновидений эти люди как-то справляются со своими эмоциональными проблемами, и отпадает необходимость в их вытеснении. Сновидения помогают разрешить вытесненные конфликты.

Сновидения выполняют и другую важную функцию. При лишении "быстрого сна" человек хуже справляется с задачами, требующими творческого подхода. В связи с этим возникло даже предположение, что само решение творческих задач происходит в сновидениях и что в этом их основной смысл. Ведь и впрямь были поразительные примеры творческих открытий в сновидениях. Например, Кекуле увидел во сне бензольное кольцо в виде змеи, кусающей свой хвост.

Но задумаемся на минуту: не слишком ли мал коэффициент полезного действия сновидений, если их основная функция - решение сложных творческих задач? Сколько серьезных открытий, совершенных во сне, известно человечеству? Полагаю, что палец рук или, в крайнем случае, и ног хватит для перечисления. А между тем миллиарды людей каждую ночь на протяжении десятилетий видят по 4-5 снов. Было бы незаконно со стороны природы создать механизм со столь низким КПД, если даже каждое открытие бесценно. Кроме того, в состоянии творческого экстаза потребность во сне уменьшается, а с ним и потребность в "быстром сне". Создается совсем уже парадоксальная ситуация: сновидения нужны для творчества, а в момент наивысшего творческого подъема их становится меньше.

А в довершение всего недавно экспериментально доказано, что даже когда после сна со сновидениями приходит решение проблемы, сама проблема не всегда фигурирует в сновидении. То есть сновидение опосредованно оказывает положительное влияние на творческую активность, решая какие-то другие задачи и внутренние конфликты. Интересно, что и значимые эмоциональные проблемы далеко не всегда сами представлены в сновидениях. Психологи и психоаналитики обнаружили, что сновидения могут способствовать укреплению психологической защиты и освобождению от груза неразрешенных конфликтов, даже если сами эти конфликты никак не представлены в содержании сновидения. Как и в ситуации с решением творческих задач, реальный конфликт и реальная психологическая проблема может быть подменена в сновидениях совершенно другой. Но если эта воображаемая другая проблема решается успешно, то сновидение выполняет свою приспособительную функцию и способствует эмоциональной стабилизации. Кроме того, если признать, что участие в психологической защите является основной функцией сновидений, то как объяснить функцию сновидений у животных? У них ведь нет ни внутренних конфликтов, ни механизмов психологической защиты.

Мне посчастливилось предложить универсальную гипотезу функции сновидений в рамках концепции поисковой активности. (О созданной Вадимом Ротенбергом концепции поисковой активности, бросившей вызов традиционным подходам к пониманию поведения человека в биологии и психологии, мы писали в 6-м номере в 2001 году.) Согласно этой концепции, поисковая активность, направленная на изменение ситуации в условиях неопределенности, играет решающую роль в адаптации и сохранении здоровья. Отказ от поиска, капитуляция, напротив, повышает риск заболевания. Это закономерность биологическая. Без поискового поведения не было бы прогресса ни отдельного индивида, ни всей популяции в целом. Поэтому поиск, который требует серьезных энергетических затрат и усилий, должен вознаграждаться и

гарантироваться, по крайней мере, хорошим здоровьем и высокой стрессоустойчивостью. Однако в сложных обстоятельствах человек или животное все же нередко капитулируют, отказываются от поиска, от попыток изменить эти обстоятельства, и в таких случаях риск заболеть резко возрастает. Поэтому для таких случаев необходим запасной механизм восстановления поисковой активности.

Защита по типу вытеснения - это, по существу, отказ от поиска. Ведь внутренний конфликт при этом вытеснения не решается, и удовлетворить никаких попыток ни примирить враждующие мотивы не удается, ни удовлетворить один из них. Вытеснение - это вариант капитуляции перед лицом трудной, конфликтной ситуации. И как всякая капитуляция, вытеснение отрицательно сказывается на здоровье: тревога повышается, нарушаются функции внутренних органов. Поэтому устранение вытеснения - одна из частных, конкретных задач сновидения.

Восстановление поисковой активности - это самостоятельная задача, независимо от того, чем именно вызван отказ от поиска. И поэтому в сновидении реальная проблема вполне может быть заменена искусственной. Важно только, чтобы в процессе решения этой искусственной проблемы человек проявил достаточно высокую поисковую активность, ибо эта активность как процесс, независимо от содержания, обладает основной ценностью. Сновидения создают прекрасные условия для этой задачи: человек отключен от той реальности, которая привела к капитуляции, и может заняться любой другой проблемой. Важно лишь, чтобы он получил опыт активного и успешного решения этой проблемы.

В действительности тот же принцип используется и в психотерапии, когда вместо того, чтобы бесполезно бороться с ситуацией, которая выглядит нерешаемой, человека ориентируют на самореализацию в других сферах жизни. И неожиданно для него самого конфликт утрачивает свою остроту или даже находит нестандартное решение. Важно только, чтобы человек не утрачивал способности к поиску - важно и для здоровья, и для решения различных проблем. Вот это восстановление поисковой активности и является центральной задачей сновидений. |

ИГРА В ПУСТЯКИ | *Галина Заходер*

Т е т я Г а л я !
О д и н н а ш з н а к о м ы й (с к а з а л Б о р я) с к а з а л , ч т о т ы – д о б р а я и х о р о ш а я и л ю б и ш ь П у х о в и В с е х – В с е х – В с е х . В о т м ы и р е ш и л и У т е б я п о с е л и т ь с я . В . П у х и В с е – В с е – В с е ! (Т и г р а , К р о ш к а Р у , П я т а ч о к , К р о л и к) . Д я д я Б о р я З .

Всю эту компанию Борис Заходер усыновил незадолго до знакомства со мной. В 1965 году я получила в подарок книжку о Винни-Пухе с этой надписью. Тогда у нас с приемным отцом этих персонажей еще не было общего дома, и он отпустил погостить ко мне своего любимого медвежонка и его друзей, а вскоре и меня позвал жить вместе с ними в одном доме.

Борис, несмотря на то, что знал, кажется, наизусть всю книгу, любил почитать мне, особенно перед сном, главу за главой, каждый вечер. Проходило какое-то время, и мы снова возобновляли чтение книги. Последнее чтение произошло 9 сентября, в последний день его рождения. Мы сидели на террасе, ожидая приезда гостей. Боря раскрыл наугад книгу, словно собираясь погадать на ней, и, увлекшись, зачитался. А у меня был наготове фотоаппарат, и я, слушая его, наблюдая за выражением лица, сделала несколько снимков, где видно, как он сначала серьезен, потом начинает улыбаться, а на последнем кадре у него от смеха льются слезы.

Теперь мы остались без главы семейства, и мне одной придется заботиться об этой сказочной компании. Хотелось бы оправдать надежды дяди Бори З. и оказаться для них "доброй и хорошей" мачехой.

В 1958 году произошло событие, само по себе незначительное, но для меня крайне важное и не оставшееся без последствий, я надеюсь, для отечественной словесности - мы встретились с Винни-Пухом. (Английский Winn-the Pooh родился в 1926 году).

Наша встреча произошла в библиотеке, где я просматривал английскую детскую энциклопедию. Это была любовь с первого взгляда: я увидел изображение этого симпатичного медвежонка, прочитал несколько стихотворных цитат - и бросился искать книжку. Так наступил один из счастливейших периодов моей жизни - дни работы над "Пухом".

Борис Заходер сделал прекрасный подарок нашим детям и умным взрослым. Ему бы только радоваться, читая благодарственные письма поклонников Винни-Пуха, а вместо этого в бочку, вернее бочончок меда, без всякой совести лили при нём и льют сейчас деготь.

Начну с меда, который так любил медвежонек Пух.

Cambridge/ U.S.A. 15 марта 1966 год
Многоуважаемый господин Заходер!
...Вашу книгу я получила в подарок в день, когда мне исполнилось 26 лет. Получил я её от друга, который, как и я, преподаёт русский язык (он в Brandeis University, а я в Harvard University).

Как-то я вырос без Винни-Пуха. Но чтение вашего пересказа побудило у меня охоту познакомиться с книгами Милна в оригинале. Боюсь только, чтобы они не оказались менее прелестными, чем Ваш перевод. Теперь вместо того, чтобы работать над докторской диссертацией, я восхищаюсь приключениями Ваших друзей.

Я уверен, что благодаря Вашему переводу ряды советских "пухофилов" становятся все более и более многочисленными. Мне хочется только сообщить Вам, что в далеком Cambridge все больше и больше любителей русского мишки под именем Винни-Пух.

С глубоким почтением Robert A. Rothstein.

Москва, 15 апреля 1966год
Уважаемый мистер Притселл,
...ибо только сегодня рождался из Крыма.

Когда мне сказали дома, что меня ждёт письмо из Кембриджа, я, естественно, вообразил, что в Кембридже (английском) решили наконец сделать меня доктором Honoris Nautis; но, поверьте, я не был разочарован, когда истина обнаружилась: настолько тронуло и порадовало Ваше любезное и милое письмо.

Оставив шутки, могу Вам сказать то, что Вам, вероятно, и так известно: всякая доброе письмо читателя - праздник для нашего брата, пишущего...

Разумеется, я не могу принять целиком Ваши комплименты; уверен, что знакомство с оригиналом рассеяло у Вас все сомнения относительно прелести самого Милна. Работа над Винни-Пухом - одно из счастливейших событий в моей писательской жизни, причем, как говорит героиня одного анекдота, награжденная орденом за материнство, "я старалась не ради награды - мне нравился сам процесс".

Позвольте мне в заключение поздравить студентов, имеющих такого преподавателя: Ваш русский язык превосходен; мелкие неправильности - "чтение" и "вместе того" - на мой взгляд, придают ему еще больше достоинств.

Сердечно жму Вашу руку. Борис Заходер.

Так медвежонку с опилками в голове послал многолетнюю дружбу с Робертом Ротштейном и его семьей, которая через три года пополнилась еще одним читателем - Давидом, так как мальчик начал тоже читать русского Винни-Пуха раньше, чем английского. Они дважды побывали у нас в Комаровке, а Борис, будучи в Америке, посетил их, а переписывались и перезванивались мы все годы.

Было письмо от всей семьи из Новой Зеландии, где девочка, помимо собственного письма, приложила рисунок с изображением персонажей сказки, одетых в меховые шапки, чтобы в нашей суровой зиме они не замерзли. "Потому что в России, говорят, холодно", - объяснила она.

А уж откликов от наших читателей вообще конца не было. Вместе с радостью от чтения добрых писем Борис испытывал горечь, что ничем не может помочь тем, кто спрашивает, где купить эту книгу, что не может послать в подарок самым нуждающимся и даже сказать, когда будет следующее издание.

Как известно, первое издание книги, которая называлась "Винни-Пух и все остальные" с рисунками Алисы Порет, произошло в 1960 году в издательстве "Детский мир". Тираж 150.000 экземпляров.

Следующее издание книги, теперь названной "Винни-Пух и все-все-все", осуществилось только через пять лет, в 1965 году, в издательстве "Детская литература". Иллюстрации к ней были выполнены Борисом Диодоровым и Геннадием Калиновским. Тираж 100.000 экземпляров.

1969 год. Издательство "Детская литература". Тираж 100.000 экземпляров.

1970 год. Издательство "Малыш". Тираж 150.000 экземпляров.

Далее примерно раз в два года повторялись издания. Но это же капля в море. Позднее начали появляться рекордные тиражи - 3.500.000 экземпляров! Таким был тираж сборника, где, помимо Винни-Пуха, были еще две сказки, выпущенного издательством "Правда" в Москве в 1985 году.

С 1991 года для любителей "Винни-Пуха" наступило раздолье, его издают не по разрядке, а по потребности. Теперь можно купить книгу с самыми разными рисунками, даже с самыми лучшими, с теми, которые увидели свет в 1926 году, - с рисунками Шепарда.

За долгие годы жизни Винни-Пуха в России у него, помимо основных текстов, прибавилось много новых. Ведь он снимался в мультфильме, где персонажи пели новые песенки, выступал на кукольной и взрослой сцене, в опере, например, в Театре Наталии Сац. Появились "Утренняя Кричалка", "Секретная Шумелка", "Песнища", "Хор Всех-Всех-Всех", "Ария Иа-Иа", "Трио" - это исполняют Сова, Пух и Пятачок, "Ариозо Кролика", "Рычитание Тигры" (да не один, а целых два!), "Ариэтта Кролика", "Финальный хор" и многое другое, сочиненное Борисом Заходером вместе с Винни-Пухом. С этими новинками английский Уинни-тэ-Пу, возможно, не знаком.

В 1967 году до Бориса дошел слух, что его "Винни-Пух" напечатан в Америке, но увидеть эту книгу или хотя бы подтвердить этот слух у нас не было возможности. Не помню точно, кто, но один из знакомых, который так и не смог приобрести эту книгу на родине, будучи в Америке, увидел русского Винни-Пуха и решил купить, хоть это и дороже. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что это факсимильное воспроизведение того самого "Детгизовского", но с рекламой издательства Даттон. Он привез её нам, а взамен попросил нашу. Так эта книга наконец попала к нам. На обороте суперобложки была реклама такого содержания:

Winni-the-Pooh "стал русским медведем. Теперь у него новое имя - Винни-Пух, и он разговаривает по-русски, как будто провел всю жизнь на берегах Волги". Заканчивалась реклама предложением "радоотно апплодировать этому ослепительному литературному ballet Russe".

Кроме этого, содержалась, на мой взгляд, очень важная информация, особенно для тех, кто пытается доказать, что имена, особенно имя главного персонажа сказки, не являются собственностью Бориса Заходера.

Сначала английскими буквами было написано русское название книги: Vinni-Pukh i vse-vse-vse (WINNI-THE-POOH and All-All-All). Приводились параллельно английские и русские, даже с транскрипцией, имена персонажей, чтобы читатели могли их узнать.

Winnie-the-Pooh Vinni-Pukh Винни-Пух
Piglet Pyatachok Пятачок
Eeyore Iа-Iа Иа-Иа
Tigger Tigra Тигра
Kanga Kenqa Кенга
Roo Kroshka Ru Крошка Ру
Owl Sovа Сова

Вместе с популярностью книги и интересом к ней читателей рос интерес желающих воспользоваться её растущей популярностью, сделать новый перевод, хотя то, что сделал Борисом, переводом назвать нельзя - это авторский пересказ, и только глубокая порядочность Заходера не позволила ему поступить так, как поступают некоторые. (Вспомните историю с волшебником из страны Оз Фрэнка Баума, которая превратилась в авторскую работу под названием "Волшебник изумрудного города). Да и не только её.

До сих пор наши литературоведы почему-то медлят с признанием отечественного литературного феномена - рождение пересказа, переосмысления английской книги, которая стала настоящей русской, что Бориса Заходера надо считать равноправным соавтором. Существует лишь один способ, позволяющий переводить непереводимое, - это писать заново. Как сказал сам Борис Заходер: "Писать так, как писал бы автор, если бы он писал на языке перевода, в данном случае - русском". И это тот счастливый случай для Милна, когда его соавтор со-равен сова, а может быть, местами даже превзошел самого автора. Существует мнение, и я не собираюсь о нем умалчивать, что русский Винни-Пух сильнее и интереснее английского. И не этой ли удачей судьбы объясняется мировая известность этого Винни, говорящего по-русски.

Вернемся к желающим "улучшить и углубить". Далее дело техники. Имя главного героя уже знают все, его замена делает книгу непокупаемой, значит, берем имя и делаем вид, что так и было задумано Милном - Винни-Пух. Я не знаю, почему Борис Заходер никогда не упоминал, что даже он сам не сразу нашел имя главному герою. Английское имя не является не только дословным, но даже и не добуквенным переводом. Самый первый вариант, в одной пробной главе журнала "Мурзилка" в 1958-м, пересказанной Борисом, медвежонку назван совсем другим именем. Значит, даже для Заходера имя не было сразу бесспорным, оно лежало на поверхности, как пыталось доказать плагиаторы. Даже для слабо владеющего английским языком ясно, что если переводить имя дословно, то это будет Уинни - Тьфу или Уинни - Фу (пренебрежение, нетерпение), а если по звуку, то Уинни-тэ-Пу или Пю - [ри:], и никакого Пуха, никакой Пушистости Миллом в это имя не было заложено. Хотите заново делать прекрасно сделанную книгу, ищите другое имя, а не используйте чужую мысль. Сделайте лучше в конце концов, если хочется славы! Я уж не говорю об остальных находках, когда Заходером, чей бесспорный талант ярко проявился в этой работе, использованы богатые возможности русского языка, делающие русскую книгу неотразимой. Что бы было, если бы остались только "Шум" - (poise), как у Милна, а не Шумелки, Пыхтелки, Сопелки, - все эти поэтические шедевры Медведя с опилками в голове. А Сова, ученый "синий чулок", которая в первоисточнике вовсе не женского рода, а филин или, чей, Тигра, а не Тигр. А надпись на дверях Пятачка - "Посторонним В.". А "Пуховая опушка", где использовано имя героя в названии, тогда как у Милна - это дом на углу Пу или Пю; игра в Пустяки. Наконец, тон, найденный в сказке!

Напомню высказывание ("Аргументы и факты", №25 за 2000 год), накануне приговора Государственной преиио: "... Борис Заходер, которому за один перевод "Винни-Пуха" давню надо было Ленинскую премию дать".

Прошедшей весной апреля я была приглашена в Российский фонд культуры на торжественный вечер, посвященный Международному дню детской книги. Состоялся замечательный вечер с награждением почетными дипломами авторов, пишущих для детей; презентацией коллекции книг художников, номинирующих на медаль Х.К. Андерсена; а презентацией нового проекта издательства "Самовар", после которого нас пригласили на фуршет в соседний зал. Стоя у стола, поедая пирожное и запивая его соком, я случайно оказалась рядом с парой детей. Он показал мне, я иностранец, судя по акценту, она - наша дама, пишущая для детей. Я не сразу её узнала, так как видела у нас в доме много лет тому назад. Мы все сильно изменились за эти годы. Она оживленно и достаточно громко беседовали о Заходере и его Винни-Пухе. Дама объясняла своему соседу по фуршету, что Заходер слишком "озаходерил" Винни-Пуха, и она имеет намерение исправить этот промах. На вопрос господина с акцентом, как она собирається поступить с именами, она, не задумываясь (уже все решила!), ответила, что это и так все ясно. Ведь Винни-Пух, это Винни-Пух, Кролик и есть кролик, то есть для неё проблемы с именами не существует. В этот момент я чуть не поперхнулась пирожным, к которому тут же потеряла интерес, вероятно, слишком горячо заступаясь за авторство Заходера на имя главного героя. - "Почему Вы так горячитесь?" - спросил меня господин. "Да потому что я тоже Заходер" - ответила я.

Интересно, неужели и она, которая занималась на литературных курсах Бориса Заходера, была если уж не его ученицей, то хотя бы слушательницей, посмеет, подобно другим проходивцам от литературы, нарушить границы духовного приличия или хотя бы профессионального братства, проводящая составляет работу. Сколько вариантов уже "навалили" бойкие переводчицы. Если бы это были самостоятельные работы! Я так и вижу, как они усаживаются за стол, положив слева книгу "Винни-Пух и все-все-все", а справа "Winni-the-Pooh and The House Pooh Corner", начинают сравнивать, придумывать, чем и как заменить слова Заходера, "чтобы и волки были сыты и овцы - целы". Тон рассказа, найденный Заходером, им кажется подходящим, поэтому он не претерпевает у них изменений. Пятачка, чтобы не заимствовать напрямую, назовём Кроликом. Что делать с песенками? Можно назвать, как у Милна, словом Шум. Однако хочется сделать, как у Заходера, но чтобы никто не упрекнул их в плагиате, они придумывают "бубнилки" (как остроумно заметил сам Заходер: "Здесь на авторство я не претендую..."), что, однако, является прямым плагиатом самого прѣдма. Первоисточники, пытаясь оправдаться, называют это "не позиционировали, а именно "употребляли", хотя и вслед за Вами, поскольку логика литературного перевода не допускала, (...), иного варианта без очевидной потери его качества".

Не могу не согласиться с убеждением переводчиков, что все эти досадные "совпадения не являются творческими заимствованиями". Заимствования творческими не бывают. Это называется иначе. /из письма Бориса Заходера директору издательства, выпустившему именно этот перевод книги Милна.

Известно, что читатели обожают традиции. Я помню, что Борису очень хотелось назвать Алису Альской или на худой конец Алиской и страну назвать иначе, например, не страной чудес, а Вообразией, но, понимая, что читатели не смиряются с таким произволом, оставил традиционное название. Я знаю таких читателей, которые в детстве, впервые прочитав самое первое издание "Винни-Пух и все остальные", не могли смириться со сменой названия, тоскуют о старом, а рисунки Алисы Порет предпочитают другим.

А для тех, кто познакомился с Винни-Пухом сначала по мультфильму, нет ничего дороже медведя, который скорее похож на картофелину, чем на того традиционного мишку, который был в детстве старшего поколения, например, в моём. Остроносый, с горбинкой на хребте, плотно набитый опилками, - такой тяжеленький. Сейчас, увы, не найдешь медведя, у которого в голове опилки, все больше поролон.

Так что, купив любимую книгу своего детства, где авторство переводчика закамуфлировано, и обнаружив в ней такие перлы: "Он с важным видом продолжил прогулку по Лесу, что-то гордо побубнивая себе над нос"; а вместо знаковой песни "Я Тучка, Тучка, Тучка, а вовсе не медведь" обнаружит вслед за гордо побубнивающим медведем плывущие и несущие себя одна за другой "гордые" тучки: "Как приятно тучкой быть, В синем небе гордо плыть", "...даже маленькая тучка, гордо так себя несет" (что ждать от поролона в голове?) - огорченный родитель испытает то самое чувство, сродни которому лишь покупка "Бормотухи под видом Винни-Пуха", как сказал один островлов.

В 2000 году наступил юбилей русского Винни-Пуха. Сорок назад, 13 июля, было подписано к печати первое издание сказки о Винни-Пухе. Еще здравствующий Борис Владимирович получил поздравления от близких людей, но официально никто, как говорится, "не почесался". Но вот в наше число телевидения 2001 года в мире отметили 75-летие английского Уинни-тэ-Пу, и первая редакция и телевидение, называя его Винни-Пухом, именем, которое дал ему его приёмный отец, заволновало. Были разные мысли у наших корреспондентов, но ни один из них (по крайней мере то, что я слышала сама) не сказал ничего о Заходере и собственном юбилее, который, вероятно, важнее для нашей словесности. Мне в эти дни позвонили с просьбой дать интервью для городского телевидения. Я не отказалась, но говорила совсем не о том, о чем они хотели услышать, а именно о том, что сейчас написала. Хотелось бы отпраздновать юбилейный день рождения русского Винни-Пуха, правда, в этом году у него уже не круглая дата - ему 42 года.

И снова, уже не первый раз, словно мои мысли подслушаны кем-то, именно в тот самый день, когда я писала строки о юбилее, позвонил композитор, который недавно написал музыку к более чем двадцати песенкам Винни-Пуха, и сказал, что хочет устроить день рождения медведя. Мы с ним обсудили возможные даты. К сожалению, 13 июля, который мог бы считаться днем рождения Винни-Пуха, неудобен ввиду школьных каникул. Мы подумали о дне рождения Бориса Владимировича, что есть 9 сентября, и именно в этот день Борису Заходеру исполнилось бы 84 года. То есть ровно в два раза старше своего приемного сына.

Да, еще много осталось проблем с этим симпатичным медведем. Засилье на экране диснеевского Уинни-тэ-Пу, которого без разрешения автора этого имени называют Винни-Пухом, не может конкурировать по качеству с нашими мультфильмами. Но у нас их меньше, чем пальцев на одной руке. А там эти персонажи, с ними чаще в книжных только внешностью и именами, ничего общего по характеру с ними чаще не имеющие, бесконечны. Это очередные болванки. Где наши сериалы по нашей книге о Винни-Пухе? И тепер, увы, нет соавтора Винни-Пуха, чтобы написать новые песни, рычитативы, шумелки для новых серий, если и решится кто-то продолжить фильмы.

Перебирая бумаги на письменном столе Бориса Владимировича, я отложила в сторону три листа, которые и раньше попадались мне на глаза. На двух из них были рукописные варианты перевода слов А. Милна, которые являлись его своеобразным заведением. Там же даты рождения и смерти Милна (1882-1956) и Шепарда (1879-1976) и кое-какие сведения из творческой биографии Шепарда.

На третьем листке, напечатанном на принтере, два рисунка и перевод "завещания" Милна, видимо, тоже не окончательный, так как и там имеются рукописные исправления и помарки.

Милну так нравились рисунки Шепарда, что он написал такие стихи:

Когда умру -
Пусть украсят
Надгробный камень мой
Два рисунка -
До-ся-116
И сто шести-се-ся-той

Св. Петр, решив, что мною создана
Эта сказочная красота,
Сам распахнѣт предо мной
Небесные врата!

Когда встал вопрос о памятнике на могиле Бориса Заходера, мы с друзьями решили, что, видимо, неспроста эти листочки лежали так долго, до последнего дня, на самом виду. Он мне их показывал, показывал друзьям, словом, его что-то волновало в них. Я знаю, что к памятнику у него отношение было скорее творчески-юмористическое. Когда он бывал на кладбищах, то обращал особое внимание и даже запомнил надписи, которые вызвали у него улыбку. Например, он нередко вспоминал такую: "Здесь покоится отличник боевой и политической подготовки ..." Или: "Юрочка Пресняков прожил 15 лет, не получив в этой жизни никакого удовольствия..."

Мы долго думали. О надписи на надгробии не могло быть и речи, разве что стихи. Не буду томить читателя, скажу только, что мы впоследствии уже вместе с скульптором памятника Андреем Наличем решили выгравировать на камне одну из этих картинок, чтобы поклонники писателя и поэта Бориса Заходера, подойдя к его могиле, не загустели, а улыбкуясь, узнав удаляющихся в сторону заходящего солнца его сказочных друзей. Надеюсь, нам это удалось. |

КНИГИ

| *Николай тургенев/алексей кара-мурза*

Николай Тургенев

Россия и русские. Перевод с французского С. Житомирской. - М., ОГИ, 2001.

ЗАПОЗДАВШИЙ ДЕКАБРИСТ

Выход этой книги способен навсегда похоронить распространенные в школьной среде представления о маркизе де Кюстине как главном хулителе русской жизни. Николай Тургенев (1789 - 1871) нарисовал такую объемную картину николаевской России, причем так беспристрастно, что читателю делается не по себе.

Тургенев происходил из знаменитой семьи. Его отец был директором Московского университета, рано умерший брат - поэтом, а второй брат - отчаянным западником, большую часть времени проводившим за границей. В 1818 году Николай Тургенев выпускает книгу "Опыт теории налогов", а затем и много времени уделяет работе Союза благоденствия, одного из важнейших обществ декабристов. Но в самом восстании декабристов он участия не принимал, поскольку к этому времени жил за границей. В Россию вернуться отказался, был заочно приговорен к смертной казни, замененной затем пожизненной каторгой. Англичане его не выдали, и Тургенев стал одним из первых политэмигрантов в русской истории нового времени.

К своей эмигрантской судьбе он отнесся ответственно, после многих лет работы выпустив в 1847 году в Париже "Россию и русских".

В книге три раздела - автобиографические "Записки изгнанника", аналитическая часть - "Политическая и социальная картина России" и часть футуристическая - "О будущем России". Именно в ней Тургенев высказывает идеи, которые назвали позднее "общечеловеческими ценностями". Но наиболее интересной выглядит сегодня вторая часть, систематизирующая бесценный фактологический материал. Читая ее, поражаешься, насколько за полтора века мало изменилось что-то существенное в отечественных привычках. Здесь немало историй, словно списанных с наших дней, - будь то истории о фальшивой водке (в нее и два столетия назад добавляли ядовитые вещества, отчего мор на Руси стоял великий) или о бесправии солдат и злоупотреблении властью в армии. Существовало в николаевской России и так называемое "Адресное бюро", которое всю работало в Москве и Петербурге - формально для учета приехавших на заработки крестьян, а на самом деле, как утверждает автор, для слежки и вымогания денег у приезжих. Чем не нынешняя борьба с незарегистрированными гостями столицы, когда даже иностранцы с визами МИДа подвергаются милицейским гонениям и поборам!

Книга создана в той же традиции скептицизма по отношению к происходящему, что и "Философические письма" П.Я. Чаадаева. Афористичный слог ("Под властью абсолютного монарха больше значит молчание, а не слово") сочетается с анализом столь разносторонним и глубоким, что впору было говорить о появлении на интеллектуальной сцене мыслителя редкой величины, о чьей государственной карьере в иных странах не стоило бы беспокоиться. Даже недоброжелательный Вигель оценил панорамность тургеневского взгляда по прочтении "России и русских": "Можно подумать, что он действительно управлял у нас каким-нибудь министерством".

Тургенев возлагал большие надежды на книгу, рассчитывая с ее помощью привлечь внимание Европы к странным обстоятельствам российской общественной жизни. Но западноевропейская публика не оценила титанический труд. Образ России, единственной страны рабовладельческого типа в тогдашней Европе, в глазах политиков и журналистов был сформирован с негативным знаком, да и до Крымской войны оставалось не так уж и много времени. Тем более трудно было найти сочувствующих читателей среди российской элиты. Неприятие же книги одним из ближайших тургеневских друзей Василием Жуковским, увидевшим в записках выражение "враждебного чувства к России", тоже легко объяснимо. Воспитывавший наследника престола поэт разделял общий взгляд на патриотическое отношение к Отечеству, согласно которому этот взгляд принадлежит человеку любящему и потому не критически мыслящему.

Тем не менее книга довольно активно нелегально распространялась в России, хотя и возбуждались дела о ее незаконном хождении, а из продажи изымались все французские труды, где Тургенев цитировался. Не удивительно, что и в 1907 году попытки опубликовать текст тургеневского труда в России наткнулся на непреодолимое сопротивление цензуры. Странно только, что и декабристы не оценили тургеневского текста по достоинству - они сочли его антирусским, а дистанцированность тургеневских оценок по отношению к декабристским идеям и методам была вообще расценена как предательство. Несправедливость бывших соратников ("сочинение очень посредственное и не совсем прямодушное", писал Басаргин) удивляет и сегодня. И потому, когда Тургенев все же вернулся в Россию после амнистии, большинство декабристов не захотели с ним видеться, хотя при случайных встречах никто не отказывался подавать ему руки.

Следом за декабристами негативно отнеслись к книге Тургенева и многие советские исследователи, прежде всего главный историк СССР М.В. Нечкина. Во многом благодаря ей и сам образ Николая Тургенева, и значение его уникальной книги оставались недооцененными в советскую эпоху. И лишь теперь, в XXI веке, трезвый взгляд Тургенева получил шанс на взаимопонимание. |

/ *алексей мокроусов*

Алексей Кара-Мурза

Знаменитые русские о Риме.

Алексей Кара-Мурза

Знаменитые русские о Венеции.

Алексей Кара-Мурза

Знаменитые русские о Флоренции.

- М., Независимая газета, 2001

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ИТАЛЬЯНСКОМ RENDEZ-VOUS

Есть вещи, которые западают в душу с детства для того, чтобы никогда уже ее не покинуть. Таковы рассказы о путешествиях.

Афанасий Никитин и Марко Поло, Томек на черном континенте и горные авантюры....

В этом ряду Италия занимает совершенно особое место. Пожалуй, только "город-светоч" Париж может сравниться с нею мифологической силою, отраженной в тысячах романов и мемуаров, газетных свидетельств и дневниковых записей.

Собственно, все красоты неаполитанских ландшафтов и римских улиц, флорентийских мозаик и альпийских озер уместаются в одну простодушную фразу "Italia la bella".

Но поскольку и такую фразу нынешнее деконструктивное мышление способно комментировать годами, появление трехтомника Алексея Кара-Мурзы выглядит первым камнем в кладку огромного здания.

Автор собрал свидетельства десятков русских, путешествовавших по Апеннинам в последние две сотни с лишним лет. От Фонвизина и Погодина до Вейдле и Бродского, от Кипренского и Брюллова до Чайковского и Володина. Включая, конечно же, главных италофилов русской культуры, создавших в начале XX века счастье для России интеллектуальное лобби: Иванов, Осоргин, Зайцев и прежде всего Павел Павлович Муратов. Именно его "Образы Италии" оказались настоящей Библией всех тех, кто был, собирался или только мечтал посетить страну Данте.

Хотя рождение муратовской книги пришлось на переломный период русской истории, она не канула в Лету, поскольку стала уже итогом долгого развития. Ведь чувства тоже могут развиваться, обогащаться памятью и впечатлениями, и потому каждый путешественник является куда-то, уже обремененный подсознательно всеми предшествующими путешествиями и впечатлениями, даже если о них и не подозревает.

Италия, как мало какая другая страна, богата в этом отношении аллюзиями и скрытыми цитатами. Она жила в сознании русских как праматерь всех культур - даже Греции не удалось встать с нею вровень в глазах русских, а Франция, хоть и задавала на протяжении столетий культурные и поведенческие рамки во всех возможных сферах, но сама вынуждена была подчиниться европейской моде на итальянские путешествия. И русские тоже охотно последовали этой моде. Результат этого влечения к берегам Тибра и Арно, каналам и ветру с моря и стал трехтомник, подводящий черту под культурой Серебряного века, наследием его предшественников и немногочисленных наследников.

В этом смысле выбор трех городов-персонажей для работы Алексея Кара-Мурзы можно считать и максимально легким, и самым трудным: Венеция, Флоренция и Рим принадлежат к топосам Италии, наиболее воспринятым русским мышлением. Количество посвященных им текстов огромно, выбирать приходится буквально из залежей, доступных любому. Но что выбрать? Как выявить характерное? И тут, конечно, не приходится предъявлять претензий по поводу возможных лакун (вроде писем Сильвестра Щедрина, например, русского пансионера в Риме в первой четверти XIX века), тем более что полузабытых авторов из глубины времен составителем выгашено немало. Любая антология в конце концов чужда универсальности, но хороша тем, что предлагает изначально сфокусированный взгляд на явление. Приятно, когда он оказывается таким осмысленным. И к тому же таким полиграфически приятным: работа художника Дмитрия Черногаева мало в чем уступает вздохам русского человека по поводу итальянских гармоний, вздохам, сохранным для нас временем.

С другой стороны, очередь за такими жемчужинами, как Неаполь - город, полный культуры и природы, вдохновлявший и Батюшкова, и того же Щедрина... Или Тоскана - ее холмы вполне вписываются в этот цикл книг, связующий Россию и Европу крепче иных договоров, возвращающий читателя в то состояние всемирной отзывчивости, о которой многие уже было позабыли. |

/ *алексей мокроусов*

МАМА ИЗ МЭНВИЛЛА

*мэрджери роулингс
Роулингс (Rawlings) Мэрджори Киннан (1896-1953) - американская писательница, лауреат Пуллитцеровской премии (1939). Большинство ее произведений посвящено родному штату Флорида и его людям. Любимые герои - дети, которые сталкиваются с недетскими проблемами и не по-детски их решают, оставаясь при этом детьми.*

Приют стоял далеко от проезжих дорог, высоко в горах Каролины. Бывало, зимой в этих краях выпадало столько снега, что приют оказывался надолго отрезан от ближайшей деревушки, от всего мира. В такие дни вершины гор покрываются туманом, снег сыплет беспрерывно, дует ледяной ветер, и мальчишки, которые дважды в день должны носить с кухни молоко в корпус для малышей, частенько отмораживают пальцы.

"А бывает, – рассказывал Джерри, – надо еще нести еду больным в лазарет. Тогда можно и лицо отморозить. Руки–то заняты, лицо от ветра не прикроешь. У меня–то хоть варежки есть, – добавлял он. – А у многих ребят нету".

Он рассказывал, что больше всего любит раннюю весну. В эту пору горные склоны покрываются ковром из цветущего рододендрона, нежного и мягкого, как майский ветерок.

"Так красиво, когда цветы распускаются, – говорил он. – Бывают белые, а бывают лиловые".

Я оказалась в тех краях осенью. Хотелось покоя и тишины, чтобы расслабиться, потом сосредоточиться и наконец что–то написать. Я мечтала о том, как горный ветерок избавит меня от застарелой тропической малярии. Прожив долго среди пальм, я соскучилась по огненно–ярким октябрьским кленам, по спелой тыкке и лесным орехам. Я сняла в горах избушку, которая принадлежала приюту и находилась в полумиле от него. В приюте я попросила прислать мне кого–нибудь, чтобы наколоть дров для печки. Поначалу дни стояли теплые, и мне хватило мелких дровишек, что я набрала вокруг дома. Никто ко мне не пришел, и я уже стала забывать о своей просьбе.

Однажды, ближе к вечеру, я подняла взгляд от своих бумаг и вздрогнула от неожиданности. На пороге стоял паренек. Рядом с ним вертелся мой пойнтер, который отчего–то даже не предупредил меня лаем. Мальчишке можно было дать лет двенадцать, хотя ростом он не вышел. Он был бос и одет в какие–то обноски.

"Могу дров наколоть", – сказал он.

"Спасибо, – ответила я, – но ко мне должны прислать парня из приюта".

"Это я и есть".

"Ты? А ты не маловат для этого дела?"

"Тут не важно, какого ты роста, – усмехнулся он. – Бывают парни здоровенные, а дров наколоть как следует не умеют. А я в приюте давно этим занимаюсь, руку набил".

Воображение нарисовало мне печальную картину: ворох бесформенных щепок, которыми придется топить мою печку. К тому же меня отвлекли от работы, я была раздосадована и не настроена спорить.

"Ладно. Von топор. Принимайся за дело, и посмотрим, что у тебя получится".

Дверь закрылась, и я склонилась над своими записками. Поначалу мальчишка принялся обрубать сучья, и беспорядочный стук топора меня немного отвлекал. Потом он начал колоть. Удары стали ровными и ритмичными, и вскоре я перестала обращать на них внимание, подобно тому, как перестает замечать монотонный шум дождя за окном. Прошло, наверное, часа полтора, прежде чем стук прекратился и мальчишка появился на пороге.

"Мне пора идти на ужин. Завтра могу прийти еще".

"Сейчас я заплачу тебе за работу, – ответила я, а сама подумала, что надо бы взамен пригласить паренька постарше. – Десять центов в час тебя устроит?"

"Как вам будет угодно".

Мы вместе вышли из избушки. Перед огромной кучей наколотых поленьев я так и застыла в изумлении.

"Да ты сделал работу за двух взрослых мужчин!"

Тут я впервые внимательно присмотрелась к нему. Его взъерошенные волосы были цвета спелой пшеницы, а глаза напоминали небо перед дождем – скорее серые, чем голубые, и очень серьезные. Когда я похвалила его, эти глаза загорелись, словно из–за дождевых облаков выглянуло солнышко. Я дала ему четвертак.

"Я завтра еще приду, – сказал он. – И спасибо вам большое".

Он посмотрел на меня, потом на монетку и, казалось, хотел что–то сказать, но не мог найти слов. Потом повернулся и ушел. На следующий день он, и правда, пришел снова и колот дрова, пока не пришло время возвращаться на ужин. Я узнала, что зовут его Джерри, что ему двенадцать лет и в приюте он живет с четырёхлетним возраста. Я постаралась представить его четырёхлетним. Был ли он таким же самостоятельным, гордым и независимым? Нет, наверное, это была даже не гордость. Я бы назвала это достоинством.

Это слово значит для меня очень много, но я нечасто его употребляю. Настоящим достоинством обладал мой отец, а потом я редко встречала человека, у которого оно было бы таким же чистым, спокойным и несуетливым. В отличие от большинства мужчин, встречавшихся на моем пути, мальчишка по имени Джерри обладал достоинством. А еще он был честным.

В тот день во время работы треснуло топориче. Джерри сказал, что отнесет топор в приют и попросит местного плотника его наладить. А когда я протянула ему деньги за работу, он отказался их взять.

"Я же сломал топор. Это с меня причитается".

Я постаралась его успокоить: "Тут нет твоей вины. Просто дерево для топорича выбрано неправильно. Я отнесу топор в деревенскую лавку, где он куплен, и потребую топориче заменить".

Только после этого он взял деньги. Ведь он был готов ответить за свой промах. Он был самостоятельным человеком, умеющим делать свое дело, получать награду и расплачиваться за неудачи. Наколотых им дров мне, наверное, хватило бы, даже если бы я решила здесь зазимовать. Я почувствовала непонятную грусть от того, что он больше не придет. Но он пришел. Просто так. Поинтересовался, конечно, но нужно ли чего сделать. Не получив никаких поручений, спросил: "Можно я тогда просто тут побуду?".

"Только мне нужно работать. Ты ведь не будешь мне мешать?"

Он торопливо кивнул и уселся на крыльцо. Там он и сидел молча и лишь изредка поглядывая в мою сторону. Я так погрузилась в работу, что и забыла о нем. Вспомнила, только когда начало темнеть. Джерри рядом не было.

Я вышла и огляделась. Его хрупкая фигурка удалялась вверх по склону в направлении приюта. Я присела на крыльцо. Оно еще хранило тепло его тела.

Джерри стал частенько ко мне навещать. Иногда находил себе мелкие дела, о которых я даже не просила. А чаще просто сидел поодаль, не говоря ни слова и стараясь мне не мешать. Он вел себя, словно преданный пес, не докучающий хозяину, но готовый откликнуться на первый зов. Ничего удивительного, что они подружился с моей собакой Пэт. Это была очень интересная пара, объединенная каким–то внутренним родством. Казалось, они оба знают что–то такое, чего другим никогда в жизни не понять.

Когда мне понадобилось на пару дней уехать по делам, я спокойно оставила Пэт на попечение Джерри. Мы договорились, что он будет охранять два–три раза в день, кормить собаку и гулять с ней. Вернуться я собиралась воскресным вечером, так что последний раз Джерри должен был прийти в воскресенье днем.

Погода спутала наши планы. В воскресенье с гор спустился густой туман. Мне пришлось заночевать в гостинице, ибо ехать в горы сквозь такой туман было бы безумием. Непогода продержалась почти сутки, так что вернуться мне удалось лишь в понедельник к вечеру. Собаку я нашла сытой и довольной. А вскоре появился взволнованный Джерри.

"Директор сказал, что сквозь такой туман в нашу сторону никто не проедет. Вчера вечером я приходил, и вас, конечно, еще не было. А утром я принес для Пэт кое–что из своего завтрака. Нельзя было оставлять собаку голодной".

"Я и не сомневалась, что все будет в порядке, и совсем не беспокоилась".

Я дала Джерри доллар за труды, и он поспешил уйти – в приюте его ждали какие–то дела. А поздно вечером, к моему удивлению, он появился снова.

"Можно мне войти?"

"Конечно, входи. Вот только можно ли тебе отлучаться так поздно?"

"Вообще–то я отпросился. Я сказал... что вы хотите меня видеть", – неуверенно произнес он.

"Ну, конечно, – кивнула я. Он вздохнул с облегчением. – Я хотела расспросить, как ты управлялся с собакой".

Он уселся у огня и принялся рассказывать про те два дня, что они провели вместе с Пэт. Собака лежала рядом и, казалось, внимательно слушала, готовая подтвердить каждое слово. Мне вдруг подумалось, что с помощью Пэт Джерри еще больше приблизился ко мне. Оба они – мальчик и зверь – стали моими. Оба были преданы мне и нуждались во мне.

Рассказав все, что мог, Джерри умолк и уставился на огонь. А потом вдруг заговорил о том, о чем раньше не говорил никогда и о чем я сама не решалась спросить.

"Вы чем–то наслышаете мою маму, – задумчиво сказал он, – особенно если смотрите вот так, возле огня".

"Но, Джерри, ты ведь попал в приют, когда тебе было всего четыре года. Неужели ты так хорошо помнишь, как она выглядела? Столько лет прошло!"

"Моя мама живет недалеко, в Мэнвилле", – ответил – он.

Его слова не просто удивили, а по–настоящему потрясли меня. Потом я поняла, отчего эта новость так меня задела. Я не могла поверить, что бьют женщины, способные бросить своего сына. И такого сына! Да, конечно, в приюте дети сыты и ухожены, несложная работа, которую им приходится выполнять, не так уж их обременяет, а персонал составляют добрые, порядочные люди. Но разве могут они заменить родную мать?! А та спокойно живет неподалеку и, наверное, уже позабыла про свое дитя, плоть от плоти своей.

Мне очень о многом хотелось его расспросить. Только сделать это надо было деликатно, чтобы не причинить ему боль.

"А давно ты ее видел, Джерри?"

"Я бываю у нее каждое лето".

"Но почему же ты не живешь с ней? – воскликнула я, забыв про деликатность. – Как можно бывать у мамы в гостях, а потом возвращаться в приют? Неужели она сама так хочет?"

"Она приходит ко мне всякий раз, когда может. Просто сейчас у нее трудные времена – опять сидит без работы", – ответил он спокойно и просто.

При воспоминании о матери его лицо, казалось, начало излучать свет. Или это был отблеск огня в печи?..

"Она хотела подарить мне щенка, но в приюте держать щенка не разрешается. От помните пиджак, что был на мне вчера? – его разрозно дрожал от гордости. – Этот пиджак она прислала мне на Рождество. А на прошлое Рождество... – он глубоко вздохнул, словно припоминая, – она мне подарила коньки!"

"Роликовые?" – спросила я невпопад. В моей голове роились беспорядочные мысли, я безуспешно пыталась понять эту женщину. Выходит, она его не бросила совсем. Но почему же... "Нет, – подумала я, – не могу я ее судить, не зная всего".

"Да, роликовые, – успешно кивнул он. – Ребята часто просят у меня покататься, и я всегда даю. Потому что они аккуратно катаются. До сих пор коньки как новенькие!"

Но что же еще, помимо жестокой нужды, могло заставить ее...

"На тот доллар, что вы мне дали, я хочу купить ей перчатки".

"Очень мило, – только и смогла сказать я. – А ты знаешь ее размер?"

"Наверное, восемь с половиной", – задумчиво сказал он.

Потом взглянул на мои руки.

"У вас ведь восемь с половиной?"

"Нет, – ответила я, – мой размер поменьше, шестой".

Он призадумался. Потом сказал: "Ну да, конечно, у мамы руки больше".

В этот момент я буквально возненавидела ее. Как бы она ни нуждалась, не хлебом единым жив человек. Душа истощается так же, как и тело. Ее мальчик раздумывает о том, как на свой единственный доллар купить перчатки для ее ничтожных рук, а она спокойно живет вдали от него, в Мэнвилле, и раз в год откупается от него какими–то коньками.

"Ей нравятся белые перчатки, – продолжал он. – Как вы думаете, ей смогу купить такие за доллар?"

"Наверное, сможешь", – ответила я. А про себя подумала, что не смогу уехать из этих мест, не повидав ее и не разузнав, отчего все так случилось.

Впрочем, людские настроения переменчивы. Мы с Джерри больше не говорили о его матери, и я, занятая своей работой, стала о ней забывать. Работа моя не ладилась, я чувствовала, что засиделась на месте. Еще... Я почувствовала впечатление – Миксика, Аляска, что угодно еще... Я почувствовала, что пора сниматься с места. О своем отъезде я сказала Джерри накануне.

"Ты стал моим хорошим другом, Джерри. Я буду о тебе вспоминать. И Пэт, наверное, будет тебя вспоминать. Завтра я уезжаю".

Он не сказал ни слова. Топоял с минуту, прикусив губу, потом двинулся медленным шагом вверх по склону. Я думала, что назавтра он придет проститься, но он не пришел.

Сборы мои затянулись, и в машину я села только вечером, нервнo размывая, как бы успеть выехать из горной местности до наступления ночи. Надо было еще заехать в приют – отдать ключ от домика и заплатить по счету. О том, чтобы захватить еще и в Мэнвилл, не была и речи.

Так я и сказала мисс Кларк, сухонькой старой деве, которая встретила меня у ворот приюта. Я попросила ее: "Не могли бы вы позвать Джерри, чтобы я могла с ним попрощаться?"

"А я и не знаю, где он, – ответила мисс Кларк. – Ему вроде сегодня нездоровится, обедать не стал. Ребята говорили, что он ушел куда–то в луга. Как нехорошо! Он ведь должен сегодня дежурить в котельной! Вообще–то на него это не похоже, он всегда очень обязательный".

Я даже почувствовала некоторое облегчение, а то при мысли о прощании мне становилось немного не по себе.

Я сказала мисс Кларк: "Мне хотелось поговорить с вами о его матери, о том, почему он здесь, но сейчас так спешу, что на это уже нет времени. Повидаться с ней у меня тоже, конечно, не получится. Я оставлю вам немного денег, чтобы вы от моего имени покупали Джерри подарки на Рождество и на день рождения. Наверное, так будет лучше, чем если я стану сама покупать и присылать подарки. Мне не хотелось бы их дублировать. А то могла бы и коньки купить..."

"На что здесь коньки?" – искумилась мисс Кларк.

Ее непонятливое меня раздражило.

"Я имею в виду, что не хочу присылать ему то же, что дарит его мать. Я могла бы купить коньки, если бы не знала, что она их ему присылала".

Мисс Кларк грустно покачала головой.

"Вы что–то перепутали. Нет у него никаких коньков. И матери нет". |